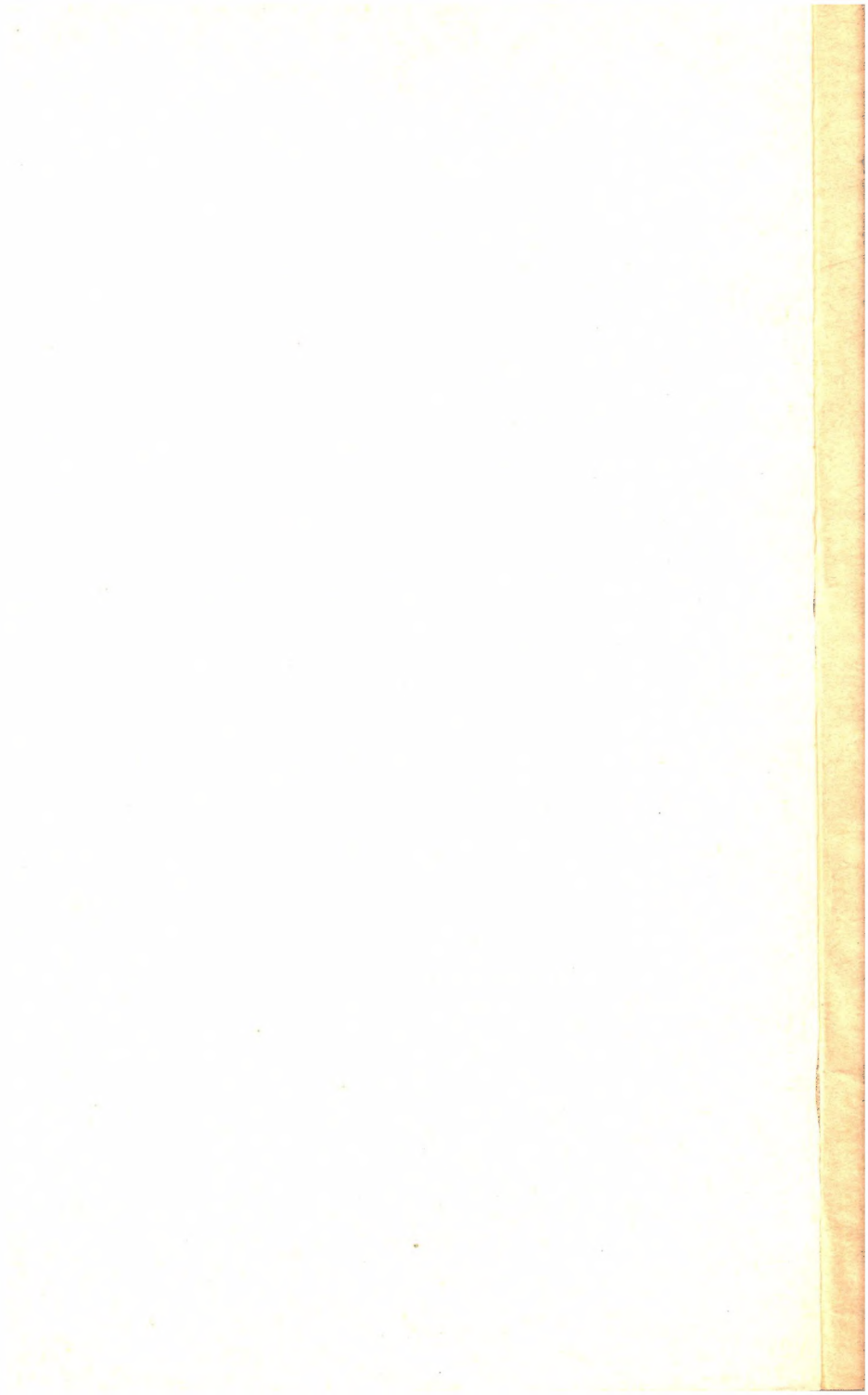

В. СЕМЕНОВ

**ПРОБЛЕМА КЛАССОВ
И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
БУРЖУАЗНОЙ
СОЦИОЛОГИИ**

ГОСПОЛИТИЗДАТ - 1959

В. СЕМЕНОВ

ПРОБЛЕМА КЛАССОВ
И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
БУРЖУАЗНОЙ
СОЦИОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва . 1959

Чем больше обостряются противоречия в мире капитализма, тем больше усилий для его спасения прилагают буржуазные идеологи. В борьбе против марксизма они широко применяют различные теории о классах и классовой борьбе. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена рассмотрению и критике этих теорий. На интересном фактическом материале автор разоблачает попытки буржуазных социологов, реформистов и ревизионистов приукрасить капиталистическую действительность, представить капитализм в виде «бесклассового общества».

В книге анализируются изменения, происшедшие в социальной структуре современного капитализма, рассматриваются некоторые особенности и тенденции в развитии классовой борьбы.

Книгу с интересом прочитают не только специалисты, но и все читатели, интересующиеся общественной наукой.

ОТ АВТОРА

В современной буржуазной науке проблема классов и классовой борьбы занимает одно из центральных мест. Как признавал «Американский журнал социологии», работы на эту тему «превосходят по количеству все другие работы». С 1945 по 1952 г. в капиталистических странах опубликовано по этим вопросам около 500 книг и статей, а в настоящее время издаются ежегодно сотни различных работ. По словам того же журнала, «работы по социальной стратификации — вопросам класса, касты и контроля — распространяются по всему миру»¹. Много внимания проблеме классов и классовой борьбы уделяется современными реформистскими и ревизионистскими теоретиками.

Такое положение сложилось не сразу. Например, наличие в американской истории периодов так называемого процветания, временного ослабления классовой борьбы трудящихся и усиления реформистских иллюзий привело к тому, что до окончания второй мировой войны вопросу о классах и классовой борьбе мало уделялось внимания в американской буржуазной социологии. С 1918 г., писал социолог Ф. Хаус, вопросы «социальных классов, классовой борьбы... и подобные или связанные с ними темы не занимали видного места в социологической литературе»². Многие американские буржуазные ученые и

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 326.

² F. N. House, The Development of Sociology, N. Y., 1936, ch. XXI.

политические деятели считали классовую борьбу возможной только в условиях Европы и невозможной в США в силу присущей им якобы исключительности развития.

С окончанием второй мировой войны, когда обострились все противоречия мировой капиталистической системы, положение резко изменилось. Экономика США подверглась кризисным явлениям в 1948—1949, 1953—1954 и 1958—1959 гг. Широкий размах приняло забастовочное движение. Это заставило американских буржуазных ученых изменить свое отношение к проблеме классов и классовой борьбы. Они вынуждены были признать, что в США «ни один общественный коллектив не свободен от классовых различий и каждый человек по необходимости принадлежит к какому-нибудь классу»¹. Проблема классов и классовой борьбы выделилась в особую отрасль буржуазной социологии — «социальную стратификацию».

Буржуазные теории классов имеют явную политическую направленность и преследуют определенные классовые цели. Их авторы стремятся всячески приукрасить капиталистическую действительность, оправдать существующий строй, ослабить классовую борьбу трудящихся против капиталистического гнета. Свои теории о классах и классовой борьбе они рассматривают в качестве одного из важнейших средств в идеологической борьбе за умы людей.

Буржуазные социологи вынуждены признать, что с ростом классовой борьбы и сознательности трудящихся масс усиливается влияние марксизма-ленинизма. «Американский журнал социологии» с тревогой отмечал распространение идей марксизма-ленинизма не только в странах Европы, Азии и Латинской Америки, но и в самих США. Он предупреждал, что «мировая драма распадается теперь игроками и на американской сцене». Поэтому буржуазные идеологи всеми силами пытаются опровергнуть марксизм-ленинизм. «Единственно важное направление этих теоретизирований, — отмечал американский социолог Джеймс Макки, — их антимарксизм»².

Попытки опровергнуть марксистское учение о классах характерны и для современных реформистских и

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action. A Study of Basic Social Processes*, N. Y., 1954, p. 224.

² «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 364.

ревизионистских теорий. Многие теоретики говорят ныне об «ограниченности» и «устарелости» марксистского учения о классах, требуют пересмотреть его или вообще отказаться от него.

Обстоятельством, обусловившим возросшее внимание буржуазных социологов к проблеме классов и классовой борьбы, являются те изменения, которые происходят в социальной структуре современного капитализма.

То, что капитализм не стоит на месте, а развивается, не является секретом ни для кого. Речь, следовательно, идет о научном объяснении этих процессов. Однако в правильном понимании и объяснении изменений буржуазные ученые не заинтересованы. Они стремятся использовать эти изменения для доказательства «неправильности» марксизма, «устарелости» его выводов, «непригодности» и «неприменимости» его положений к якобы изменившимся условиям развития современного капитализма.

Совокупность отмеченных обстоятельств привела к тому, что ныне проблема классов и классовой борьбы стала одной из главных в буржуазной социологии, реформистской и ревизионистской литературе. По словам буржуазного социолога Дж. Гертцлера, «научная литература по вопросам социальной стратификации в настоящее время является более обширной, чем по любому другому вопросу в социологии»¹.

Большое внимание проблеме классов и классовой борьбы уделяется различными международными социологическими организациями, в частности «Международной социологической ассоциацией». На состоявшемся в августе 1953 г. в Льеже (Бельгия) втором всемирном конгрессе этой ассоциации работа двух из четырех секций была посвящена проблеме классов. На третьем всемирном конгрессе в августе 1956 г. в Амстердаме, посвященном проблеме «Социальные изменения в XX столетии», обсуждение свелось к обоснованию различных буржуазных теорий классов и классовой борьбы. Давая оценку выступлениям буржуазных социологов, глава советской делегации член-корреспондент АН СССР П. Федосеев писал: «В основе всех их разнообразных выступлений обнаружилось явное стремление затушевать

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 216.

обостряющиеся классовые противоречия капиталистического общества. В этих целях были выдвинуты два основных понятия: во-первых, понятие социальной стратификации и, во-вторых, понятие социальной мобильности»¹. Вопрос о классах занял видное место и в работе такой организации, как «Международная ассоциация политических наук». На состоявшемся в августе 1955 г. Стокгольмском конгрессе ассоциации половина докладов была посвящена этому вопросу.

Ведущее место в буржуазном освещении проблемы классов и классовой борьбы занимает ныне буржуазная социология США. Дело не только в том, что американские буржуазные ученые публикуют наибольшее количество книг и статей по этим вопросам, но и в том, что ныне вся буржуазная социология ориентируется на социологию США. Это не отрицают и сами буржуазные ученые. Американский социолог Г. Одам отмечает, что «Америка создала социологию по своему собственному образцу и провозгласила себя лидером социологического мира»².

Американские буржуазные социологи не только наводняют своими сочинениями внутренний рынок США, но и широко экспортируют их в другие капиталистические страны. Они призывают к разработке систем «стратификации» для всех районов мира. «Поскольку Америка осуществляет программы экономического развития в целях усиления своих союзников за границей», постольку США должны также предоставить своим союзникам «все руководство, которое те могут получить от социальной науки», — провозглашает «Американский журнал социологии». Так стремление американского империализма к мировому экономическому и политическому господству сочетается с претензией и на идеологическое господство.

По стопам буржуазной социологии, главным образом американской, следуют современные реформистские и ревизионистские теоретики. В каждом вопросе о классах и классовой борьбе они плетутся в хвосте за буржуазными учеными, повторяя зады давно известных и разоблаченных марксизмом буржуазных концепций и теориек.

¹ «Правда», 19 октября 1956 г.

² H. W. Odum, *American Sociology. The Story of Sociology in the United States to 1950*, N. Y., 1951, p. 425.

Марксистская наука последовательно борется с буржуазными, реформистскими и ревизионистскими теориями, вскрывая их классовую сущность. В зарубежной марксистской литературе большой вклад в разоблачение различных буржуазных теорий классов и классовой борьбы внесли труды: У. З. Фостера «Закат мирового капитализма», Мориса Тореза «Новые данные об обнищании трудящихся Франции», работы Жака Дюкло, Пальмиро Тольятти и других авторов. С убедительной критикой буржуазных концепций выступили во Франции известные марксисты Жорж Коньо и Робер Делиль, в США — прогрессивные экономисты В. Перло и Г. Аптекер, в Англии — С. Ааронович и Э. Грант и другие прогрессивные ученые и журналисты.

Сейчас, когда в борьбе с марксизмом объединяются буржуазная наука, реформизм и ревизионизм, разоблачение буржуазных, реформистских и ревизионистских теорий должно быть еще более усилено. «Империалистическая буржуазия придает все большее значение идеологической обработке масс, извращает социализм и клеветает на марксизм-ленинизм, вводит в заблуждение и вносит путаницу в массы. Поэтому усиление марксистско-ленинского воспитания масс, борьба с буржуазной идеологией, разоблачение лжи и клеветы империалистической пропаганды по адресу социализма и коммунистического движения, широкая пропаганда в доступной и убедительной форме идей социализма, мира и дружбы народов приобретает первостепенное значение»¹.

В докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС подчеркивается необходимость «всесторонне анализировать важнейшие процессы, происходящие в капиталистическом мире, разоблачать буржуазную идеологию, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории»². Одному из этих вопросов — критике буржуазных теорий классов и классовой борьбы и посвящена предлагаемая вниманию читателя книга.

¹ «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий», Госполитиздат, 1957, стр. 13.

² «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», Госполитиздат, 1959, стр. 52.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СУЩНОСТЬ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ («СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ»)

1. Предмет и метод

Современные буржуазные объяснения социального расслоения общества получили в буржуазной науке название теорий «социальной стратификации».

«Социальная стратификация» буквально означает социальное расслоение. Термин «стратификация» произошел от латинского слова «стратум» (*stratum*), что означает слой, пласт в геологической породе (множественное — «страта», *strata* — слои, пласты). В геологии «стратификация» (*stratification*) означает наслаивание, залегание горных пород и пластов земли, расслоение земной коры на пласты.

Современная буржуазная наука не нашла ничего лучшего для обозначения деления общества на классы и слои, кроме термина геологии «стратификация». «Когда геолог говорит о «слое» в горной породе, — пишут американские буржуазные социологи Дж. Кьюбер и У. Кенкел, — он хочет продемонстрировать, что физически один слой находится над другим или под другим слоем, и точно показать, чем один слой отличается от других слоев. Где-то некоторые из ранних социальных ученых обратили внимание на пригодность этого образа «слой над слоем» для характеристики различий в статусе и других положениях среди членов общества»¹.

Термин «социальная стратификация» возник в буржуазной науке не сразу. Начиная с Конта и Спенсера

¹ J. F. Cuber and W. F. Kenkel, *Social Stratification in the United States*, N. Y. 1954, p. 10.

буржуазные социологи называли свои взгляды на социальные различия просто теориями о социальном неравенстве, социальных различиях, теориями классов. Употребление термина «социальная стратификация» началось в США. Из США этот термин перекочевал в буржуазную науку стран Европы, Латинской Америки и других капиталистических государств. В настоящее время вся буржуазная социология, ориентирующаяся на буржуазную науку США, использует при анализе социального деления общества терминологию и понятия «социальной стратификации». Даже марксистскую теорию классов и классовой борьбы многие буржуазные ученые называют марксистской теорией «социальной стратификации».

Что же такое «социальная стратификация» в представлении буржуазных социологов?

Термином «социальная стратификация» буржуазные ученые обозначают фактически существующую в той или иной стране классовую структуру общества. В этом смысле, например, говорится о характере, структуре и изменениях в «социальной стратификации» США, Западной Германии и других стран. Этим же термином обозначаются сами теории о социальном расслоении в обществе, отдельной стране, районе, а также та область буржуазной социологии, которая занимается изучением вопросов, связанных с социальным делением общества.

Самым распространенным определением «социальной стратификации» является определение ее как системы социального неравенства. Такая формулировка дается в работах американских буржуазных социологов Р. Макайвера, Г. Кауфмана, английского социолога Т. Маршалла и др. Как говорится в американском «Социологическом словаре», «социальная стратификация» есть «горизонтальное разделение общества на совершенно определенные и тождественные слои, такие, как класс, каста и статус»¹.

Однако единого мнения о совокупности общественных явлений, охватываемых понятием «социальная стратификация», в буржуазной науке не существует. Буржуазные социологи до сих пор не могут точно определить, что является предметом «социальной стратификации».

¹ Н. Р. Fairchild, Dictionary of Sociology, London, 1958, p. 309.

Обычно к предмету своего исследования буржуазные социологи относят следующее:

- 1) природу социального расслоения, критерии деления общества на социально неравные слои;
- 2) структурные формы социального расслоения, в которых находят выражение различающиеся между собой группы людей (классы, касты, сословия, статусы и т. п.);
- 3) системы социального расслоения, т. е. социальную структуру общества, страны или района;
- 4) изменения, происходящие в социальном расслоении общества («социальную мобильность» и т. п.);
- 5) отношения между различными частями социальной структуры (классами, группами и т. п.).

Из перечисленных проблем теории «социальной стратификации» особое внимание уделяют природе социального расслоения, критериям деления общества или отдельных общественных коллективов на различные социальные слои. Такой подход не случаен. В теории классов и классовой борьбы первостепенное значение имеет определение природы социального деления общества. От того, как определяется общественный класс, зависит и построение теории классов.

Из научного, марксистского понимания классов вытекает: «1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»¹.

Эти положения марксизма не устраивают буржуазных социологов. Поэтому как в период жизни Маркса и Энгельса, так и в наши дни они пытаются создать и противопоставить марксизму свои теории классов и классовой борьбы.

Как же изучают буржуазные социологи социальную структуру общества?

Господствующим методом исследования у большинства современных теоретиков «социальной стратификации» является позитивизм. Возникнув в 30-х годах XIX в., позитивизм, как субъективно-идеалистическое течение в буржуазной философии, выступил за «положи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1953, стр. 63.

тельное», т. е. освобожденное от каких-либо домыслов, знание. Основатель позитивизма Огюст Конт провозгласил, что его теория должна быть позитивной, т. е. основываться только на фактах. Большинство позитивистов стало отвергать всякую философию, объявив ее собранием домыслов. Свою задачу они видели в том, чтобы быть регистраторами наблюдаемых процессов. Позитивизм как учение, якобы основывающееся только на фактах жизни, буржуазные философы и социологи выдвинули в качестве главного средства преодоления «ограниченности» как материализма, так и идеализма. Позитивизм и его методология стали господствующими в буржуазных социологических исследованиях.

Современные буржуазные теоретики «социальной стратификации» прямо подчеркивают, что в своих исследованиях они придерживаются только эмпирических фактов и данных. «Мы считаем, что самый надежный образ действий для нас состоит в том, чтобы как можно ближе придерживаться фактов и постоянно подчинять наши теоретические предположения и обобщения результатам эмпирических испытаний»¹, — пишут Кьюбер и Кенкел в книге «Социальная стратификация в США».

То, что теоретический анализ буржуазных социологов начинается с фактов, само по себе неплохо. Факты, чувственный опыт — основа всякого познания. Однако все дело в том, как относиться к эмпирическим данным, каким путем идти от фактов к теоретическим выводам и заключениям.

Чувственное созерцание и сбор эмпирических данных — это лишь первая, начальная ступень познания. Эмпирическое знание дает представление нам об отдельных, оторванных друг от друга и внешних сторонах, связях и свойствах изучаемых общественных явлений. Оно отражает предмет непосредственно, со всеми его случайными и несущественными сторонами. Но оно не может выявить внутренние связи между отдельными сторонами предмета, отличить необходимые явления от случайных.

Главное в познании каждого явления и предмета — умение разглядеть за внешними проявлениями внутрен-

¹ J. F. Cuber and W. F. Kenkel, "Social Stratification in the United States, p. 31.

нюю сущность предмета и явления, источник их происхождения. Из многообразия чувственного материала нужно выделить общее и наиболее характерное, образовать научные абстракции, отражающие существенное в предмете. Абстрактное же мышление приведет к познанию сущности общественных процессов, внутренних закономерностей общественного развития. Подчеркивая огромное значение абстракции, Маркс писал, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»¹.

Буржуазные ученые сознательно ограничивают процесс познания чисто эмпирическим знанием. Они отображают как ненужное проникновение в сущность изучаемых явлений. «Мы не собираемся,— заявляют Кьюбер и Кенкел,— заниматься объяснением «сущности классов», «духа века» или «главных черт пролетариата». Мы оставляем этот квазимистицизм поэтам, журналистам, а также, возможно, социальным философам»².

Именно к получению эмпирических данных, на основе которых можно прямо делать «выводы», и направлено большинство «исследований» современных буржуазных теоретиков «социальной стратификации». Основным же методом получения таких данных стал метод опроса определенных групп населения, называемых в буржуазной литературе общественными коллективами³. Пользуясь этим методом, буржуазные социологи часто ограничиваются исследованием социального расслоения в отдельных городах, сельских районах, частях города, селения, а не во всей стране или обществе в целом.

В качестве примеров проведения подобных эмпирических исследований можно сослаться на работы амери-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 4.

² J. F. Cuber and W. F. Kenkel, Social Stratification in the United States, p. 31.

³ Под общественным коллективом (или общиной) в буржуазной науке подразумевается группа, объединенная каким-либо признаком: национальным (негритянская община), производственным (сельскохозяйственная община) и т. п. Чаще всего это определенный общественный коллектив, объединенный территориальным признаком, местожительством (община района, квартала, города, штата и даже отдельной страны).

канских буржуазных социологов Р. Сентерса и Н. Роговой, в которых они путем опроса населения решали вопрос о критерии классового деления общества.

Р. Сентерс в 1950 г. провел опрос 1270 человек, раздав каждому опрашиваемому анкету со следующим вопросом: «Какой из нижеследующих критериев вы считаете наиболее важным при определении классовой принадлежности людей: положение семьи, доход, образование, род занятий или верование?» В результате опроса наибольшее количество ответов (в процентах) получили следующие критерии: верование — 38% ответов, род занятий — 23, доход — 9, образование — 8, положение семьи — 7%¹. На основе этих «фактов» социолог Сентерс сделал «вывод», что критерием класса является верование людей.

Подобным же методом социолог Н. Рогова изучала основы деления общества на классы во Франции и в США. Раздав в каждой стране по полторы тысячи анкет с вопросом «Какой критерий вы имеете в виду, когда приписываете себя к тому или иному классу», Н. Рогова получила таблицу, согласно которой наибольший процент и во Франции и в США высказался за критерий «род занятий». Отсюда она сделала «заключение», что «занятость является определяющим... критерием социального класса»².

Помимо непосредственных опросов населения буржуазные ученые используют в качестве эмпирических фактов отдельные и отрывочные данные статистики, различных цenzов, справочных изданий и т. п. Так, американский буржуазный социолог Б. Дэвис взял из американского справочника «Who is Who» произвольно отобранные данные на 803 человека. Сопоставив их нынешнее положение с их происхождением, он пришел к «выводу», что критерием деления общества на классы является социальное происхождение людей³.

Таковы кратко предмет и метод современных буржуазных теорий «социальной стратификации».

¹ «American Journal of Sociology» № 6, 1953, p. 544.

² «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 353.

³ «American Journal of Sociology» № 1, 1953, p. 11—18.

2. Характерные черты буржуазных теорий «социальной стратификации»

К каким же последствиям приводят неопределенность предмета исследования и позитивистский метод?

Прежде всего к тому, что современные буржуазные теории «социальной стратификации» не вскрывают сущности изучаемых общественных явлений. Отсюда вытекает характерная черта этих теорий — их *многочисленность в буржуазной науке и отсутствие единой точки зрения*. По свидетельству американского ученого Дж. Гертцлера, у буржуазных социологов «не существует общего согласия ни в отношении комбинации факторов, ни в отношении различных характеристик, которые бы устанавливали твердое очертание социального класса»¹. Ныне в буржуазной социологии существует почти столько же теорий «социальной стратификации», сколько имеется самих буржуазных ученых, занимающихся этими вопросами.

Наличие большого количества теорий «социальной стратификации» свидетельствует о слабости современной буржуазной социологии, ее неспособности дать единое научное объяснение существующему в капиталистических странах социальному делению общества.

Для буржуазной социологии, занимающейся вопросами социального расслоения, характерно неумение разграничить, отделить друг от друга разные по природе различия между людьми. В результате она смешивает, ставит на одну доску явления социального порядка с биологическими и тому подобными явлениями, подменяет одно другим. *Смешение буржуазными социологами разных по природе различий между людьми — характернейшая черта буржуазных теорий «социальной стратификации»*.

Это выражается прежде всего в том, что буржуазные ученые рассматривают социальное расслоение не в качестве отличного от всякого другого расслоения и различий между людьми (расовых, национальных, возрастных и т. п.), а как подразделение, часть общей системы расслоения общества — системы «стратификации».

Согласно основным положениям современной буржуазной науки, для всякого общества характерна «диф-

¹ J. O. Hertzler, Society in Action, p. 224.

ференциация» или «неравенство». «Члены общества одинаковы только в том, что они принадлежат к человеческой расе и имеют более или менее общее культурное наследство. Вне этого, и даже внутри некоторых из этих общих типичных черт, существуют большие, почти неограниченные различия как в индивидуальных качествах, так и в социально-культурных условиях»¹. Поэтому буржуазные социологи любую дифференциацию и любое неравенство между людьми готовы объявить «основным фактором в стратификации».

Буржуазные ученые не могут не признать, что часть различий между людьми не ведет к образованию каких-то определенных слоев и групп людей. Такие различия получили в буржуазной науке название «*вертикальной дифференциации*». К «вертикальной дифференциации» буржуазные теоретики относят различия, существующие между людьми во всех слоях общества. Это так называемые «биосоциальные формы» дифференциации. Сюда входит «половая дифференциация», т. е. различия между людьми по полу, называемые этими теоретиками «самым фундаментальным расщеплением в обществе». К «вертикальной дифференциации» причисляется «дифференциация возрастных групп», т. е. различия между людьми по возрасту. К ней же некоторые социологи относят языковые, религиозные различия и т. д.

В то же время, по мнению буржуазных ученых, большая часть различий между людьми ведет к делению общества на горизонтальные слои, или пласты. Это так называемая «*горизонтальная дифференциация*», представляющая, как они говорят, «социально-культурные формы» дифференциации. «Индивиды и группы... социально расставлены с промежутками как горизонтальные пласты, или слои, или классы в обществе, в результате чего последнее представляется в виде пирамиды или слоеного пирога»². «Горизонтальная дифференциация» и составляет «стратификацию» общества, его расслоение. «Стратификация является специальным типом и главной частью дифференциации»³.

Таким образом, буржуазные социологи выделяют два признака, на основании которых они отделяют «верти-

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 207.

² Ibid., p. 211.

³ Ibid., p. 215.

кальную дифференциацию» от «горизонтальной»: во-первых, то, что одни различия являются больше биологическими по природе («биосоциальными»), а другие социальными («социально-культурными»); во-вторых, то, что одни различия не ведут к образованию отличающихся друг от друга слоев и групп людей, а другие различия ведут к этому.

Какие же «горизонтальные различия», носящие социально-культурный характер и ведущие к образованию определенных слоев людей, отмечают буржуазные ученые?

Буржуазная наука выделяет в обществе пять главных типов, или родов, «горизонтального расслоения»: 1) «этническую стратификацию», 2) «расовую стратификацию», 3) «национальную стратификацию», 4) «внутригрупповую и внутриорганизационную стратификацию», 5) «социальную стратификацию».

Буржуазные социологи оказываются не в состоянии увидеть качественные различия между видами расслоения в обществе. Для них все они ведут к одним и тем же последствиям и имеют одни и те же «социально-культурные» характеристики. Разница лишь в том, что выступает непосредственной причиной социального неравенства: расовые, национальные или социальные различия. «Все подсистемы стратификации,— утверждает, например, Гертцлер,— имеют общие характеристики стратификационной системы и выполняют в известной мере сходные функции. Возникают же они потому, что охватывают различные аспекты одних и тех же происходящих процессов»¹.

Если посмотреть на то, как буржуазные социологи отличают «социальную стратификацию» от всех других видов расслоения, то окажется, что эти отличия они усматривают не в самой природе различий, а в чисто внешних признаках. Например, одним из основных отличительных признаков социального расслоения буржуазные социологи считают «социальную мобильность», т. е. перемещение людей из одного социального слоя в другой. Если в расовой и других системах «стратификации» люди не могут перемещаться из одного слоя в другой, так как они не в состоянии менять свою расо-

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 224.

вую или национальную принадлежность, то в системе социального расслоения люди якобы имеют широкую возможность перемещения внутри слоев. В классовой системе, провозглашает американский социолог О. Кокс, существует «постоянное перемешивание социальных атомов»¹.

Другой отличительный признак социальных слоев, по мнению буржуазных социологов, состоит в том, что они имеют различные и иногда сложные критерии. Если, например, национальное расслоение осуществляется в зависимости от единственного признака — национальности людей, то социальное расслоение производится буржуазными социологами по самым различным признакам: психологическим, доходу, профессии, образованию и т. д.

Во всех этих так называемых «отличиях» социальных слоев от всех других родов «стратификации» буржуазные ученые не подчеркивают главного: качественного отличия и качественной противоположности природы социальных различий, с одной стороны, и расовых, национальных и этнических, с другой. Провести четкое и решающее отграничение социальных различий от всех других, несоциальных различий между людьми, как это делает марксистско-ленинская теория, буржуазные социологи оказываются не в состоянии.

Более того. Буржуазные ученые не могут провести четкого разграничения между «горизонтальной дифференциацией», или «стратификацией», имеющей «социально-культурную» природу, и «вертикальной дифференциацией», имеющей «биосоциальную» природу.

Одним словом, буржуазные социологи открыто расписываются в неспособности увидеть четкую, существенную и определенную грань между половыми, возрастными, расовыми и национальными различиями, с одной стороны, и социальными, с другой.

Между тем не нужно обладать особыми знаниями для уяснения того простого факта, что различия расовые, национальные и этнические, не говоря о различиях возрастных и половых, по своей природе не имеют харак-

¹ О. С. Cox, *Caste, Class and Race. A Study in Social Dynamics*, N. Y., 1948, p. 149.

тера социального неравенства и вовсе не ведут сами по себе к социальным последствиям.

Там, где расовые, национальные и этнические различия господствующий класс превращает в систему неравенства, ставя в привилегированное положение одни расы, национальности и этнические группы и в зависимое другие, там система расовых, национальных и этнических различий приобретает классовый смысл. Такой характер эти различия носят ныне в США и других капиталистических странах. Там, где государство провозглашает и в действительности осуществляет равенство и равноправие всех рас, национальностей и этнических групп, там расовые, национальные и этнические различия становятся таким же естественным явлением, как, скажем, различия между блондинами и брюнетами, высокими и низкими людьми. Такой характер эти различия носят в СССР и во всех социалистических странах.

Смазывая существенную разницу между социальными различиями и всеми другими различиями, современные буржуазные социологи тем самым подводят лженаучную базу под далеко идущие политические выводы. Они утверждают, что социальные различия и социальное неравенство, будто бы вызванные расовыми и национальными причинами, нельзя ни изменить, ни устранить. Социальное неравенство в экономической, политической и культурной сферах объявляется природным и естественным для различных рас и национальностей, ибо это вытекает якобы из самой природы расовых и национальных различий.

Так антинаучное понимание существа расового и национального вопросов ведет к оправданию буржуазными идеологами искусственно созданного господствующими классами неравенства рас, национальностей и этнических групп в капиталистическом обществе.

Из понимания буржуазной наукой системы «стратификации» общества как единой по своей «социально-культурной» природе следуют выводы о единых чертах и характеристиках, якобы присущих всем родам «стратификации». Из того факта, что расовые, этнические, внутригрупповые и внутриорганизационные различия существовали между людьми на всех ступенях общественного развития, во всех обществах, буржуазные социологи делают реакционный вывод о том, будто вся система «стра-

тификации», включая и социальное, классовое расслоение, является обязательной и неотъемлемой для всех человеческих обществ.

«Стратификация — характеристика всех обществ» — так озаглавил один из разделов своей книги американский социолог Дж. Гертцлер. Он утверждает, что «стратификация» является «постоянной и универсальной чертой всех известных обществ. Даже самые простейшие, варварские родовые общества имеют зарождающуюся стратификацию... Современные индустриально-городские общества обладают самыми сложными и самыми развитыми системами стратификации»¹.

Подобное «научное обоснование» буржуазными учеными «обязательности» расслоения общества имеет целью пропаганду двух реакционных положений: во-первых, того, что в факте существования вопиющего социального неравенства и несправедливости в капиталистическом обществе нет ничего неестественного и несправедливого, так как «стратификация» якобы присуща и обязательна для всех обществ; во-вторых, того, что система неравенства между людьми, включая социальное, классовое неравенство, не может быть уничтожена и ликвидирована, ибо «стратификация» есть вечное и обязательное явление для всех без исключения обществ.

Хотя многие современные буржуазные, реформистские и ревизионистские теоретики и твердят об «исчезновении» классов в капиталистическом обществе, однако систему социальной несправедливости в целом они объявляют «неуничтожимой». Отсюда следует реакционный вывод о бессмысленности и ненужности классовой борьбы и вообще всех усилий трудящихся, направленных на устранение социального неравенства.

Пропагандируя антинаучную теорию «стратификации» общества, оправдывая эксплуататорский характер капитализма и доказывая невозможность его изменения, буржуазная социология стремится уверить, что и в социалистическом обществе, где нет антагонистических классов и классовые грани постепенно стираются, также нельзя ликвидировать социальное неравенство. Такова реакционная сущность буржуазных концепций расслоения общества.

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 216.

Наиболее общей чертой современных буржуазных теорий «социальной стратификации» общества является их *поверхностность и антинаучность*.

Следуя позитивистской методологии, берущей лишь то, что лежит на поверхности явлений, буржуазные социологи в своих объяснениях природы социального расслоения используют только производные классовые и внутриклассовые различия и не касаются самих основ деления общества на классы.

Если на все буржуазные теории классов посмотреть с точки зрения исторического развития, то окажется, что буржуазная мысль за последние сто лет не продвинулась вперед почти ни на шаг. Вся «эволюция» буржуазной науки за этот огромный период состояла в том, что, руководствуясь методом позитивизма, она шла от объяснения классового деления общества признаками, находящимися на самой поверхности общественной жизни, к объяснению этого деления теми признаками, которые несколько дальше отстоят от поверхности явлений и незначительно приближаются к основным чертам классового деления общества.

Начав с психологических трактовок классов, с объяснения социального деления общества различиями между группами людей в психологии, идеях, сознании и т. д., буржуазная наука через сто лет перешла к объяснению социального деления различиями в быте людей, в условиях их жизненной обстановки, районах проживания, типах жилищ, в профессиях и т. д.

Максимальной ступенью, на которую за этот период «поднялась» буржуазная наука и следующая за ней реформистская и ревизионистская «мысль», является «проникновение» в производные признаки социального деления общества — различия в доходах и различия по роли в организации труда.

Игнорирование решающего, коренного признака общественных классов — отношения людей к средствам производства — главная черта всех буржуазных теорий «социальной стратификации».

Игнорируя подлинные, материальные основы социального деления, буржуазные социологи тем самым оказываются не в состоянии выделить в обществе или в изучаемой ими стране действительные общественные классы. Определяя основы социального расслоения все-

возможными производными различиями в идеях, сознании, образе жизни, образовании, занятости, доходах и т. д., буржуазные ученые тем самым образуют на основе этих «критериев» не действительные общественные классы, а различные группы людей с одинаковыми идеями, образом жизни, образованием и культурой или профессиональные группы, группы дохода и т. п.

В этом состоит поверхностность, антинаучность всех современных буржуазных теорий «социальной стратификации».

Антинаучностью обусловлен и тот разноречивый, который существует в современной буржуазной науке в отношении наименования тех групп людей, на которые буржуазные социологи расслаивают общество или изучаемый район. Подавляющее большинство буржуазных ученых называет такие группы людей социальными классами или просто классами, хотя эти «классы» имеют очень мало общего с действительно существующими общественными классами.

Помимо термина «класс» буржуазные социологи употребляют для обозначения социальных слоев (особенно в таких странах, как Индия) термин «каста». Ряд буржуазных социологов использует для обозначения выделяемых социальных слоев термин «сословие». Чаще им обозначается система «стратификации» общества в древние и средние века. Однако до сих пор некоторые буржуазные социологи называют сословиями систему социальных слоев в ряде стран Латинской Америки и в других странах. Термины «класс», «сословие» и «каста» до последнего времени являлись основными в буржуазной науке для обозначения слоев, на которые «стратифицировалось» общество. «Традиционное деление на три части — класс, сословие («группа статуса», «социальный порядок») и касту — является действительно вездесущим в литературе»¹.

В последние годы термины «каста» и «сословие» стали употребляться реже. На третьем всемирном социологическом конгрессе в 1956 г. английский социолог Т. Маршалл подчеркнул, что буржуазная наука опускает эти два термина, ибо «институты касты и сословия не входят в историю современных социальных изменений».

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 392.

В то же время буржуазные социологи наряду с терминами «класс» и «социальный класс» начали использовать в последнее время для обозначения системы слоев и другую терминологию. Часть из них стала называть группы людей, на которые расслаивается общество, просто слоями, или «стратами». Другие называют их: «социоэкономический статус», «социоэкономический уровень», «социальный уровень», «статус» и т. п. «Многие исследователи, — признает «Американский журнал социологии», — избегают проблем, связанных с термином «класс», и имеют дело с проблемами статуса, понимаемого в терминах непрерывности»¹.

Все эти различия в терминах, обозначающих в современной буржуазной науке группы людей, на которые расслаивается общество, почти не отражают различий в их содержании. Это происходит потому, что понятия «класс», «статус», «уровень», «каста» обозначают в буржуазной науке большей частью одно и то же. Более того, очень часто содержание, вкладываемое буржуазными социологами в термин «класс», гораздо ближе к буржуазным понятиям социоэкономического статуса, уровня и просто статуса.

Буржуазные теории «социальной стратификации» не только поверхностны и антинаучны. Они носят *идеалистический, субъективистский* характер.

Многие буржуазные теории социального расслоения пытаются объяснить природу общественных классов не различиями в сфере материальной жизни общества, а имеющимися между людьми различиями в сознании, идеях, образовании, духовной культуре, поведении, психологии и т. п. Подобные трактовки носят характер или субъективно-идеалистических, или объективно-идеалистических «объяснений» природы социального расчленения.

Однако идеализм теорий «социальной стратификации» заключается не только в том, что они игнорируют экономическую жизнь общества. Он состоит также и в том, что само выдвигание буржуазными социологами тех или иных признаков в качестве «критериев» классов (независимо от того, являются ли эти признаки экономическими или неэкономическими) происходит большей частью целиком субъективно: то ли на основе мнения

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 397.

самого буржуазного социолога, то ли на основе мнения и «чутья» опрошенных лиц.

Порочность буржуазных теорий «социальной стратификации» заключается, наконец, в том, что им свойственна или *односторонность*, когда все социальные различия между людьми сводятся к различиям только в одном каком-либо производном признаке, или *эклектичность*, когда природа социального расслоения объясняется не связанными между собой производными различиями между людьми.

Для эволюции буржуазной науки за столетний период в объяснении природы социального расслоения характерно то, что многие современные буржуазные социологи перешли от ранее господствовавшего объяснения природы классов каким-либо одним производным признаком к объяснению ее произвольной совокупностью столь же производных признаков. Иными словами, от теорий «единичного», «одного фактора» в объяснении социального расчленения общества многие буржуазные ученые перешли к теориям «многих», «многочисленных факторов», хотя и в том и в другом случае данные факторы представляют лишь поверхностные, производные признаки социальных различий между людьми.

Таковы сущность и характерные черты, свойственные современным буржуазным теориям «социальной стратификации».

ГЛАВА ВТОРАЯ

БУРЖУАЗНАЯ НАУКА О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ

Современные буржуазные теории «социальной стратификации» можно разделить на две большие группы. К первой группе относятся теории, полностью игнорирующие экономическую сторону жизни людей. Вторую группу составляют теории, которые при объяснении социального расслоения учитывают второстепенные признаки экономической жизни людей, т. е. признаки, игнорирующие коренные различия по отношению к средствам производства и касающиеся лишь производных социальных различий в доходах, быту, условиях жизненной обстановки и т. д. Рассмотрим эти две группы теорий «социальной стратификации» отдельно.

1. Буржуазные теории, открыто отрицающие материальные основы деления общества на классы

Первая группа буржуазных теорий «социальной стратификации» пытается объяснить природу деления общества на социальные слои *биологическими различиями, различиями в идеях и психологии, в сознании и мотивах, в духовной культуре и образовании, в образе жизни и принадлежности к определенным организациям.* Авторы этих теорий открыто отказываются считать основными причинами социального расслоения общества различия между группами людей в экономической жизни. Как заявляет американский буржуазный социолог Ральф Билс, «использование строго экономического или экономиче-

ского и политического критерия для классового анализа... является наименее плодотворным подходом»¹.

Наиболее старым направлением буржуазной науки, получившим особенно широкое распространение со второй половины XIX в., является *биологическая интерпретация общественных явлений*.

Гносеологической основой этого направления послужили огромные успехи естественных наук во второй половине XIX в., особенно великие открытия Чарлза Дарвина и его последователей. Используя достижения естествознания, буржуазные социологи стали механически переносить вскрытые в биологии закономерности на явления общественной жизни.

Основоположителем биологического направления в буржуазной социологии единодушно признается английский позитивист Г. Спенсер. Класс для Спенсера — понятие чисто биологическое. Подобно тому как из эктодермы возникает регулирующая нервная система, утверждает Спенсер, так и в обществе из военного состояния возникает правящий класс. Как в живом организме имеются три системы органов — питания, распределения и регулирования, так и в обществе возникает три класса: рабочий класс, питающий себя и других, класс купцов с его распределительными или меновыми функциями и класс капиталистов, выполняющий функции контроля, регулирования и руководства.

В своих работах современные буржуазные социологи выдвигают различные варианты биологической трактовки общественных классов, в зависимости от того, какой биологический признак они кладут в основу социального расслоения общества. В целом же они разделяются на сторонников биологического направления и сторонников социального дарвинизма. Первые, подобно Спенсеру, уподобляют систему социального расслоения общества строению биологического организма, а вторые применяют к объяснению «социальной стратификации» вульгарно толкуемое ими дарвиновское учение о борьбе за существование и естественном отборе в мире животных и растений.

Наиболее часто сторонники биологического направления объясняют природу общественных классов разли-

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 339.

чиями в происхождении и наследственности людей. Отрицание естественного равенства между людьми лежит в основе всех теоретических упражнений буржуазных социологов. Люди всегда неодинаковы по происхождению, по своей наследственной природе, утверждают они, а потому-де и попадают в различные классы общества. Так, социолог Б. Дэвис из Чикагского университета в статье «Занимаемое положение и уровень социального происхождения» прямо указывает, что от происхождения зависит, в какой класс попадает тот или иной член общества¹.

Некоторые современные буржуазные генетики заявляют, что только биологические принципы наследственности могут объяснить сущность общественных явлений, в том числе и классов. Английский генетик Сайрил Д. Дарлингтон прямо говорит: «Различие между социальными классами имеет генетическое происхождение. Оно основано на генетической материальности, которая столь же эффективна в клетке, как экономическая материальность на рынке»².

Попытка выдать биологическое происхождение людей за основу деления общества на классы наиболее полно представлена в книгах американского реакционного буржуазного ученого Роджера Уильямса «Человеческая граница» и «Свободные и неравные. Биологическая основа свободы личности». Уильямс объявляет себя автором так называемой теории неодинаковости. Суть ее состоит в том, что социальное неравенство людей объявляется «естественным», так как оно будто бы обусловлено врожденными генетическими различиями людей, самой их «естественной природой».

Уже при рождении, заявляет Уильямс, полностью определено, каким будет человек и в какой класс он попадет. В силу этого социальное неравенство не может быть изменено ни в какую сторону. Ибо для этого, «иронизирует» Уильямс, пришлось бы «переделывать бабушек и дедушек»³. Трудящиеся должны осознать свою «естественную неодинаковость» с представителями господствующих классов и отказаться от всякой борьбы за устранение гнета и эксплуатации.

¹ «American Journal of Sociology» № 1, 1953, p. 11—18.

² C. D. Darlington, *The Facts of Life*, London, 1953, p. 403.

³ R. Williams, *Free and Unequal*, Austin, 1953.

Биологическая трактовка общественных классов прямо переходит в расизм, когда за основу социального расслоения общества берутся расовые различия между людьми.

Американский буржуазный социолог Ральф Билс утверждает, что расовое происхождение людей является основой классового деления в США и особенно в латиноамериканских странах. Переселенцы в США не могут рассчитывать на включение в какой-либо «средний» класс из-за своей расовой принадлежности.

Так биологическая интерпретация классов служит оправданию расовой дискриминации при капиталистическом строе.

Марксистская наука решительно отвергает применение биологических закономерностей для объяснения деления общества на классы. Основой, на которой образуются классы, являются не биологические различия по возрасту, полу, биологической ценности, происхождению или расовой принадлежности, а различия по месту людей в системе производственных отношений. Отсюда следует, что биологическими закономерностями никоим образом нельзя объяснить законов развития человеческого общества.

Помимо биологической интерпретации общественных явлений буржуазные социологи объясняют природу социального расслоения различиями, имеющимися не в сфере базиса, а в надстройке. Среди таких объяснений главными являются *психологические трактовки общественных классов*.

Основоположниками этого направления являются французский буржуазный социолог Огюст Конт и американский буржуазный социолог Лестер Уорд.

Для Конта движущей силой развития общества является идея, дух. Он заявляет, что «история общества управляется историей человеческого духа», а «весь социальный механизм основывается в конце концов на мнениях». Поэтому классы, согласно взглядам Конта, возникают из развития духа. Л. Уорд трактует классовые различия как различия в уровне нравственного и интеллектуального развития. Взяв в качестве критерия уровень интеллектуального развития, Л. Уорд делит общество на «обширный интеллигентный класс» и «класс неинтеллигентных граждан».

Вслед за Контом и Уордом психологическая трактовка распространилась в европейской и американской буржуазной социологии. Это одно из средств, применяемых буржуазной наукой в борьбе с марксистской теорией классов.

Американский философ-идеалист П. Брантон утверждает, что духовные законы «гораздо глубже», нежели законы политико-экономические, которые выдвигает материализм. Поэтому, мол, классовые и другие конфликты лишь «внешне», «на поверхности» кажутся конфликтами экономическими и политическими. «Но внутренне, и потому это имеет более существенное значение», конфликты происходят «между противоположными взглядами людей...»¹

Большое место среди психологических трактовок классов занимают теории, согласно которым классовую принадлежность людей надо определять в зависимости от имеющихся у людей *мотивов*.

Американский буржуазный социолог Бернард Розен под мотивами подразумевает «побуждения к достижениям», «внутренние импульсы к выдвижению». «Социальные классы в американском обществе,— пишет Б. Розен,— характеризуются различным отношением к достижениям, в частности тем, как это отношение выражается в стремлении достигнуть более высокого статуса посредством социальной мобильности»². Чем выше у человека стремление к достижениям, заявляют буржуазные социологи, тем в более высокий класс попадает индивид. «Социальные слои отличаются один от другого по степени мотивов к достижению, которыми характеризуются члены данных слоев»³.

Выдвижение буржуазными социологами мотивов людей в качестве определяющей черты классов является результатом их поверхностного, идеалистического понимания отношений между людьми. Конечно, не исключено, что у представителей разных классов мотивы к выдвижению вверх могут быть различными. Однако не существует такого положения, при котором бы члены более «высокого» класса обладали и более сильными стремлениями к дости-

¹ P. Brunton, The Spiritual Crisis of Man, N. Y., 1953, p. 33.

² «American Sociological Review», vol. XXI, 1956, p. 204.

³ Ibid., p. 205.

жениям. Например, социолог Макартур в статье «Индивидуальные различия между членами среднего и высшего классов» приходит к выводу, что уровень «потребности к достижениям является значительно более высоким у членов среднего класса, чем у членов высшего класса»¹.

Не существует, далее, такого положения, при котором представители одного класса обладали бы одинаковыми «мотивами к достижениям». В каждом классе имеются люди с большими и меньшими стремлениями выдвинуться. Не секрет, что и среди части рабочих капиталистических стран, особенно в США, до сих пор имеются иллюзии о возможности стать миллионером. Эти иллюзии усиленно подогреваются буржуазной пропагандой. Но отсюда вовсе не следует, что «стремящиеся подняться вверх» рабочие уже из-за одного стремления перестают быть рабочими и переходят в более высокий класс.

В психологических трактовках природы общественных классов видное место занимают объяснения социального расслоения различиями во *мнениях, убеждениях и вере* людей. Одним из авторов таких концепций является в последнее время американский социолог Ричард Сентерс, изложивший свою точку зрения в статье «Социальный класс, занятость и вмененная вера»².

Согласно Сентерсу, определяющим признаком классовой принадлежности людей является их верование. Это то, что человек «думает и чувствует в отношении определенных вещей», например по вопросу о профсоюзах, безработице и др.

Сентерс считает, что достаточно знать взгляд человека по какому-либо вопросу, чтобы определить его классовую принадлежность. Он выдвигает два положения: 1) «Предположим, кто-нибудь заявляет о том, что правительство должно гарантировать всем гражданам постоянную работу и определенный уровень жизни»; 2) «Предположим, кто-нибудь заявляет, что профсоюзы разрушают страну и все забастовки должны быть полностью запрещены законом». Р. Сентерс считает, что

¹ «American Sociological Review», vol. XXI, 1956, p. 206.

² «American Journal of Sociology» № 6, 1953, p. 543—555.

если человек разделяет первое мнение, то он относится к рабочему классу; если же он разделяет вторую точку зрения, то он относится к «высшему» классу, а частично и к «среднему».

Одним словом, на основе простого выяснения взглядов человека Сентерс считает возможным определять классовую принадлежность людей. Он приходит к выводу, что общественные классы есть не что иное, как «психосоциальные группы». При этом Сентерс не допускает возможности того, что определенные части, группы и представители различных слоев, помимо рабочих, могут также поддерживать точку зрения, выраженную в первом положении, а отдельные рабочие могут даже высказаться за вторую точку зрения. Сентерса вообще не интересует вопрос о том, почему тот или иной человек придерживается данной точки зрения, чем определяются его взгляды по тем или иным вопросам и на какой основе появляются сами убеждения у людей.

Среди буржуазных социологов имеются попытки объяснить природу социального расслоения общества различиями в так называемом «классовом сознании». Под ним в буржуазной науке подразумевается осознание людьми «общих проблем» и «общих интересов», а именно: общих экономических, моральных и культурных ценностей; общих настроений и чувств; общих убеждений по социальным вопросам; общих образцов мышления; общности законов поведения и идеологии. Осознание любой такой «общности» вполне достаточно, по мнению буржуазных социологов, чтобы группа людей была названа социальным классом.

В 1955 г. во Франции был издан сборник «Политические партии и общественные классы во Франции», в основу которого положены анкеты и опросы, проведенные французским институтом общественного мнения. Авторы сборника утверждают, будто деление французского общества на классы происходит в результате того, что одни люди «сильнее всего сознают свою принадлежность» к одной группе людей, другие более всего чувствуют свою общность с другой общностью людей.

Раздавая отдельным представителям населения анкеты с вопросом о том, каково их «классовое сознание» и с каким классом они имеют «общие интересы», буржуазные теоретики таким путем «определяют» социаль-

ную структуру общества. Известный американский социолог Дэвид Рисмен в работах «Одинокая толпа», «Пересмотренный индивидуализм» и др. производит распределение людей по классам в зависимости от того, насколько те осознают свои интересы и руководствуются ими в повседневной жизни.

При таком распределении людей по классам, на основе «классового сознания», общественные классы выступают не как объективные явления общества, а как некие субъективные, искусственные построения. Это прямо признал один из основоположников приведенной концепции — немецкий буржуазный экономист и социолог Вернер Зомбарт. По его словам, «класс не возникает естественным путем, а создается искусственно... Класс представляет сознательно развитое убеждение людей в их общности; следовательно, сплочение людей в класс вносится извне, так сказать путем отражающего процесса сознания. Класс не возникает до тех пор, пока общность интересов не проникла в сознание индивидов»¹. Социолог Р. Сентерс добавляет: «Классы есть психосоциальные группировки, нечто совершенно субъективное по своему характеру, опирающееся на классовое сознание, т. е. чувство группового членства»².

Подобные откровения буржуазных ученых лучше всяких доказательств вскрывают антинаучную сущность проповедуемых ими психологических трактовок классов.

Марксистская наука исходит из того, что классовые интересы объективны по своей природе. Однако для того, чтобы объективный классовый интерес стал конкретным признаком отличия членов одного класса от членов другого, он должен быть осознан членами отдельных классов. Из объективного он должен стать и субъективным интересом.

Общественный класс, не осознавший своих объективных классовых интересов, не имеющий классового сознания, существует только объективно, но не субъективно. Он существует, как выразился Маркс, только «в себе», как объективное общественное явление. «Для

¹ W. Sombart, Der Moderne Kapitalismus, 1937, München — Leipzig, Bd. II, S. 1093.

² R. Centers, The Psychology of Social Classes, Princeton, 1949, p. 27.

себя», т. е. для самих его членов, данный общественный класс еще не существует.

Превращение объективного интереса в субъективный, осознанный, не совершается самоотечом, автоматически. Оно зависит от общей сознательности членов данного класса, научного понимания объективной природы своего класса, деятельности сознательного ядра (партии, профсоюзов), влияния враждебной идеологии на сознание и других объективных и субъективных условий.

В результате могут возникнуть различия в осознании классовых интересов членами данного класса. Одна часть может осознать присущие ей объективные интересы, а другая нет. Классовая сознательность может быть у большинства класса, но отсутствовать у отдельных его представителей. Кроме того, люди могут субъективно разделять интерес, противоречащий их объективному классовому интересу.

В связи с этим беспочвенными выглядят утверждения некоторых буржуазных социологов, будто марксизм не признает возможности разделения членами одних классов идеологии и интересов других классов. Например, американский социолог Р. Макайвер, стремясь опорочить марксистскую науку, заявляет, что марксисты приходят к «абсурдным понятиям об экономическом детерминизме», так как они якобы объявляют невозможным, чтобы «индивидуум имел какие-либо политические воззрения, не выражающие интересов его экономического класса»¹.

Позволительно спросить: где Макайвер вычитал такие «заявления марксистов»? Именно марксизм всегда подчеркивает, что сама принадлежность к тому или иному классу не обуславливает автоматически, чтобы каждый индивид разделял политические воззрения того общественного класса, к которому он принадлежит. Сознание человека имеет в этом отношении относительную самостоятельность: в зависимости от обстоятельств оно может воспринять политические воззрения чуждых и даже враждебных для данного человека классов.

Отсюда ясно, почему марксизм исключает различия в классовом сознании из определяющих признаков общественных классов. В то же время марксистская наука

¹ A. Flew (ed.), *Logic and Language*, Oxford, 1952, p. 195.

подчеркивает огромную важность для людей правильного понимания и глубокого осознания объективно присутствующих им классовых интересов.

Многие буржуазные социологи (О. Холлингсхед, У. Уилер, Дж. Гертцлер и др.) заявляют, что различия между классами кроются в *индивидуальной психологии* людей. Поэтому в зависимости от психологических особенностей человек попадает в тот или иной класс. Например, индивиды «непредубежденные», «дружески расположенные» и «полезные» достигают «высших» слоев. Наоборот, люди, «недружески расположенные», «враждебные» и «вызывающие беспокойство», обрекаются на пребывание в «низших» классах.

Сторонники психологических трактовок классов не в состоянии понять тот факт, что различия между людьми в идеях, сознании и общественной психологии выступают в конечном счете как результат имеющихся различий по месту в материальных отношениях. Однако они вовсе не адекватно отражают последние различия. В силу этого различия в идеях и психологии не могут служить объективным критерием класса и объяснять природу социального расслоения общества.

К психологическим трактовкам классов примыкает буржуазная *концепция политических классов*.

Наиболее крупным представителем этой концепции является американский ученый О. Кокс. Он критикует и буржуазных ученых и марксистов за то, что они не дали четкого определения понятия «политические классы».

Концепция Кокса сводится к тому, что политическими классами он называет только те общности людей, которые находятся в конфликте, в борьбе и стремятся к революционным действиям; если же общественные классы в силу объективных и субъективных причин не ведут ожесточенной классовой борьбы и не стремятся к революции, то Кокс называет их группами статуса, группами занятости и т. д. «Группе статуса в силу ее природы присуща гармония,— заявляет он,— социальная же неудовлетворенность свойственна политическому классу»¹.

Отсюда видно, что Кокс, как и все сторонники концепции политических классов, отрицает объективную

¹ О. С. Cox, Caste, Class and Race, p. 291.

природу классовых антагонизмов и признает только субъективный антагонизм.

На самом деле антагонизм классов и революционная необходимость его преодоления объективны по природе и необходимо присущи классам, занимающим противоположные позиции в системе материальных отношений. «С самого начала цивилизации,— писал К. Маркс,— производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней»¹.

Вопрос об осознании членами общественных классов объективно присущих им классовых интересов хотя и имеет для них очень важное значение, но несколько не меняет самой природы общественных классов. Общественные классы вовсе не выступают как политические классы или как «группы статуса» в зависимости от того, осознали или не осознали его члены свои интересы.

От осознания или неосознания членами классов своих интересов полностью не исчезает и классовая борьба. Она не прекращается, если трудящиеся не понимают своих классовых интересов и не ставят цели свержения эксплуататорских классов. Недаром Маркс и Энгельс подчеркивают, что антагонизм между угнетающими и угнетенными проявлялся всегда, но в форме то скрытой, то явной борьбы. Классовая борьба ведется во всех антагонистических обществах, в одних более сознательно, а в других менее сознательно.

Таким образом, не классы являются продуктом сознательных конфликтов и революционной борьбы, как пытаются утверждать сторонники концепции политических классов, а, наоборот, конфликты и революционная борьба являются результатом существования антагонистических общественных классов.

К буржуазным теориям, открыто отрицающим экономические основы деления общества на классы, относятся так называемые *теории организаций*, или *организованных групп*. Суть их в том, что понятие объективно существующих классов подменяется понятием субъективно созданных организаций.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 96.

Некоторые буржуазные социологи констатируют тот действительный факт, что к концу XIX — началу XX в. в капиталистическом обществе было создано много различных организаций: партий, профессиональных союзов, различных обществ, ассоциаций, объединений, клубов и т. д.

В результате капиталистическое общество, по их мнению, стало «организованным обществом», так как почти все его взрослые члены входят в какую-нибудь «организованную группу», «группу интересов» или «группу давления».

Констатируя этот существующий в капиталистических странах факт, некоторые буржуазные социологи делают отсюда антинаучное заключение о том, будто подобные «группы интересов», «группы давления» или «организованные группы» и представляют не что иное, как классы общества.

Так, американский социолог Дж. Гертцлер заявляет, что «принадлежность и участие в различного рода обществах и организациях представляют... важный фактор определения классов»¹. Людей, принадлежащих к специальным организациям по проведению досуга (загородным, спортивным и дискуссионным клубам), Гертцлер относит к «высшим» классам. Тех же, кто принадлежит к клубам по игре в шары или к национальным организациям, он включает в «низший средний» и «низший» классы.

Западногерманский профессор Зигфрид Ландсгут в статье «Ликвидация классового общества» также проводит мысль о том, что вместо классов в современном обществе существуют различные организации. В качестве примера таких организаций он называет союзы молодежи, союзы предпринимателей, автоклубы. Считая, что в основе классов якобы лежит классовое сознание, которое ведет к объединению людей в определенные организации, Ландсгут делает вывод, что данные организации и представляют собой не что иное, как классы.

Буржуазная теория организаций, или организованных групп, порочна от начала до конца, ибо она подменяет объективно существующие классы субъективно созданными организациями.

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 227.

Общественный класс возникает объективно, независимо от воли и сознания людей. Организации же создаются людьми субъективно, сознательно, в связи с определенными политическими целями или общими профессиональными, спортивными и тому подобными интересами.

Общественные классы, будучи независимыми от воли человека, не могут быть уничтожены на основании только решения людей, без переворота в базисе. А отдельные организации, например спортивные, могут быть ликвидированы так же, как они были и созданы, сознательными действиями и решениями людей. Никакая организация не может подменить общественный класс.

Довольно много современных буржуазных ученых, а также реформистских теоретиков пытаются объяснять природу социального расслоения общества *различиями в образовании и духовной культуре*.

В работе американского буржуазного социолога Дж. Гертцлера протаскивается мысль о распределении людей по классам в зависимости от объема и характера полученного ими образования. «Те, кто посещали или закончили колледж, определяются в более высокий класс, по сравнению с теми, объем образования которых ограничивается средней или коммерческой школой и которые в свою очередь попадают в более высокую категорию, чем те, кто ходили только в начальную школу»¹.

Выходит, что человек получает то или иное образование не в зависимости от принадлежности к определенному классу, а следовательно, и конкретных материальных условий его жизни, а, наоборот, попадает в тот или иной класс в зависимости от того, какое учебное заведение он закончил.

Многие буржуазные социологи объясняют природу классов имеющимися между людьми различиями в духовной культуре. Бельгийский профессор социологии Р. Кремер утверждает в книге, посвященной «средним» классам в Бельгии, что классы представляют собой не что иное, как культурную и психологическую общность людей².

Ярыми приверженцами «культурной» трактовки классов являются американские буржуазные социологи

¹ J. O. Hertzler, Society in Action, p. 227.

² R. Cremer, Les Classes Moyennes en Belgique, Bruxelles, 1955.

К. Клакхон, Ф. Клакхон и М. Гордон. Последний так и назвал свою работу: «Концепция класса как культуры». Эти социологи рассматривают общественный класс как группу людей с «уникальной» культурой. В связи с этим они ввели понятие «подкультуры», наличие которой у определенной группы людей, по их мнению, превращает данную группу в социальный класс.

Немало современных буржуазных ученых пытается объяснить природу социального расслоения *различиями в образе жизни и поведении*.

Содержание, которое вкладывают в понятие образа жизни буржуазные социологи, довольно различно и в некоторых случаях противоречиво. В целом в него входят следующие черты: общее поведение семьи или отдельного человека; их домашняя жизнь, «семейный ритуал»; их обычаи и привычки; образ проведения досуга и отдыха; нравы семьи или отдельных людей; употребляемый ими язык, словарный запас, диалект и жаргон; методы и приемы обучения детей; взгляды на роль мужчины и родителей в семье; сексуальное поведение членов семьи и отдельных людей; отношение к спиртным напиткам и винам, характер выпивок; обычаи при похоронах и некоторые другие признаки и черты¹.

Французский католический автор Р. Бертран-Серре в книге «Марксистский миф о «классах»» заявляет, что общество якобы расслаивается не на классы, а на различные среды: буржуазную среду, рабочую среду и т. д. Критерием такой среды он объявляет образ жизни людей. «Буржуазия представляет собой среду, для которой единственной связью служит избранный и одобренный образ жизни. Для буржуазии характерно в основном некоторое общее поведение, стремление жить определенным образом, который обычно называют «буржуазным образом жизни». Это стремление выражается в желании поддержать некий декорум, в обычаях, языке, нравах,

¹ Официальная государственная доктрина США и ряда других стран расширяет социологическое понятие образа жизни, включая, например, в так называемый «американский образ жизни» материальное положение людей, характер их работы, «политические свободы» и «демократию», «свободный образ мышления», принципы «свободных взаимоотношений» между людьми и тому подобные выдуманные «преимущества американского образа жизни».

в стремлении дать определенное образование детям и т. д.»¹

Буржуазные социологи выдвигают самые различные черты образа жизни и поведения людей для характеристики классов. Американский социолог Джон Доллард считает, что лучше всего мужчин можно распределять по классам в зависимости от того, сколько и как они выпивают. Американские «ученые» А. Кинси, У. Помрой и К. Мартин усматривают важнейшие признаки «статусов» в сексуальном поведении людей².

Марксизм вовсе не отрицает факта существования между многими членами противоположных классов различий в образе жизни и поведении. Однако, не ограничиваясь этим, он прежде всего показывает, что определенные черты образа жизни, например, у рабочих при капитализме определяются не пожеланиями самих рабочих, а в первую очередь объективными условиями их существования. «Пролетарий поставлен в самое возмутительное, самое нечеловеческое положение, которое только можно себе представить... Он — лишенный воли объект всевозможных комбинаций и стечений обстоятельств и может считать себя счастливым, если ему удастся хотя бы некоторое время кое-как просуществовать. И само собой понятно, что его характер и образ жизни определяются этими обстоятельствами...»³

В то же время различия в образе жизни и поведении автоматически не копируют и не повторяют различий по месту в материальных отношениях. Члены различных классов могут придерживаться одинакового образа жизни, и, наоборот, члены одного и того же класса могут придерживаться разного и даже противоположного поведения. Например, верхушечные слои рабочего класса разделяют буржуазный и мелкобуржуазный образ жизни, в то время как остальные рабочие ведут пролетарский образ жизни.

Отсюда ясно, что класс не есть такая общественная группа, которая образуется якобы в результате одинакового образа жизни людей, как утверждают некоторые

¹ R. Bertrand-Serret, *Le Mythe Marxiste des «Classes»*, Paris, 1955, p. 46—47.

² A. C. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin, *Sexual Behavior in the Human Male*, Philadelphia, 1948, p. 327—393.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, изд. 2, стр. 349.

буржуазные социологи. Класс есть большая общественная группа, обязательно характеризующаяся тождественным отношением всех людей к средствам производства.

В буржуазной науке до сих пор имеют хождение *неотомистские трактовки общественных классов*, т. е. объяснения социального неравенства с позиций фидеизма и поповщины.

Современные буржуазные социологи не решаются прямо объяснять существование классов вмешательством бога. Однако именно к теологии скатываются многие приверженцы биологической, психологической, культурной и тому подобных трактовок деления общества на классы.

Философ-идеалист П. Брантон, проповедующий психологические основы классового неравенства людей, сползает в болото мистики и поповщины. Для него психологические противоречия вечны и незыблемы. Напрасно, говорит Брантон, люди надеются на устранение различий и неравенства, на установление гармонии и мира, напрасно они стремятся к счастью, знанию и здоровью. Ничего этого нет на земле, ибо все это принадлежит небу.

К теологии приходит и сторонник биологического направления Р. Уильямс. Заявляя, что классовая «неодинаковость» естественна и вечна, Уильямс провозглашает «невозможность» борьбы с этой «неодинаковостью». Он с негодованием обрушивается на тех, кто «пытается исправить ошибки Всевышнего и сделать людей одинаковыми»¹.

Как не вспомнить здесь замечания В. И. Ленина, сделанного им еще в начале XX в., что всякие утонченные выверты, вроде попыток «доказать» биологические и психологические основы классов, внешне кажутся измышлением отдельного профессора, отдельного социолога. Однако *«на деле, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, объективная роль этих... ухищрений одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу»*².

¹ R. Williams, *Free and Unequal*, Austin, 1953.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 327.

Именно фидеизму, поповщине расчищают дорогу биологические, психологические, культурные и тому подобные «критерии» классового деления, прямой дорогой ведущие к теологии. «В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов»¹.

Рассмотрение буржуазных теорий классов, объясняющих природу социального расчленения различиями между людьми, лежащими вне экономической стороны жизни общества, доказывает их антинаучность, поверхностность и идеализм.

Для перечисленных буржуазных трактовок классов характерно то, что они подменяют объективную природу социального расчленения субъективными различиями между людьми. Объясняя природу общественных классов биологическими различиями, различиями в идеях, сознании, психологии, принадлежности к организациям, различиями в образовании, духовной культуре, образе жизни и поведении, буржуазные социологи тем самым лишают класс его объективного содержания и превращают его в чисто субъективистскую категорию.

Такова первая группа буржуазных теорий, открыто отрицающих экономические основы социального расчленения общества.

Рассмотрим другую группу теорий «социальной стратификации».

2. Буржуазные «экономические» трактовки общественных классов

Вторая группа буржуазных теорий социального расчленения охватывает теории, объясняющие природу деления общества на социально неравные слои теми или иными второстепенными экономическими признаками. Эта группа теорий несомненно доминирует в буржуазной науке по сравнению с биологическими, психологическими, культурными, политическими и тому подобными теориями классов. Причина такого перехода большинства буржуазных социологов от открытого отрицания

¹ В. И. Ленин, [Соч., т. 14, стр. 328.

экономических основ социального расслоения к «экономическим» трактовкам заключается в том, что ныне буржуазные социологи не могут уже рассчитывать на убедительность своих теорий, если они открыто игнорируют экономическую сторону жизни общества.

Действительность заставила многих буржуазных социологов, помимо их желания, обратиться для объяснения природы социального расслоения к экономическим различиям между людьми. Уже в начале XX в. многие социологи стали заявлять, что они трактуют классы чисто «материально», или «экономически». «Фактором, который образует «класс», — писал немецкий буржуазный социолог Макс Вебер, — является, несомненно, экономический интерес»¹. Подобно Веберу, многие современные буржуазные социологи заявили, что класс для них есть «экономическое» понятие. Класс «включает исключительно экономический критерий и ничего более»², — пишет американский ученый Р. Миллс.

Другой причиной чрезвычайно широкого распространения в буржуазной науке всевозможных «экономических» трактовок классов является то, что буржуазные социологи в целях «более успешной» борьбы с марксизмом вынуждены подделываться под марксизм, заявлять, что они тоже не отрицают значения экономической стороны в жизни общества.

Однако, говоря о своем стремлении к «экономической» характеристике классов, буржуазные, реформистские и ревизионистские теоретики выступают против того, чтобы довести «экономическую» трактовку классов до ее логического конца — признания отношения к средствам производства в качестве определяющего признака класса.

То, что именно этот признак является решающим при определении классов, доказано всей марксистской наукой. В «Капитале» К. Маркс следующим образом подходит к выявлению коренных основ общественных классов: «Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, — причем ответ этот получится сам собою, раз мы ответим на другой вопрос: благодаря чему наемные рабочие, капиталисты и

¹ Цит. по кн.: *H. H. Gerth and C. W. Mills (eds.), From Max Weber. Essays in Sociology*, N. Y., 1946, p. 183.

² «*American Sociological Review*», vol. VII, 1942, p. 262.

земельные собственники образуют три больших общественных класса?»¹

То, что делает рабочих, капиталистов и земельных собственников элементами общественных классов, есть их «тожество», отмечает К. Маркс. Но тожество в чем? Ответ на этот вопрос по существу дан в «Критике Готской программы». Оно состоит в тожестве отношения к «вещественным условиям производства», или к средствам производства.

Следовательно, тожество в отсутствии собственности на средства производства или в собственности только на свою рабочую силу образует класс пролетариев; тожество в собственности на капитал и в крупной собственности на землю образует класс капиталистов или буржуазии и класс крупных землевладельцев. Другими словами, *тожество в отношении к средствам производства образует общественный класс*. В этом — основа классового деления общества.

Различия в отношении к средствам производства определяют все остальные классовые различия и само деление общества на классы. Тот особый характер и способ, в котором выступает отношение людей к средствам производства, говорит Маркс, «различает отдельные экономические эпохи общественного строя»².

В соответствии с этим и уничтожение классов предполагает прежде всего ликвидацию неравного отношения людей к средствам производства. «Уничтожить классы — это значит поставить *всех* граждан в *одинаковое* отношение к *средствам производства*...»³

Обобщая все объективные признаки и черты, характеризующие сущность классового деления общества, Ленин дал исчерпывающее определение понятия общественного класса.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 899—900.

² К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 32.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 128.

богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹.

Марксистской теории классов буржуазные социологи противопоставляют свои антинаучные «экономические» трактовки классов.

Наиболее распространенными из них являются теории, объясняющие природу социального расслоения общества *различиями в родах занятий, или занятости людей*.

Определение системы социального расслоения на основе такого критерия, как род занятий, получило широчайшее распространение у социологов США, стран Европы и Латинской Америки. Еще в 1945 г. американские буржуазные социологи К. Дэвис и У. Мур указывали, что род занятий является главным критерием социального расслоения в американской социологии². В Америке, писал позднее социолог Т. Парсонс, мы определяем класс «в большинстве случаев на основе достижений в системе занятости»³. На основе обзора социологической литературы в США и странах Европы американский социолог Н. Рогова констатировала, что «занятость» используется в качестве основы классов в большинстве работ по «социальной стратификации»⁴.

В последнее время в буржуазной социологии выделилась особая отрасль так называемой социологии занятости (occupational sociology), или социологии работы (sociology of work). «Социология работы,— пишет американский буржуазный социолог Т. Кэплоу,— рассматривается преимущественно как изучение той социальной роли, которая является результатом классификации людей по выполняемой ими работе»⁵.

Буржуазная теория занятости утверждает, будто социальное положение и роль людей в обществе являются исключительно результатом существующего разделения людей по родам занятий. Из того факта, что подавляю-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 388.

² «American Sociological Review», vol. X, 1945, p. 242—249.

³ Т. Parsons, Essays in Sociological Theory, Glencoe, 1949, p. 174.

⁴ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 353.

⁵ Т. Caplow, The Sociology of Work, Minneapolis, 1954, p. 4.

щее число членов общества, в частности взрослое население, связано с каким-либо видом работы, буржуазные социологи делают вывод, будто определенный вид занятости и обуславливает место людей в социальной структуре общества.

В соответствии с этим «социальная стратификация» сводится к разделению общества на группы людей, занятых определенным видом деятельности. Эти группы получили в буржуазной социологии название групп занятости. «Очевидно,— писал о них американский экономист и социолог Альба Эдвардс,— что каждая из этих групп представляет не только наиболее важный сегмент рабочей силы нации, но также большую группу населения с особым уровнем жизни, с экономическим и в значительной степени с интеллектуальным и социальным укладом... Каждая из них является, таким образом, действительно особой и в высшей степени важной социально-экономической группой». Эти социально-экономические группы, заключает Эдвардс, и есть «социально-экономические классы»¹.

Отсюда следует, что критерием деления общества на классы является род занятий людей. «Социальные классы,— пишут американские социологи У. Маккиннон и Р. Сентерс,— отражают разделение родов занятий»². Социологи М. Монк и Т. Ньюком также заявляют, что употребляемое ими понятие «объективного социального класса» было прежде всего основано на критерии занятости главы опрашиваемых семей»³.

Трактовка классов различиями в родах занятий в последнее время широко распространилась не только в буржуазной социологии, но и в реформистской и ревизионистской литературе. Теоретик лейбористской партии в Англии Дж. Коул, один из лидеров французских правых социалистов — профессор политэкономии Андре Филипп и многие другие рассматривают род занятий в качестве одного из главных признаков принадлежности людей к классу.

Основной причиной данных трактовок является нежелание и неумение буржуазных социологов научно от-

¹ A. M. Edwards, *Comparative Occupational Statistics for the United States, 1870—1940*, Washington, 1943, p. 179.

² «*American Journal of Sociology*» № 6, 1956, p. 616.

³ «*American Sociological Review*», vol. XXI, 1956, p. 73.

граничить классовые различия от профессиональных различий.

При рассмотрении классов буржуазные ученые дают путанные объяснения различий в родах занятий. Некоторые буржуазные социологи считают, что они выделяют роды занятий, когда говорят о собственниках и рабочих. Но понятия «собственник» и «рабочий» выражают не профессиональную принадлежность людей, а их отношение к средствам производства.

Американский буржуазный экономист и социолог У. Хант заявляет, что он руководствовался критерием занятости, когда выделил в США «класс собственников», «класс квалифицированных рабочих» и «рабочий класс». Но какое отношение имеет «класс собственников» к роду занятий? Это ведь признак не рода занятий, а отношения к собственности. Разделение же класса рабочих на «рабочий класс» и на «класс квалифицированных рабочих» представляет субъективную попытку автора почему-то выделить из рабочего класса в отдельный «класс» именно квалифицированных рабочих. Здесь наблюдается полная мешанина в принципах деления общества на классы.

Ключ к научному решению вопроса о соотношении классовых и профессиональных различий дает марксистское учение. Маркс в письме к Л. Кугельману писал: *«Необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются»*¹.

Отсюда следует, что необходимость разделения труда является законом развития производительных сил. Чем выше уровень развития производства, тем сильнее разделение труда в обществе. Но разделение труда и родов занятий всегда выступает в той или иной определенной форме, которая обуславливается конкретной формой общественного производства, т. е. определенными материальными отношениями.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1953, стр. 208.

Во всех антагонистических обществах разделение родов занятий осуществляется прежде всего в зависимости от принадлежности к тем или иным общественным классам.

Владельцы средств производства избирают себе во всех областях деятельности: в земледелии, скотоводстве, промышленности, торговле, умственном труде — функции руководства, управления, распоряжения чужой рабочей силой. Наоборот, физическая работа в земледелии, скотоводстве, промышленности, всякая обслуживающая работа в торговле и других областях достаются членам угнетенных классов и средним слоям общества. Происходит «крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее, также наукой и искусством»¹.

Такое разделение труда происходит потому, что одни владеют средствами производства, а другие лишены их. Маркс и Энгельс в связи с этим писали, что данное «разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности»².

Именно в результате принадлежности к разным классам оказывается возможным, что все блага в земледелии, скотоводстве, промышленности, торговле и в умственной деятельности достаются владельцам частной собственности, а изнуряющий труд ложится на плечи угнетенных масс. Такое «разделение труда» делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов»³.

Таким образом, происходит прямо противоположное тому, что утверждают буржуазные социологи — сторонники трактовки общественных классов различиями в родах занятий. Не классы являются результатом принадлежности людей к тем или иным группам занятости, а наоборот: принадлежность к тем или иным родам за-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1957, стр. 170.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, изд. 2, стр. 31.

³ Там же, стр. 30—31.

нятий в антагонистических обществах зависит от принадлежности к тому или иному классу общества.

Для каждого класса антагонистического общества характерна определенная сфера деятельности, определенная совокупность родов занятий его взрослых членов. Например, для рабочего класса капиталистических стран характерны такие роды занятий и профессии, как шахтер, горняк, сталелитейщик, токарь, строитель, плотник и т. д. Для класса капиталистов характерны такие роды занятий, как директор банка, президент компании, директор предприятия, высшее должностное лицо в правительстве и т. п. Вряд ли найдется член рабочего класса, выполняющий обязанности директора банка. И нет таких владельцев капитала, которые по роду деятельности были бы шахтерами, горняками, токарями и т. д.

Несомненно, что члены данных групп занятости, как отмечает американский ученый А. Эдвардс, характеризуются определенным уровнем жизни, социальным и интеллектуальным укладом, интересами и убеждениями. Но это происходит не потому, что эти лица принадлежат к данным группам занятости, а прежде всего потому, что они являются членами определенных общественных классов, в данном случае рабочего и буржуазии.

Вскрывая тот факт, что члены каждого класса в антагонистическом обществе имеют более или менее определенную совокупность родов занятий, марксизм в то же время подчеркивает, что классовые и профессиональные различия при этом никоим образом не совпадают. Многие роды занятий, характерные для членов рабочего класса (токарь, плотник, обувщик, шляпник и т. д.), в такой же степени могут характеризовать и действительно характеризуют членов класса мелкой буржуазии — мелких производителей, ремесленников и кустарей, имеющих собственные небольшие средства производства. Такие роды занятий, как директор предприятия, член совета директоров компании, высшее должностное лицо в правительстве, характерные для класса буржуазии, могут выполняться и представителями других классов и социальных групп, в частности интеллигенцией и служащими.

Марксистский анализ показывает, что классовые различия не совпадают с различиями по роду занятий,

а следовательно, и группы занятости никоим образом не подменяют существующих общественных классов.

Трактовки классов различиями в родах занятий выгодны для буржуазии тем, что они создают, с одной стороны, видимость «материалистической» трактовки социального неравенства, а с другой — вовсе не ведут к тем опасным для буржуазии выводам, которые неумолимо следуют из действительно марксистского определения классов.

Буржуазные социологи и реформисты, проповедующие рассмотренные теории, уверяют, что путь устранения классовых различий есть путь перехода из одного рода занятий в другой, из одной профессии в другую. Переходя, например, из неквалифицированных областей труда в область квалифицированного труда, индивид тем самым якобы меняет свою классовую принадлежность. Часто для перехода из одного класса в другой оказывается достаточным просто сменить одну профессию на другую. Такой путь «устранения» классовых различий полностью устраивает буржуазию, ибо он ничего не меняет в самих устоях капитализма.

Буржуазные теории, кладущие в основу классов различия в родах занятий, выгодны для буржуазии тем, что они уводят рабочих от классовой борьбы, ибо сеют среди них иллюзии о возможности добиться всех своих целей «мирными» средствами, путем так называемой «мобильности», т. е. простой перемены родов занятий. Тем самым они отвлекают трудящихся от действительной классовой борьбы с капиталом.

Другой очень широко распространенной в буржуазной, реформистской и ревизионистской литературе «экономической» трактовкой социального расслоения является *распределительная теория классов*. Она получила название распределительной потому, что берет за основу деления общества на классы не сферу производства, а сферу распределения.

Американский буржуазный социолог Б. Барбер утверждает, что «члены общества могут быть распределены как высшие и низшие в зависимости от источника или размера их регулярного дохода»¹. Семантический

¹ B. Barber, Social Stratification. A Comparative Analysis of Structure and Process, N. Y., 1957, p. 50.

идеалист С. Хаякава, принимающий категорию класса «условно», заявляет, что под социальным классом он понимает группу людей, получающую в среднем одинаковую заработную плату.

В чем причина широкого распространения распределительной теории классов как в буржуазных концепциях «социальной стратификации», так и во взглядах реформистских и ревизионистских теоретиков? Почему так «трогательно» смыкаются на почве этой теории и буржуазные ученые и правосоциалистические лидеры?

Причина состоит в том, что, создавая видимость «материалистического» и чуть ли не «марксистского» толкования классов, «экономические» трактовки социального расслоения извращают действительную основу классового расчленения общества.

Буржуазные социологи и особенно правые социалисты, проповедующие распределительную теорию, любят ссылаться на тот факт, что марксизм-де «тоже» использует различия в доходах в качестве одного из основных признаков определения классовой принадлежности людей. Они пытаются уверить рабочих, будто распределительная теория несколько не противоречит марксистской теории классов. Более того, отдельные буржуазные социологи ставят знак равенства между марксистским понятием классов и распределительной теорией.

Подобные утверждения буржуазных и реформистских идеологов являются сплошным обманом. Распределительная теория классов и марксистское учение о классах прямо противоположны и исключают друг друга.

Считая общественный класс продуктом определенных производственных отношений, марксизм тем самым признает, что одним из основных признаков классов является отношение людей к произведенным общественным благам. Однако марксизм не останавливается на одной этой констатации, а идет дальше, показывая, что классовые различия в распределении являются лишь следствием различий по отношению к средствам производства. Последние и выступают основой деления общества на классы. Выдвигать на первое место различия в распределении — значит подменять причину следствием.

Подчеркивая именно эту сторону, В. И. Ленин указывал на полную несостоятельность попыток русских эсеров искать основной критерий классов в источниках

дохода. Он писал: «Несостоятельность этих посылок бьет в глаза. Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода, значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший не видящих ее людей вульгарными социалистами»¹.

Именно классовая сущность распределительной теории притягивает к ней как буржуазных социологов, так и реформистских и правосоциалистических лидеров. Распределительная теория нацеливает не на уничтожение классов, а на их сохранение под видом борьбы за «уравнение» различий в доходах. Заявляя о том, что ныне в буржуазном обществе и капиталист, и рабочий, и служащий одинаково получают заработную плату, т. е. обладают «равным» источником дохода, буржуазные социологи, реформисты и правые социалисты упорно твердят об «уравнении» и «исчезновении» классовых различий в высокоразвитых капиталистических странах.

Другой порок распределительной теории классов состоит в том, что она неправильно трактует сами различия в распределении, сводя их только к величине формально получаемого дохода. Буржуазные социологи отрицают тот несомненный факт, что получаемый доход не только тут же тратится на одежду, питание, развлечения и т. д., но и овеществляется путем приобретения акций, покупки автомашин, домов, предприятий, земельных участков, заводов, фабрик и т. д. Следовательно, говоря о различиях в распределении, надо обязательно учитывать и этот уже овеществленный доход, который у имущих классов во много раз превышает формально получаемый доход. В. И. Ленин специально подчеркивает, что классы различаются не просто по доходам, а «по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»².

Сводя различия в распределении только к разнице в размерах официально регистрируемого дохода, буржуазные социологи тем самым умышленно упускают и получаемые членами класса капиталистов доходы от акций, облигаций, личной собственности, ссуд, спекуля-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 235.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 388.

ций, от так называемых «сумм на расходы» и т. д., которые также часто намного превышают официально проходящие через бухгалтерии доходы.

Нелепость распределительной теории заключается, наконец, в том, что, выставя различия в доходах в качестве конечной основы классов, буржуазные социологи и правые социалисты оказываются бессильными провести какое-либо разграничение между классовыми и внутриклассовыми различиями в области распределения. Объявляя основой классов все видимые различия в распределении, буржуазные и реформистские теоретики тем самым смешивают классовые, внутриклассовые, групповые и индивидуальные различия в доходах. Любые из таких различий они называют основой социального расслоения и в результате этого делят общество не на действительно существующие классы, а на имеющиеся группы с формально одинаковым источником или размером получаемого дохода.

Широкое распространение в современной буржуазной социологии получила так называемая *организационная теория классов*, кладущая в основу социального расслоения различия по роли в организации труда. Из всех «экономических» трактовок классов эта теория пользуется особой популярностью у современных реформистских и ревизионистских теоретиков.

Одним из авторов этой теории является русский махист и эмпириомонист А. Богданов, утверждавший, что классы образуются в результате деления людей на «организаторов» и «исполнителей». В современной буржуазной науке начало этому направлению положил американский социолог Джеймс Бернхэм, выпустивший в 1941 г. книгу «Революция управляющих».

Концепция Бернхэма была подхвачена и развита в работах американских буржуазных социологов и экономистов Р. Страус-Хюпе, П. Друккера, Дж. Элеско, английского фабианца А. Кросленда, австрийского правого социалиста К. Реннера, западногерманского правого социал-демократа П. Зеринга и многих других.

Дж. Бернхэм и его последователи представляют так называемое технократическое направление в буржуазной социологии и политической экономии. В основу своей концепции они кладут два реальных факта, наблюдаемых в капиталистической действительности. Первый

состоит в том, что в странах высокоразвитого капитализма функции руководства, управления и контроля в промышленности, торговле и банках все больше передоверяются непосредственными владельцами капитала различным управляющим, административным служащим, инженерам, техникам и другим лицам, получающим за это жалование от капиталистов. Второй факт заключается в том, что развитие производительных сил при капитализме, концентрация промышленности и усиление монополий обуславливают значительный рост численности данных категорий работников.

Не вдаваясь в существо этих фактов, Дж. Бернхэм заявил, что в капиталистическом обществе, и прежде всего в США, произошла «управленческая революция», в результате которой господствующей силой в экономике капитализма стали уже не сами капиталисты, а техническая интеллигенция, выполняющая функции управления в производстве.

Отсюда буржуазные и правосоциалистические теоретики делают заключение, будто критерием классовой принадлежности людей должно отныне стать не отношение людей к средствам производства, а их роль в организации труда. «При капитализме господствующим классом были собственники средств производства,— заявляет Кросленд.— Сейчас, когда активная собственность на средства производства заменена пассивным владением акциями... положение, будто отношения собственности лежат в основе экономического господства, уже не соответствует истине»¹.

Рассуждения буржуазных социологов и реформистов широко подхватили многие ревизионисты, в частности югославские. Не отношение к средствам производства, а функция в процессе производства — вот что выставляется ими в качестве главного и решающего критерия деления общества на классы.

Радомир Лукич заявляет, что ныне «собственность на средства производства не является критерием для определения понятия «класс»... потому, ... что сейчас наряду с капиталистами — частными собственниками все функции, которые выполняются ими, выполняются также и бюрократией, хотя бюрократы не являются собственни-

¹ C. A. R. Crosland, *New Fabian Essays*, London, 1952, p. 38.

ками средств производства»¹. То же самое утверждает ревизионистский теоретик Йоже Горичар. «Класс юридических собственников средств производства сменяется в экономической структуре капитализма буржуазным государством с определенной частью его бюрократического аппарата»².

Попытка буржуазных, реформистских и ревизионистских теоретиков выдать в качестве решающего критерия классового деления роль в организации труда оказывается теоретически несостоятельной и полностью опровергается фактами капиталистической действительности.

Марксизм-ленинизм включает различия по роли в организации труда в совокупность основных признаков общественных классов. В. И. Ленин в известном определении классов указывает, что классы есть большие группы людей, различающиеся помимо других черт также «по их роли в общественной организации труда». Но отсюда вовсе не следует, будто различия по функции в процессе производства являются главным, решающим и единственным критерием классового расслоения общества.

Когда марксизм-ленинизм говорит, что классы различаются между собой по роли в организации труда, то этим он только констатирует тот существующий в классовых обществах факт, что собственники средств производства именно в силу владения этими средствами присваивают себе функции руководства и управления общественным производством.

Однако из этого положения вовсе не следует, что владельцы средств производства всегда сами и лично выполняют функции руководства и управления трудом на принадлежащих им заводах и фабриках. Маркс, Энгельс и Ленин указывали на наличие в капиталистическом обществе тенденции все большего отхода владельцев средств производства от непосредственного управления. Маркс отмечал, что с развитием капитализма «деятельный капиталист», ранее непосредственно управлявший своим производством, отходит от функций управления и «становится расточительным, хотя бы для того, чтобы выставить напоказ свое богатство»³.

¹ «Naša Stvarnost» № 7—8, 1958.

² Там же.

³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. 1, 1955, стр. 258.

В классе буржуазии с одной стороны оказываются капиталисты, лично участвующие в руководстве производством, а с другой — те, кто отходит от управления производством и передает его специально нанятым для этой цели служащим — так называемой технической бюрократии. Отсюда видно, что различия по степени личного участия в общественной организации труда существуют у членов одного и того же класса.

С ростом производительных сил и усилением разделения труда члены экономически господствующего класса все более и более возлагают функции управления производством на управляющих, инженеров и техников. Однако от одного этого технические специалисты вовсе не становятся владельцами средств производства, где они работают, а потому никак не могут заменить подлинных хозяев этих средств производства — капиталистов.

Наемные директора, управляющие, инженеры и техники отдают за определенное жалованье свой труд капиталисту с тем, чтобы произвести для него на принадлежащих ему земле, рудниках, фабриках, заводах и т. п. побольше товаров и продуктов. Следовательно, и это самое главное, наемные директора, управляющие и инженеры, обладая функциями управления производством, не владеют ни самими средствами труда, где они работают, ни продукцией, которую они помогают производить. А это означает, что ни передача капиталистами непосредственных функций управления в руки оплачиваемых ими директоров и инженеров, ни естественный с развитием производства рост численности управляющих и инженеров не только не лишают капиталистов владения средствами производства и выпускаемой продукцией, но намного увеличивают размеры их богатств, а тем самым экономическое господство и могущество всего класса капиталистов.

В проповеди организационной теории классов, столь усердно распространяемой буржуазными и особенно реформистскими и ревизионистскими теоретиками, заинтересованы прежде всего сами капиталисты. Стремясь скрыть и завуалировать свою хищническую и господствующую роль в производстве, монополистические группы капитала находят блестящей идеей буржуазных профессоров и правосоциалистических лидеров о том,

что ныне будто бы уже не капиталисты, а управляющие господствуют в производстве. Это помогает им пропагандировать идею о «народном» характере современного капитализма и вносить раскол в ряды рабочих, ибо у последних как бы не оказывается противников в классовой борьбе.

К буржуазным «экономическим» трактовкам классов примыкает ряд концепций, которые пытаются объяснить природу социального расчленения общества имеющимися *различиями в чертах жизненной обстановки людей*. К ним относятся различия в обеспечении людей жильем, районах проживания, предметах домашнего обихода, средствах транспорта, обеспеченности одеждой, обувью и т. д.

Все эти черты жизненной обстановки лишь внешне отражают присущее людям место в системе производственных отношений, и прежде всего их отношение к средствам производства. Однако данные черты имеют большое практическое значение для обыденной, повседневной жизни людей. Именно на этом спекулируют буржуазные социологи, выдвигая эти производные, но тем не менее непосредственно важные для людей черты жизненного положения в качестве основы распределения населения по классам.

Одним из наиболее часто употребляемых буржуазными социологами подобных признаков социального расслоения является критерий «тип жилища». Под ним подразумевается характер жилищных условий, в которых находится индивид: владеет ли он собственным домом или снимает его, живет ли он в отдельной квартире или комнате, отвечают ли его жилищные условия современным требованиям или нет и т. д. Так, американский социолог Раймонд Мэк в работе «Обеспечение жильем как индекс социального класса» рассматривает критерий обеспечения жильем в качестве единственной основы социального расслоения общества¹.

Другим признаком жизненной обстановки людей, часто употребляемым буржуазными социологами в качестве «экономического» критерия класса, является признак района проживания, т. е. месторасположения жилища, в котором проживает индивид.

¹ «Social Forces», vol. XXIX, 1951, p. 391—400.

Буржуазный социолог О. Б. Холлингсхед в одной из работ использовал в качестве единственной основы деления общества на классы критерий района постоянного местожительства людей¹. Социолог Поль Хэтт в статье «Класс и этнические отношения» в зависимости от проживания людей в различных пригородах («пригороде среднего класса» или «пригороде избранных лиц») распределил население между двумя социальными классами: «средним» и «высшим»².

Помимо «типа жилища» и «района проживания» современные буржуазные социологи используют в качестве «экономических» критериев класса целый ряд других внешних признаков жизненной обстановки людей.

Западногерманский профессор Зигфрид Ландсгут считает, что одним из критериев классового расслоения общества является число классов на железных дорогах. Когда железные дороги в Германии имели четыре класса, то это, согласно Ландсгуту, означало, что германское общество делилось на четыре социальных класса. С уменьшением числа классов на железных дорогах, уверяет Ландсгут, уменьшается и число социальных классов общества.

Ряд буржуазных социологов распределяет взрослое население по классам в зависимости от того, в каких жизненных условиях находятся их дети. Например, буржуазный социолог М. У. Креймер безоговорочно относит к «высшему» классу тех взрослых американцев, дети которых посещают не государственные, а частные школы³.

Стремление буржуазных социологов выдать всякие случайные признаки жизненной обстановки за «экономическую» основу классов приводит подчас к абсурдам. Так, буржуазный социолог Н. С. Хейнер распределял население мексиканского города по классам на основе критерия... наличия телефона в квартире. Все, кто имел телефоны, попали безоговорочно в «высший» класс⁴.

Использование буржуазными социологами различных черт жизненного положения людей в качестве «экономических» критериев класса совершенно несостоятельно,

¹ «American Sociological Review», vol. XV, 1950, p. 619—627.

² «American Sociological Review», vol. XIII, 1948, p. 36—43.

³ «Sociology and Social Research», vol. XXXIV, 1949—1950, p. 444—450.

⁴ «Social Forces», vol. XXVI, 1948, p. 381—390.

ибо оно не вскрывает тех причин, которые обусловили сами эти различия в жизненной обстановке людей.

Говоря о научном понимании общественных классов, В. И. Ленин писал, что марксизм понимает под классами группы людей, различающиеся «между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, след., по условиям их жизненной обстановки»¹.

Отсюда видно, что, признавая существование между группами людей различий в условиях их жизненной обстановки, марксизм-ленинизм прежде всего вскрывает природу самих этих различий, показывая, что различия в условиях жизни являются в конечном счете следствием различий по месту классов и слоев в системе производственных отношений.

Например, начиная с рабовладельческого общества различия между общественными классами получали выражение и в различиях по обеспеченности членов этих классов жильем. Наилучшие жилищные условия всегда имелись у господствующего класса, а наихудшие — у эксплуатируемых трудящихся масс. В распоряжении имущих классов — дворцы, резиденции, дома и виллы. Удел тружеников — трущобы, подвалы, тесные комнаты, перенаселенные квартиры.

Определенная зависимость между принадлежностью к конкретному классу и наличием соответствующих условий жизненной обстановки проявляется и в вопросе о районе проживания. Лучшие районы городов оказались в распоряжении представителей господствующих и имущих классов, в результате чего образовались особые кварталы богачей, крупной буржуазии, кварталы средней и мелкой буржуазии. Доступ в них для трудящихся оказался закрытым. Им приходилось селиться в худших районах города, по его окраинам и в пригородах. Так образовались пролетарские кварталы, районы рабочей бедноты, районы трущоб.

Однако подобная зависимость между принадлежностью к классу и условиями жизненной обстановки не проявляется автоматически. Например, рабочий класс в условиях капитализма ведет борьбу за улучшение своих жилищных условий. И если он вынуждает

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 391.

буржуазию пойти на уступки и дать возможность определенным группам рабочих обеспечить себе тип жилища, близкий к типу жилища мелкого буржуа, интеллигента и чиновника, то это еще не означает, будто рабочий перестал быть рабочим. То же самое происходит и с различиями в районах проживания. В новых промышленных центрах капиталистических стран нет тех ясных различий в районах проживания, которые сложились в более старых городах. Люди живут здесь «перемешанно». Но это вовсе не означает, что тем самым «уравнялись» классы, как пытаются доказать некоторые ретивые буржуазные социологи.

Когда буржуазный социолог Н. Хейнер распределял население мексиканского города по классам в зависимости от наличия телефона в квартире, то вполне возможно, что в данный период в этом городе в основном буржуа имели телефоны. Однако Хейнер никак не хочет уразуметь тот простой факт, что мистер Х. из мексиканского городка не потому является буржуа, что владеет телефоном, а наоборот: он потому владеет телефоном, что является буржуа. А из того положения, что в одних обстоятельствах только буржуа владеют телефонами, вовсе не следует вывода о том, что и всегда, даже в буржуазных условиях, телефонами будут владеть только буржуа. Поэтому наличие телефона никак не может являться критерием классовой принадлежности людей.

В силу всего этого имеющиеся между людьми различия в жизненной обстановке никоим образом не могут служить критериями классовой принадлежности людей.

В последнее время это обстоятельство начинают понемногу осознавать и отдельные буржуазные социологи. Американский социолог Поль Хэтт, который в 1948 г. сам применял район проживания в качестве единственного критерия класса, в 1950 г. выступил со статьей, в которой предлагает отказаться «за непригодностью» от критериев «район проживания» и «тип жилища», правда, в пользу тоже несостоятельного критерия — рода занятий¹. Буржуазный социолог Г. Пфаутц, обобщая работы ряда своих коллег, пишет, что критерии района проживания и типа жилища в качестве основ социального рас-

¹ «American Sociological Review», vol. XV, 1950, p. 222.

членения оказываются «неприменимыми при изучении городов»¹.

Так сама жизнь, капиталистическая действительность выносит беспощадный приговор антинаучным концепциям ряда буржуазных социологов, протаскивающим в качестве «экономических» критериев классов различные черты жизненного положения людей.

Рассмотрение так называемых «экономических» трактовок природы социального расслоения общества показывает, что хотя подобные теории «социальной стратификации» и оперируют различиями из экономической жизни людей, однако они берут именно такие различия, которые не в состоянии объяснить природу разделения общества на классы. Все буржуазные, реформистские и ревизионистские «экономические» трактовки классов игнорируют коренные основы классового деления общества.

Хотя «экономические» трактовки классов несколько отличаются от биологических и психологических объяснений социального расслоения, суть их одна: они обходят коренные материальные основы общественных классов и объясняют природу социального расслоения производными причинами.

3. Теории многочисленных критериев классов и «многоизмеримой стратификации»

Для буржуазной социологии послевоенного периода характерно стремление как-то «подновить» и «усовершенствовать» свои воззрения на природу социального расслоения общества. Оно обусловлено тем несоответствием, которое сложилось между буржуазными теориями «социальной стратификации» и капиталистической действительностью. Даже «Американский журнал социологии» вынужден признать, что американское общество не соответствует тому, что пишется о нем в системах социальной стратификации².

Все «усовершенствования» буржуазных социологов свелись не к углублению их в природу общественных классов, а лишь к переходу от односторонних трактовок

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 396.

² Ibid., p. 325.

к столь же поверхностным, но многосторонним трактовкам природы социального расслоения. От теорий «единичного фактора» к теориям «многих факторов» — вот тенденция «теоретических исследований» в последнее время.

Одной из таких попыток современных буржуазных социологов преодолеть разрыв теории с практикой являются теории *многочисленных критериев классов*, получившие ныне очень широкое распространение как в буржуазной, так и в реформистской и ревизионистской литературе.

Основателем теории многочисленных критериев класса по праву считается буржуазный социолог США, профессор социологии Чикагского университета Ллойд Уорнер. Начиная с 1945 г. он написал ряд работ, объединенных в так называемую «Янки сити сериес», где выступил за применение совокупности критериев при распределении населения по классам.

Свой комплекс критериев Уорнер назвал «Индексом характеристик статуса»¹. В него он включил четыре критерия: «занятость», «источник дохода», «тип жилища» и «район проживания».

Предложенный Л. Уорнером «новый метод» социального расслоения общества был широко подхвачен буржуазной наукой как в США, так и в других капиталистических странах.

Часть буржуазных социологов пошла по пути слепого применения уорнеровского «индекса» при проведении опросов в своих странах или в определенных районах.

Большинство же вынуждено было отказаться от слепого применения «индекса» Уорнера. Произошло это потому, что свой «Индекс характеристик статуса» Л. Уорнер составил чисто эмпирическим путем на основе изучения и опроса населения в одном из городов среднезападного района США. Когда же буржуазные социологи стали применять уорнеровский «индекс» к другим районам США и в других капиталистических странах, то они столкнулись с тем фактом, что в других районах и странах оказались другие характеристики внешнего положения индивидов, отличные от характеристик, данных Уорнером. «Индекс» Уорнера оказался

¹ «Index of Status Characteristics» (ISC).

неприменимым как к большинству других капиталистических стран, так и ко многим районам самих США.

В связи с этим ряд буржуазных социологов пошел по пути мелких «починок» и «замен» в «индексе» Уорнера. В буржуазной социологической литературе появились десятки произвольно созданных «индексов» и «комплексов». Как и в уорнеровском «индексе», количество и состав критериев во всех этих «комплексах» буржуазными социологами определялись субъективно — или на основе опроса населения, или самостоятельно. Отличие их друг от друга чисто формальное: сколько включено критериев в тот или иной «индекс» и «комплекс» классов и каковы конкретно эти критерии.

Существующие в современной буржуазной литературе многочисленные «индексы» классов в основном составлены из различных признаков экономического положения людей, но включают также отдельные биологические, психологические, культурные и тому подобные черты жизни людей. Так, английские социологи А. Берч и П. Кэмпбелл применили для определения классов комплекс из двух критериев: занятости и оценки интервьюера, т. е. личного мнения самого опрашиваемого.

«Комплекс» из трех критериев: источника дохода, занятости и образования — был использован социологами У. Бьюкененом и Х. Кэнтрилом для анализа классового состава населения в США, Англии, Франции, Западной Германии, Италии, Голландии, Норвегии, Мексике и Австралии, который они производили по заданию ЮНЕСКО в 1948 г.¹

В буржуазной социологической литературе наиболее широко распространены «комплексы» и «индексы» классов из трех и четырех критериев. Однако встречается немало работ, где «индексы» включают по пять и более так называемых критериев.

Можно было бы перечислить десятки теорий многочисленных критериев классов. Но не в этом дело. Главное в том, что все они игнорируют подлинные основы классов. Другим недостатком этих теорий, вытекающим из произвольности самого подбора критериев в тот или

¹ W. Buchanan and H. Cantril, *How Nations See Each Other*, Urbana, 1953, p. 15—16.

иной «индекс», является полное отсутствие взаимосвязанности и взаимообусловленности между входящими в тот или иной «индекс» критериями классов.

Когда марксизм-ленинизм в качестве материальной основы классов указывает на совокупность различий по месту в производственных отношениях, то эту совокупность он выводит не из головы, а из того факта, что различное отношение людей к средствам производства объективно обуславливает различное отношение людей друг к другу в процессе производства, различия по их роли в организации труда, различия по размерам и способам получения ими долей общественного богатства.

Здесь налицо объективная взаимозависимость различий по месту в материальных отношениях, объективная причинно-следственная связь определяющих признаков класса, осуществляемая не произвольно, а строго определенным образом.

В противоположность этому, в буржуазных теориях многочисленных критериев классов все критерии, входящие в тот или иной «комплекс», оказываются независимыми друг от друга, равноценными друг другу. Из них не выделены ни причины, ни следствия, ни решающие различия, ни производные от них.

К подобным эклектическим концепциям классов полностью применимо ленинское указание о том, что если «берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно.., то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только»¹.

Другой попыткой современных буржуазных социологов преодолеть односторонность теорий «социальной стратификации», с тем чтобы сделать их более научно-образными, являются *теории многосторонних характеристик классов и социального неравенства*.

Суть данных теорий состоит в том, что буржуазные социологи, руководствуясь каким-либо антинаучным критерием (чаще «экономическими» трактовками или «индексами» классов), выделяют в обществе или в конкретно изучаемом районе определенные социальные классы, слои или группы людей, после чего начинают

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

выискивать связь между принадлежностью людей к такому классу или группе и присущими им определенными чертами их жизни: сознанием, поведением, образом жизни и др. Эти теории дают многостороннюю характеристику не действительным общественным классам, а лишь каким-то группам людей, выделенным на основе произвольно взятых критериев занятий, дохода, образования и др.

Так, американский буржуазный социолог Б. Барбер, называя черты повседневной жизни людей «символами» классовой позиции, пишет: «Символы позиции в социальном классе включают разнообразные черты, которые показывают, как индивид одевается, в какие игры он играет, к какой церкви он принадлежит, где он живет и большое множество других вещей, которые индивид делает или которыми он обладает»¹.

Барбер перечисляет целый ряд «символических индикаторов» позиции индивида в социальном классе: образ жизни людей, способ обращения людей друг к другу («мистер» и т. п.), присваиваемые им титулы, тип и расположение жилища семьи, качество и покрой одежды, знание иностранных языков и определенный жаргон, диалект, виды проведения отдыха, спортивные игры и развлечения, принадлежность к той или иной религиозной вере и церкви и ряд других черт и признаков жизни людей.

Другой социолог — Ллойд Брейтуэйт старается определить зависимость между принадлежностью местного населения английской колонии Тринидад (Британская Западная Индия) к «средним классам» и носимой ими одеждой. По словам Брейтуэйта, факт ношения пиджака и галстука служит обязательным символом принадлежности цветного мужчины к «среднему» классу. В противном случае его нельзя отличить от цветного населения, принадлежащего к «низшему» классу. Эти символы позиции в социальном классе, отмечает Брейтуэйт, ревностно охраняются.

Многие социологи стараются изучить такие черты жизни людей, как «жизненные шансы». Под ними большей частью подразумевается поведение и психология членов определенных групп. Американский буржуазный

¹ B. Barber, Social Stratification, N. Y., 1957, p. 135.

социолог Роберт Кларк, например, обращает внимание на отношение между определенными «социальными статусами» и различными типами психоза в Чикаго¹.

Буржуазный социолог Г. Смит эмпирически прослеживает связь между классовой принадлежностью студентов и их активностью во внеучебной студенческой работе². Социолог Л. Кук замечает зависимость популярности студентов от их принадлежности к определенному «статусу»³.

Ряд социологов изучает проблему зависимости между социальным положением и шансами при прохождении военной службы. Буржуазные социологи Р. Хэвигхерст и М. Рассел на основе исследования ряда эмпирических фактов приходят к выводу, что поощрения при прохождении военной службы варьируются в зависимости от присущих людям классовых различий, которые они определяют, кладя в основу род занятий⁴.

Другой чертой, характеризующей, по словам буржуазных социологов, членов тех или иных классов, является их «классовое сознание», под которым подразумевается осознание людьми какой-либо общности: в престиже, ценностях, культуре и т. п.

С этой позиции английские буржуазные социологи А. Бриггс, П. Кэмпбелл и др. исследовали взаимосвязь между различиями по принадлежности к разным «классам», с одной стороны, и политическим поведением людей, с другой⁵. Английский буржуазный социолог Г. Айсенк на основе такого «исследования» делает заключение о том, будто в Англии члены «рабочего класса» являются более «консервативными» и «тугодумными», чем члены «среднего» класса⁶.

Американский социолог Г. Зенгер после изучения ряда эмпирических фактов по Нью-Йорку пришел к выводу о наличии прямой связи между «социальным статусом» людей и поведением во время выборов.

¹ «American Sociological Review», vol. XIV, 1949, p. 539—549.

² «Journal of Educational Psychology», vol. XXXVI, 1945, p. 229—246.

³ «American Sociological Review», vol. X, 1945, p. 250—261.

⁴ «School Review», vol. LIII, 1945, p. 202—211.

⁵ «British Journal of Sociology» I, 1950, p. 67—80, 197—208.

⁶ «British Journal of Sociology» II, 1951, p. 198—209.

Многие буржуазные социологи пытаются характеризовать членов классов различными признаками их образа жизни.

Например, социолог Л. Уорнер, определяя на основе своего «Индекса характеристик статуса» те или иные социальные классы общества, эмпирически выискивает затем определенные черты образа жизни, присущие представителям данных классов. Следуя по такому же пути, социологи С. Дрейк и Х. Кейтон исследовали, как они заявляют, различные образы жизни так называемых городских негритянских социальных классов, представляющих всего-навсего разные группы негров¹.

Ряд буржуазных социологов исследует в качестве черт образа жизни различия в воспитании детей, присущие, по их словам, членам различных классов. Так, социологи А. Дэвис, Р. Хэвигхерст и М. Эриксон считают, что для членов «среднего» класса характерны жестокость при воспитании детей, а для членов «низшего» класса, наоборот, — снисходительность.

Буржуазный социолог К. Шусслер в специальной работе изучает связь между принадлежностью к социальному классу и различиями в музыкальных вкусах². Другие буржуазные социологи исследуют факты связи членов определенных классов с такими чертами образа жизни, как половое поведение, отношение к алкогольным напиткам, обычаи при похоронах, отношения с соседями и т. д.

Еще одной чертой, посредством которой буржуазные социологи характеризуют членов различных социальных групп, являются индивидуальные особенности людей, их характер и психика. Такие черты расцениваются самими буржуазными социологами как «субъективный аспект образа жизни». Он включает «влияние различий в классах или в статусах на позиции индивидов и на личность, что отлично от концепции классового сознания»³.

Буржуазный социолог М. Розенберг на основе изучения ряда эмпирических фактов утверждает, что

¹ St. C. Drake and H. R. Cayton, Black Metropolis, N. Y., 1945, p. 495—715.

² «American Sociological Review», vol. XIII, 1948, p. 330—335.

³ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 404.

между членами «среднего» и «рабочего» классов существуют «важные различия в эмоциональности». В частности, он высказывает «гипотезу», что члены «среднего» класса выглядят более подавленными¹. Социолог А. Грин также отмечает, что культура «среднего» класса порождает невротические тенденции у детей мужского пола².

Буржуазные социологи Л. Уорнер и У. Генри исследовали отношение к серии дневных радиопередач со стороны ряда женщин, включенных в так называемый низший средний класс. Отсюда они сделали вывод о «психологических нуждах и потребностях женской части низшего среднего класса»³. Социологи А. Кардинер и Л. Овси «тщательно исследовали» влияние различий между «классами» и «статусами» на существующие у людей предрассудки и преубеждения⁴.

Таковы некоторые основные черты и признаки, с помощью которых современные буржуазные социологи стремятся дать многостороннюю характеристику системы «социальной стратификации» общества. Одно их перечисление показывает, что буржуазные ученые берут довольно широкий круг различий между людьми.

Однако попытки современных буржуазных социологов придать научный вид теориям «социальной стратификации» посредством «многосторонних» характеристик классового положения оказываются несостоятельными, так как эти характеристики относятся не к действительным классам, а к различным группам людей. И только с этой точки зрения они могут представлять интерес.

Среди попыток современных буржуазных социологов преодолеть односторонность своих воззрений на социальное расслоение общества большое место занимают теории «многоизмеримой стратификации».

Большинство существующих до сих пор в буржуазной науке теорий социального расслоения были теориями «одноизмеримой социальной стратификации», в том смысле, что систему социально неравных слоев в обществе они определяли на основе какого-либо одного «измерения» — психологического, культурного, биологи-

¹ «Journal of Social Issues», vol. V, 1949, p. 14—23.

² «American Sociological Review», vol. XI, 1946, p. 31—41.

³ «Genetic Psychology Monographs», vol. XXXVII, 1948, p. 3—72.

⁴ A. Kardiner and L. Ovesey, *The Mark of Oppression*, N. Y., 1951, p. 82—157.

ческого или «экономического» — и получали «одноизмеримую» систему «социальной стратификации».

Стремясь преодолеть такую односторонность, буржуазные социологи стали создавать «комплексы» и «индексы» многочисленных критериев классов, а также предприняли попытки многосторонней характеристики социального расчленения. Однако и этим теориям присущ тот общий порок, что они, помимо игнорирования действительных материальных основ классов, не охватывают при объяснении природы социального расслоения хотя бы основные стороны общественной жизни людей, в которых проявляются различия между классами: экономическую, социальную, политическую, идеологическую, духовную.

Если с точки зрения буржуазных теорий «одноизмеримой социальной стратификации» существующее в обществе социальное неравенство имеет только одну природу (независимо какую — «психологическую», «экономическую» и т. п.), а отсюда общество делится лишь на одну систему «социальной стратификации», то согласно буржуазным теориям «многоизмеримой социальной стратификации» в основе социального неравенства лежит не одно, а несколько разных начал (экономическое, политическое, социальное и т. п.), причем каждое из них ведет к образованию самостоятельной системы «социальной стратификации» общества. В результате общество расслаивается на несколько систем «стратификаций», в основе каждой из которых лежит свое самостоятельное начало.

Основателем теорий «многоизмеримой стратификации» является немецкий буржуазный социолог Макс Вебер (1864—1920). Согласно Веберу, социальные различия между людьми лежат в трех сферах общественной жизни: «экономической», социальной и политической, или идеологической. Систему экономических различий, или «экономический порядок», М. Вебер свел к различиям в распределении, в доходах. Он заявил, что эти различия ведут к делению общества на классы, которые он часто прямо называет классами по доходу.

Социальные различия, или «социальный порядок», М. Вебер свел к различиям между людьми в образе жизни, заключающимся в том, что люди выбирают себе определенных знакомых, придерживаются определенных

привычек, что им свойствен определенный престиж и репутация. Данные различия, по словам Вебера, ведут к разделению общества на вторую систему расслоения — систему «групп статуса» или просто «статусов». В отличие от классов, писал Вебер, «группа статуса» образуется в соответствии с принципом потребления товаров, выражающемся в специфическом «образе жизни»¹.

Различия в политической и идеологической жизни, или «юридический порядок», М. Вебер свел к различиям между людьми во власти и могуществе. Данные различия, по его словам, ведут к расслоению общества на «группы власти» или партии. Партии есть такие группы людей, «действия которых направлены к приобретению социальной «власти», т. е. к влиянию на общественные действия независимо от того, каково может быть содержание этих действий»².

Таким образом, существо веберовской теории социального расслоения в том, что, взяв три стороны различий между людьми — экономическую, социальную и политическую, — Вебер, вместо того чтобы вскрыть единый источник происхождения всех этих различий, а затем показать специфику их взаимосвязи, искусственно отделил их друг от друга и превратил в самостоятельные системы социального расслоения, якобы ведущие к делению общества на «классы», «статусы», «партии».

Буржуазный социолог Дж. Каль, оценивая с этой точки зрения систему М. Вебера, пишет: «Вебер взял данное Марксом понятие класса и разбил его на три составные части». Каль расценивает это в качестве «достижения» буржуазной науки, ибо у Маркса будто бы все различия между людьми автоматически вытекают из экономических различий и не испытывают каких-либо иных воздействий. «Маркс утверждал, что партии всегда были лишь простым отражением экономических классов, в то время как для Вебера они могли также представлять статусы или другие группировки в обществе... Порядок статусов и система партий, или порядок власти, не были простыми придатками к экономическому порядку...»³ В результате, отмечает Каль, Вебер сделал якобы зако-

¹ Цит. по кн: *H. H. Gerth and C. W. Mills (eds.), From Max Weber. Essays in Sociology*, N. Y., 1946, p. 183—193.

² *Ibid.*, p. 194.

³ *J. A. Kahl, The American Class Structure*, N. Y., 1957, p. 7.

номерный вывод о том, что системы «статусов» и «партий», т. е. социальные и политические различия между людьми, «имели свое собственное существование...»¹

Из этих рассуждений Дж. Каля, высказанных в поддержку Вебера, вновь и вновь отчетливо видно то, чего не хватает современной буржуазной науке — *диалектики*.

Буржуазные социологи никак не хотят уразуметь того, что сумма производных классовых различий, имея один источник происхождения, в своем развитии может также испытывать воздействие со стороны целого ряда других факторов, зависеть от многих обстоятельств, в силу чего входящие в эту сумму производные различия вовсе механически и автоматически не отражают обусловивших их причин, а приобретают относительную самостоятельность развития.

Из игнорирования такого диалектического единства, с одной стороны, обусловленности всех классовых различий в конечном счете только одной природой, а с другой стороны, относительной самостоятельности развития производных классовых различий следуют крайне метафизические, закостенелые, антинаучные выводы буржуазных социологов.

Либо буржуазные социологи, как принято в системах «одноизмеримой стратификации», объясняют природу социального расслоения только одним каким-либо антинаучным началом и уже не допускают наличия каких-либо других различий между людьми.

Либо они, как это делается в системах «многоизмеримой стратификации», возводят в абсолют «самостоятельность» разных сторон различий между людьми, искусственно отделяют эти различия друг от друга и произвольно создают несколько независимых друг от друга систем «социальной стратификации», каждая из которых имеет якобы свою собственную природу, свое собственное измерение.

Например, буржуазные социологи С. Липсет и Г. Зеттерберг, отмечая тот имеющий место в действительности факт, что принадлежащие к одному и тому же «классу занятости» рабочие могут обладать различным политическим влиянием, делают отсюда антинаучное заключение о том, будто в обществе имеется система «классов

¹ J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 7.

занятости» и система «классов власти», которые не совпадают друг с другом и не имеют ничего общего¹.

Социологи Липсет и Зеттерберг не хотят понять, что политическое влияние, в конечном счете, определяется местом групп людей в системе материальных отношений, хотя на него оказывают воздействие и некоторые другие факторы и обстоятельства. Тем более это касается различий в политическом влиянии не между членами разных общественных классов, а между членами различных профессиональных групп («классов занятости»), которые рассматривают Липсет и Зеттерберг.

В случаях как «одноизмеримой», так и «многоизмеримой стратификации» буржуазные социологи абстрагируют либо один какой-нибудь критерий социального расслоения, либо целый ряд якобы одинаковых и равных между собой критериев.

«Многоизмеримая стратификация» представляется многими буржуазными социологами в виде панацеи от всех бед, постигших за последние годы различные буржуазные теории «социальной стратификации» общества. «Только классовая теория,— заявил социолог Курт Майер,— которая признает эти три вертикальных измерения, как аналитически отличные друг от друга, и которая стремится найти их взаимное родство, только она может обеспечить реалистическое понимание классовой структуры сложных индустриальных обществ»².

Теория «многоизмеримости» социальной структуры общества стала настолько распространенной в современной буржуазной науке, что в докладе на III социологическом конгрессе английский профессор Т. Маршалл заявил: «Ныне является почти несомненным, что в любом передовом обществе, в котором хорошо развиты экономическая, политическая, социальная и культурная деятельность, действует несколько измерений стратификации». Подобная «многоизмеримая стратификация» означает, что «в одном обществе сосуществует две или более систем стратификаций, основанных на различных принципах или интересах»³.

¹ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, London, 1956, p. 155—161.

² «Harvard Educational Review», 1953, Summer, p. 165.

³ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, p. 4.

В современной буржуазной социологии существует целый ряд теорий «многоизмеримой стратификации», различающихся, во-первых, по числу и характеру признаков, или «измерений», на основе которых расслаивается общество, а отсюда, во-вторых, по числу и характеру «систем стратификаций», на которые расслаивается общество.

Господствующее положение среди них занимают теории, полностью повторяющие или несколько варьирующие веберовскую систему «многоизмеримой стратификации». Подобно М. Веберу, эти буржуазные теории выделяют в каждом обществе на основе трех различных признаков, или «измерений», — «экономических», политических и социальных — три соответствующие сепаратные системы «социальной стратификации».

Систему «классов» они выделяют, как и Вебер, на основе критериев дохода, рода занятий или «индексов» и «комплексов» критериев. Главными признаками «социального измерения» они объявляют критерии престижа, репутации, уважения, почитания, привилегий, обязанностей и т. п. Группы людей с одинаковым престижем образуют, по мнению одних буржуазных социологов, так называемые «группы престижа», по мнению других — «группы статуса», «группы социального статуса» или просто «статус».

Систему «политического измерения» большинство современных буржуазных последователей Вебера определяет на основе трех признаков: управления, власти и контроля. Термин «управление» (*authority*) означает власть формальную, по должности, по закону. В отличие от этого, термин «власть» или «могущество» (*power*) означает власть фактическую, в смысле обладания реальным могуществом для господства в политической жизни, без обязательного занятия какого-либо официального поста или должности. Проводя различие между этими двумя понятиями, социолог Т. Парсонс писал: «Управление есть учрежденное право устанавливать ценности, определять политику, выносить судебные решения и действовать в качестве общественных лидеров; власть есть более или менее внешне оформленное или учрежденное право командовать по социальной, экономической и политической линиям всеми службами и людьми...»¹ Наконец, термин «контроль» означает фор-

¹ «American Journal of Sociology» № 6, 1940, p. 848—849.

мальное или фактическое право контроля в различных областях политической жизни.

Буржуазные социологи заявляют, что в зависимости от различий в могуществе, власти, управлении или контроле члены общества образуют «группы контроля», «группы могущества», «группы власти» или просто «власть». «Власть», провозглашает С. Р. Миллс, относится к признакам влияния индивидов: «Кто кому подчиняется»¹. Целый ряд буржуазных социологов называет такие группы людей, подобно Веберу, термином «партия».

Кроме данной веберовской трехсистемной «многоизмеримой стратификации», осуществляемой по «экономическим», социальным и политическим признакам, существуют и другие буржуазные теории многоизмеримого расслоения, носящие, правда, менее распространенный характер.

Ряд буржуазных социологов использует «систему ценностей», приводящую к образованию «структуры социальных оценок». Под ценностью подразумевается важность или неважность тех или иных групп людей, их вес в обществе, якобы определяемый на основе неких «общественных оценок» и «накопленных норм». «Социальная система ценностей неравно разделяет людей на более высокие и более низкие элементы, из которых слои, находящиеся вверху, признаются в качестве высших (как если бы они были более ценными или более важными), а слои, находящиеся внизу, признаются как низшие (как если бы они были менее важными или менее ценными в определенных общественно значимых отношениях)»².

Многие современные буржуазные социологи выделяют в качестве самостоятельной системы социального расчленения так называемую систему «элит». «Элита» буквально означает «избранные», «отобранная часть». Согласно взглядам буржуазных социологов, она представляет «особый тип слоя». Этот слой, по уверению буржуазного социолога Карла Мангейма, состоит из относительно небольшой группы людей, обладающей монополией власти на принятие решений как в отношении со-

¹ «American Sociological Review», vol. VII, 1942, April, p. 262.

² J. O. Hertzler, *Society in Action*, N. Y., 1954, p. 217.

держания, так и в отношении распределения различных типов ценностей¹. Он выделяет в обществе политический, интеллектуальный, артистический, моральный и религиозный типы «элиты».

Буржуазные социологи выдают систему «элит» за некую «систему высших слоев», не связанную с системами «классов», «статусов» и т. п., а действующую самостоятельно от последних.

Целый ряд буржуазных социологов, выделяя в обществе несколько систем «социальной стратификации», заявляет, что эти системы ведут не к образованию различных типов слоев, как у М. Вебера («класса», «статуса» и «партии»), а к образованию просто-напросто различных систем «классов» в обществе.

Например, социолог В. Гольдшмидт разделил общество на «классы по занятости» и «социальные классы», первые из которых он определял на основе критерия занятости, а вторые — на основе образа жизни и некоторых других признаков².

Социологи Г. Пфаутц и О. Дункан предложили деление общества на «классы по власти» и «классы по статусу»³. Социологи Р. Макайвер, Ч. Пейдж и Р. Хеберле разделили общество на систему «экономических» и «социальных» классов.

Социолог М. Гордон выделил в обществе четыре типа «классов»: «социальные», «политические», «экономические» и «по роду занятий»⁴. А упомянутый уже В. Гольдшмидт в работе, написанной через три года после первой, выделяет уже не две системы классов, а целых пять типов классов⁵. На третьем социологическом конгрессе американские профессора из Колумбийского университета С. М. Липсет и Г. Л. Зеттерберг предложили свою особую систему «стратификации» человеческого общества. Они заявили, что в обществе надо различать «классы занятости», выделяемые на основе критерия рода занятий, «потребительские классы», образуемые по

¹ *Karl Mannheim, Men and Society in an Age of Reconstruction*, London, 1940.

² *W. R. Goldschmidt, As You Sow*, N. Y., 1947.

³ «*American Sociological Review*», vol. XV, 1950, p. 205—215.

⁴ *M. M. Gordon, A System of Social Class Analysis*, Madison, 1951.

⁵ «*American Anthropologist*», vol. LII, 1950, p. 483—498.

признаку одинакового образа жизни, «социальные классы», в которые входят люди, «близко ассоциированные друг с другом», и «классы власти», определяемые по признаку политического влияния и значения¹.

Корень антинаучности всех буржуазных теорий «многоизмеримой стратификации» заключается в отрицании буржуазными социологами определяющей роли материальных отношений среди всех других сторон общественной жизни, а отсюда в отрицании зависимости одних сторон общественной жизни от других. Марксизм-ленинизм, прежде чем делать вывод о месте и значении в обществе различий между людьми по политической власти, престижу и т. п., сначала вскрывает их природу, показывая, что все данные различия в конце концов зависят от различий между людьми по их месту в материальных отношениях, а уже после этого выясняет специфику взаимодействия данных различий с обусловившей их основой.

Что касается социальной, классовой подоплеки буржуазных теорий «многоизмеримой стратификации», то они направлены на то, чтобы затушевать коренные классовые противоречия капиталистического общества, отодвинуть их на задний план по сравнению с различиями по престижу, ценностям, власти, статусу и т. д. и тем самым завуалировать непримиримость интересов пролетариата и буржуазии.

Теории «многоизмеримой стратификации» рассчитаны на то, чтобы сбить трудящихся с толку и совлечь их с пути классовой борьбы. Если внушать рабочим, что они одновременно находятся в трех или четырех системах «классов» или «социальной стратификации», то это означает лишать их перспективы и целей в борьбе, поскольку становится неясным, за ликвидацию каких классов надо бороться и где классовое неравенство является наихудшим злом — в статусе или престиже, доходах или власти.

Делая некоторый шаг вперед по сравнению с односторонними теориями «социальной стратификации», многосторонние трактовки социального расслоения остаются

¹ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, p. 155—161.

столь же антинаучными в главном, как и теории «одноизмеримой стратификации». Они извращают природу деления общества на классы, прикрывая свою научную пустоту эклектическим набором различных «критериев», «многосторонних характеристик» и нескольких «измерений» «социальной стратификации».

Рассмотрение взглядов современной буржуазной науки на природу социального расслоения общества («социальной стратификации»), а также реформистских и ревизионистских концепций о природе классов показывает, что современная буржуазная социология, реформизм и ревизионизм не могут дать какое-нибудь научное объяснение причинам разделения общества на классы.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин подчеркивал, что, пока буржуазные социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления, пока они не умели найти объективного критерия для такого разграничения, до тех пор «они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»¹.

В результате в современной буржуазной науке, а также в реформистской и ревизионистской литературе нет четкого, определенного понятия общественного класса. По замечанию социолога Дж. Гертцлера, «классы как таковые в конце концов являются неотчетливыми и аморфными категориями».

С точки зрения социальной, классовой антинаучность и идеализм буржуазных концепций о природе «социальной стратификации» являются результатом попыток современных буржуазных социологов всеми способами защитить и оправдать капиталистическую систему, уничтожить самое понятие объективного общественного класса и подвести тем самым базу под отрицание необходимости раскола капиталистического общества на противоположные классы и объективной обусловленности классовой борьбы трудящихся.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. [122.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И БУРЖУАЗНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

1. Классы и социальные слои при капитализме

Марксистско-ленинская наука, исходя из материальных основ социального расслоения общества и прежде всего отношения людей к средствам производства, дает единственно верную и объективную картину классовой структуры капиталистического общества.

Марксизм-ленинизм вскрыл в капиталистическом обществе «развитую до степени противоречия» противоположность в отношении к средствам производства, ведущую к делению капиталистического общества на *два основных антагонистических класса — буржуазию и пролетариат*.

Рассмотрим один из основных общественных классов капиталистического общества — *класс капиталистов, или буржуазию*.

«Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд»¹ — так определяют этот класс основоположники марксизма. Употребление наемного труда (за счет эксплуатации которого и живут владельцы средств производства) составляет «главный признак капитализма»².

По своему составу буржуазия разделяется на капиталистов города (городскую буржуазию) и капиталистов в сельском хозяйстве.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 424.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 328.

Городская буржуазия состоит из мелких капиталистов, средних (средняя буржуазия) и крупных (крупная буржуазия). Мелкие капиталисты — владельцы небольших промышленных или торговых предприятий, живущие главным образом за счет эксплуатации труда наемных работников (примерно от 4 до 50 человек). Средняя буржуазия охватывает владельцев более крупных предприятий с более широкой эксплуатацией наемного труда (приблизительно от 50 до 500 рабочих), а крупная буржуазия объединяет самых крупных капиталистов, эксплуатирующих труд тысяч наемных рабочих. Наконец, верхушку буржуазии составляет немногочисленный слой монополистической буржуазии — владельцев ключевых позиций в экономике капиталистических стран.

Понятно, что приводимые для характеристики мелких, средних и крупных капиталистов цифры используемых наемных работников носят приблизительный характер, ибо в разных по экономическому развитию и мощи капиталистических странах различные слои буржуазии не одинаковы.

По сферам приложения капитала городская буржуазия делится на финансовую, промышленную и торговую буржуазию, а также капиталистов в сфере общественного обслуживания и услуг (кино, радио, телевидение, пресса, системы отелей, ресторанов и т. п.).

Разнородную картину представляет капитализм в сельском хозяйстве. По своим экономическим позициям капиталистические предприниматели в сельском хозяйстве не одинаковы.

В капиталистических странах с сельским хозяйством деревенского типа (например, отдельные страны Европы, Россия до революции и т. п.) капитализм представлен двумя слоями: сельской буржуазией и чисто капиталистическими предпринимателями. Сельская буржуазия (или деревенская буржуазия, зажиточное, крупное крестьянство) образуется из самого крестьянства в процессе развития капитализма. Кулаки и хозяйственные мужики «составляют кадры нарождающейся сельской буржуазии»¹. Это мелкие и частично средние капиталистические предприниматели в сельском хозяйстве, обла-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 396.

дающие таким количеством земли, орудий производства и наемной рабочей силы, которое еще не позволяет им самим физически не участвовать в работах по хозяйству. Главная черта представителей сельской буржуазии — их личная физическая работа в своем хозяйстве. «Крупным крестьянством... являются капиталистические предприниматели в земледелии, хозяйничающие по общему правилу с несколькими наемными рабочими, связанные с «крестьянством» лишь невысоким культурным уровнем, обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве»¹.

В отличие от них, чисто капиталистические предприниматели в сельском хозяйстве не участвуют сами в постоянном физическом труде в своем хозяйстве. Это частично средние и крупные сельскохозяйственные предприниматели, обладающие гораздо большим, чем сельская буржуазия, количеством земли, орудий производства и наемной рабочей силы. Например, в сельском хозяйстве Германии (по переписи 1907 г.) Ленин отнес к высшей группе, во-первых, крестьян-буржуа с 10—20 гектарами земли и, во-вторых, чисто капиталистические хозяйства с 20 и более гектарами². В сельском хозяйстве дореволюционной России он также выделил крестьянскую буржуазию и капиталистическое землевладение. Чисто капиталистические предприниматели в сельском хозяйстве образуются из разбогатевших представителей сельской буржуазии, бывших помещиков, феодалов, финансовых магнатов.

Одна из низших и худших форм капитализма в земледелии деревенского типа — кулачество. Оно возникает среди сельской буржуазии там, где имеются остатки средневековья и феодализма. «Немногочисленные зажиточные крестьяне, находясь среди массы «маломощных» крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего вида, закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр.»³

Понятия кулачества и сельской буржуазии не равнозначны. Являясь худшей формой сельской буржуазии,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 134.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 330.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 54.

кулачество не охватывает ее целиком, хотя часто и составляет подавляющее большинство сельской буржуазии. Даже в России, давшей пример сильнейшего развития кулачества, оно не охватило целиком всей сельской буржуазии. Поэтому Ленин не подменяет одно другим, говорит о них раздельно, как о кулаках и деревенской буржуазии.

Главное отличие кулачества от сельской буржуазии в том, что сила первого основана «на грабеже других производителей» — мелких и средних крестьян в своих же деревнях и селах, а сила сельской буржуазии — «на самостоятельной организации производства», на эксплуатации уже не самостоятельных производителей, а сельскохозяйственного пролетариата, батраков¹. Постоянный грабёж местного населения превращает кулаков в наиболее ненавистных хищников.

В отдельных капиталистических странах возникает сельское хозяйство фермерского типа, которое выше деревенского, оставшегося от феодализма. В одних государствах (США) фермерство возникло на свободной от феодализма почве, в других (Швеция) оно приходит на смену деревенскому типу хозяйствования в результате высокого развития капитализма. Ленин отмечал, что класс фермеров вырабатывается из сельской буржуазии. Одной из характерных его черт является аренда земли для производства сельскохозяйственной товарной продукции на рынок.

Фермерами-капиталистами в сельском хозяйстве являются только крупные фермеры. Мелкие и средние фермеры занимают промежуточное положение между крупными фермерами — капиталистами и сельскохозяйственными рабочими. В зависимости от количества земли, орудий производства, наемной рабочей силы и стоимости товарной продукции крупных фермеров можно разделить на наименее крупных и наиболее крупных. Ключевые позиции в сельском хозяйстве занимают сельскохозяйственные корпорации и монополии.

Таков состав одного из основных классов капиталистического общества — буржуазии. Он выглядит следующим образом:

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 97.

1. Городская буржуазия (капиталисты города)

1. Мелкие капиталисты
2. Средние капиталисты (средняя буржуазия)
3. Крупные капиталисты (крупная буржуазия)
4. Монополистическая буржуазия

II. Капитализм в сельском хозяйстве

Деревенский тип

1. Сельская буржуазия
Кулачество
2. Чисто капиталистические
предприниматели
3. Монополии в сельском
хозяйстве

Фермерский тип

1. Крупные фермеры
2. Самые крупные фермеры
3. Сельскохозяйственные
корпорации и монополии

К буржуазии примыкает *класс крупных землевладельцев*. Он не является продуктом капиталистического общества, так как перешел в капитализм из феодального общества. Это помещики и владельцы огромных участков земли, которая не используется ими самими для капиталистического производства товаров на рынок, а большей частью сдается в аренду. Основной источник жизни таких землевладельцев — земельная рента, которую они получают от сельскохозяйственных капиталистов, ведущих производство на их землях.

Класс буржуазии и класс крупных земельных собственников образуют один полюс современного капиталистического общества. Этот полюс, говорит Маркс, представлен «капиталистами и землевладельцами».

Другим основным классом капиталистического общества является *пролетариат, или рабочий класс*.

Говоря о пролетариате, мало сказать, что это наемные рабочие или наемные работники, лишенные средств производства и продающие свою рабочую силу. Наемными работниками являются также в капиталистическом обществе торговые, конторские служащие, инженеры, техники, государственные служащие. Все эти категории лиц, а также лица свободных профессий (врачи, учителя, артисты и т. п.), подобно рабочим, лишены соб-

ственных средств производства, и многие из них продают свою рабочую силу. Однако они не входят вместе с рабочими в один общественный класс.

Дело в том, что марксистский критерий отношения к средствам производства вовсе не сводится и не исчерпывается односложным ответом «владеет» или «не владеет» та или иная группа людей средствами производства. Само «владение» и «невладение» средствами производства различно у разных групп людей, например «владение» у капиталистов и мелкой буржуазии, «невладение» у рабочих и государственных служащих, у технической интеллигенции и лиц свободных профессий, у торговых наемных работников и канцелярских служащих. Отношение к средствам производства толкуется марксизмом не абстрактно и отвлеченно, а конкретно.

Говоря о коренной противоположности труда и капитала в капиталистическом обществе, Маркс подчеркнул, что капиталу противостоит труд — такой труд, который, с одной стороны, исключает собственность на средства производства, на капитал, а с другой стороны, сам непосредственно создает этот капитал, прибавочную стоимость, этот «объективированный труд».

«Под «пролетариатом» в экономическом смысле следует разуметь исключительно наемного рабочего, который производит «капитал», увеличивает его стоимость и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей самовозрастания «господина капитала»...»¹

Следовательно, пролетариат есть класс современных наемных рабочих, лишенных своих собственных средств производства, продающих капиталистам свою рабочую силу и непосредственно производящих для них прибавочную стоимость, капитал.

Между тем инженерно-технические работники, торговые, конторские и государственные служащие и лица свободных профессий не являются непосредственными производителями прибавочной стоимости. У них свое отношение к средствам производства, отличное от отношения к ним рабочих. Поэтому их нельзя смешивать с рабочими и объединять в один класс.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 620.

Рабочий класс при капитализме делится на собственно рабочий класс, или городской, промышленный пролетариат, и сельскохозяйственный пролетариат.

Собственно рабочий класс (промышленный пролетариат) объединяет рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и строительства, рабочих связи и предприятий коммунального обслуживания. Их ядро составляют фабрично-заводские рабочие.

Сельскохозяйственный пролетариат объединяет наемных рабочих в земледелии и животноводстве. Это класс сельскохозяйственных рабочих, «земледельческий пролетариат», как называет его Ф. Энгельс.

В целом состав рабочего класса при капитализме выглядит следующим образом:

I. Промышленный пролетариат

1. Рабочие добывающей промышленности
2. Рабочие обрабатывающей промышленности (фабричные или фабрично-заводские рабочие)
3. Рабочие транспорта (транспортные рабочие)
4. Рабочие строительства (строительные рабочие)
5. Рабочие предприятий связи
6. Рабочие предприятий коммунального обслуживания (водопровода, канализации, электроснабжения и т. п.)

II. Сельскохозяйственный пролетариат

1. Наемные рабочие в земледелии
2. Наемные рабочие в животноводстве

Таким образом, один полюс капиталистического общества составляют буржуазия и крупные земельные собственники, а другой — промышленный и сельскохозяйственный пролетариат. Буржуазия и пролетариат являются основными классами капиталистического общества. Противоречие между ними составляет главное противоречие капиталистического общества.

Однако социальная структура капитализма не выступает в чистом виде, в виде только двух полюсов. «В Англии, — писал Маркс, — современное общество в своей экономической структуре достигло бесспорно наиболее широкого, наиболее классического развития. Однако и

здесь это классовое расчленение не выступает еще в чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют пограничные линии (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах)»¹. Ленин указывал на присущую капитализму «сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому»².

Общественные группы, находящиеся в промежутке между двумя полюсами социальной структуры капиталистического общества, образуют в совокупности *средние социальные слои общества*.

С марксистской точки зрения понятие средних или промежуточных слоев антагонистического общества имеет собирательное, обобщающее значение. Средние слои не представляют экономически, социально и политически однородного целого, как общественные классы. Их представители занимают различное место в системе материальных отношений, а следовательно, характеризуются различным отношением к средствам производства, различным местом в отношениях друг к другу в процессе производства и в сфере распределения.

Каждый из входящих в средние слои классов и прослоек занимает в социальной структуре антагонистического общества специфическое промежуточное положение между двумя его полюсами. В силу этого марксистская наука, признавая правомерность собирательного понятия средних, или промежуточных, слоев при анализе социальной структуры антагонистического общества, на первый план выдвигает конкретный анализ экономического положения и вытекающей отсюда политической роли каждого входящего в средние слои класса и прослойки.

Естественно, что с изменением двух полюсов антагонистического общества меняется и состав средних слоев, находящихся в промежутке между ними. В рабовладельческом обществе, где основными, противоположными классами были рабы и рабовладельцы, промежуточное положение между ними занимали мелкие собственники, живущие своим трудом (ремесленники и крестьяне), люмпен-пролетариат, образовавшийся из разорившихся

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 899.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 42—43.

ремесленников и крестьян, слои интеллигенции и служащих, состоявшие из свободных граждан. При феодализме промежуточное положение между классами феодалов и крестьян занимали нарождающиеся слои промышленной, финансовой и торговой буржуазии (цеховые мастера, купцы, ростовщики и т. д.), мелкие ремесленники, подмастерья и городская беднота — ядро будущего пролетариата, группы служащих и интеллигенции, не относящиеся по своему социальному положению к основным классам феодального общества.

В капиталистическом обществе, как в городе, так и в деревне, часть средних слоев составляет *мелкая буржуазия*.

В целом это совокупность таких владельцев средств производства, которые сами непосредственно соединены с ними, работают на них и источником дохода которых является целиком или главным образом самостоятельный труд. Промежуточное положение мелкой буржуазии города и деревни между классом капиталистов и рабочим классом определяется тем конкретным обстоятельством, что они не являются ни тем, ни другим классом, соединяя в себе черты класса капиталистов и рабочего класса. «Независимый крестьянин или ремесленник подвергается раздваиванию. В качестве владельца средств производства он является капиталистом, в качестве рабочего — своим собственным наемным рабочим»¹.

К *мелкой городской буржуазии* относятся прежде всего товаропроизводители в промышленной области — ремесленники и кустари, владельцы мелких мастерских и мелкие предприниматели, работающие самостоятельно или с привлечением приблизительно от 1 до 4—5 рабочих. Так, во Франции к таким товаропроизводителям исследователи-марксисты относят всех ремесленников и владельцев мастерских, использующих труд не более 5 наемных рабочих². Все эти лица живут больше на стоимость, которую сами создают, чем на прибавочную стоимость, извлекаемую из труда нанятых работников.

Далее, это владельцы небольших предприятий в сфере обслуживания и услуг (парикмахерских, закусочных и т. п.), а также мелкие торговцы и лавочники, ра-

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 393.

² См. «Economie et Politique» № 26, 1956, р. 60.

ботающие в своих заведениях только с членами семей или одновременно с использованием примерно 1—3 наемных работников. Известно, что торговцы не являются производителями и их доход есть лишь часть прибавочной стоимости, созданной в сфере производства, которую они присваивают себе в форме торговой прибыли. Отличие мелкого торговца от среднего и крупного заключается в том, что он не живет за счет эксплуатации чужого труда как торговец-капиталист. Торговец-капиталист присваивает себе часть всей общественной прибавочной стоимости благодаря труду своих служащих, а мелкий торговец получает ее прежде всего благодаря своему собственному труду.

Наконец, к мелкой городской буржуазии надо отнести и мелких рантье. Не следует забывать, что мелкие рантье — это главным образом бывшие ремесленники и мелкие торговцы, которые, накопив путем собственного труда небольшой капитал и сбережения, доверяют их государству или частным предпринимателям и живут за счет процентов с них. Мелкие рантье постоянно разоряются под влиянием кризисов и инфляций, и ныне их число в капиталистических странах очень и очень незначительно. Даже во Франции, этой классической стране рантье, их численность очень мала.

Мелкая буржуазия в сельском хозяйстве включает мелких и средних крестьян в капиталистических странах с деревенским типом сельского хозяйства, мелких и средних фермеров в странах фермерского типа хозяйствования. Это владельцы небольших и средних участков земли и немногих сельскохозяйственных орудий производства, живущие целиком (мелкие крестьяне и фермеры) или главным образом (средние крестьяне и фермеры) за счет самостоятельного труда.

В целом состав мелкой буржуазии города и деревни выглядит следующим образом:

1. Мелкая городская буржуазия

1. Ремесленники, кустари, владельцы мастерских и мелких предприятий
2. Мелкие торговцы, лавочники, владельцы предприятий в сфере услуг
3. Мелкие рантье

II. Мелкая буржуазия в сельском хозяйстве

Деревенский тип	Фермерский тип
1. Самые мелкие крестьяне (полупролетарии)	1. Мелкие фермеры
2. Мелкие крестьяне	2. Средние »
3. Средние »	

К средним слоям относятся представители *интеллигенции и служащих*. Оба эти понятия не могут считаться четкими классовыми категориями по той простой причине, что они характеризуют людей не с позиции прежде всего их отношения к средствам производства, а с различных точек зрения. Понятие «интеллигенция» характеризует людей с точки зрения характера их труда. Это работники умственного труда, такие образованные представители населения, «капиталом» которых является их разум, умственные способности. Понятие «служащие» относится к людям, взявшим на себя обязательство нести службу государству или частному предпринимательству за определенное жалованье.

В результате один и тот же человек может быть и интеллигентом и служащим, например врач и учитель, находящиеся на государственной службе. Поэтому многие служащие входят в интеллигенцию по характеру своего труда, а многие интеллигенты входят в состав служащих по своему отношению к государству или частному предпринимательству. Интеллигентами и высшими служащими могут быть и владельцы средств производства, капиталисты, когда они становятся писателями, журналистами или занимают определенные должности в государственном аппарате. От этого, однако, они вовсе не перестают быть именно капиталистами по своей классовой природе.

Интеллигенция и служащие включают группы людей с различным конкретным отношением к средствам производства, а следовательно, с различным промежуточным положением в социальной структуре капитализма.

Слой *технической интеллигенции* представляет совокупность работников умственного труда — технических специалистов, лишенных собственности на средства производства, которые косвенно соединены с принадлежа-

щими капиталистам средствами производства, но непосредственно не работают на них, как рабочие.

Техническая интеллигенция включает прежде всего тех директоров, управляющих, инженеров, техников и других технических специалистов, которые выполняют функции управления и руководства непосредственно на предприятиях. Сюда относятся, далее, работники управленческого и административного аппарата промышленных, финансовых и сельскохозяйственных компаний, занимающиеся общими вопросами руководства, управления и планирования в хозяйственной области. Сюда же относятся экономисты, плановики и подобные работники с техничеки-экономическим образованием.

В целом это примерно та категория людей, которая называется в буржуазной литературе технократией, а в некоторых современных буржуазных и ревизионистских писаниях — экономической бюрократией. Промежуточное положение технической интеллигенции в социальной структуре капитализма определяется тем обстоятельством, что представители ее не являются собственниками средств производства, как капиталисты, и непосредственными производителями, как рабочие.

Слой *конторских служащих* в промышленности, банках и других учреждениях, связанных с экономикой, представлен бухгалтерами, кассирами и тому подобными работниками, осуществляющими функции учета, калькуляции. Их промежуточное положение между капиталистами и рабочими обусловлено тем, что они не владеют средствами производства, как первые, и не производят прибавочной стоимости, капитала, как вторые. «Производство и ведение книг относительно производства остаются такими же различными вещами, как нагрузка кораблей и составление квитанции на груз»¹. Поэтому та часть капитала, которая идет на бухгалтеров, конторщиков и т. п., отвлекается от процесса производства и относится к издержкам обращения, к вычетам из общей выручки.

Слой *торговых служащих* объединяет наемных работников в торговле, приносящих прибыль торговым капиталистам. Они занимают среднее положение между рабочими и капиталистами по той причине, что прямо

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, 1955, стр. 131.

не соединены со средствами производства, не производят прибавочной стоимости, как первые, и не являются владельцами капитала, как вторые.

Лица свободных профессий — ученые, врачи, юристы, учителя, артисты, писатели, художники, музыканты и т. д. — являются работниками умственного труда, занятыми вне сферы материального производства и производящими определенные духовные ценности. Они ведут частную практику или находятся на государственной и частной службе. Их промежуточное положение в классовой структуре капитализма вытекает из того обстоятельства, что они не являются ни капиталистами, владельцами средств производства, ни рабочими, непосредственными производителями в материальной области.

Примерно такими же чертами характеризуются многие политические деятели и работники идеологического аппарата (газет, журналов, радио, телевидения и т. п.).

Значительный по размерам слой составляют *государственные служащие и должностные лица*, т. е. чиновники государственного гражданского аппарата, служащие полиции, армии, а также руководящее звено государственного аппарата, начиная с министров и кончая начальниками управлений и отделов, которые по классовому положению не являются капиталистами.

Функцией большинства членов этого слоя является не умственный труд как таковой, создающий какие-то ценности, а исполнение определенной деятельности, несение определенных обязанностей (полицейского, сборщика налогов и т. п.). Служащие государственного аппарата и армии в условиях капитализма относятся к тем работникам, «которые сами ничего не производят — ни в области духовного, ни в области материального производства»¹. В силу того, что эти люди не являются ни владельцами средств производства, ни вообще производственными работниками, они занимают среднее, промежуточное положение в социальной структуре капиталистического общества.

Наконец, в указанную категорию средних слоев входят *служители культа, духовенство*.

Таковы те конкретные категории лиц, объединяемые понятиями интеллигенции и служащих, которые по сво-

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 265.

ему специфическому положению в системе материальных отношений не относятся ни к буржуазии, ни к рабочему классу, а занимают между ними промежуточное положение, входя в состав средних слоев капиталистического общества.

К средним слоям при капитализме относится *слой слуг и обслуживающего персонала*. Это лица, занятые выполнением личных услуг (домашняя прислуга), а также обслуживающий персонал в ресторанах, гостиницах (официанты, швейцары). Общей особенностью этих наемных работников является то, что они целиком (домашняя прислуга) или частично (официанты) живут за счет средств, получаемых за услуги непосредственно от членов класса буржуазии, интеллигенции, служащих.

Наконец, к средним слоям примыкают *деклассированные элементы*, люмпен-пролетариат, включающий воров, проституток, нищих, жуликов и т. п. Люмпен-пролетариат представляет «собой отбросы из опустившихся элементов всех классов и сосредоточивающийся в больших городах»¹. Промежуточное положение всех этих категорий лиц в социальной структуре капитализма не требует особых доказательств. Они не владеют никакими средствами производства и не участвуют в материальном производстве.

Такова совокупность средних, или промежуточных, слоев при капитализме, которые представляют не единое целое, а, как правильно отмечает французский марксист Р. Делиль, «сложную сеть социальных слоев, различных по природе и происхождению, где каждый слой образует сплоченную и относительно однородную группу»². Поэтому ни с экономической, ни с социально-политической точки зрения невозможно определить промежуточное положение средних слоев как единого целого. «Для них нет никакого общего экономического основания. Каждый из этих «классов» является «средним» в своем собственном смысле, который подходит только для него одного»³.

В силу этого, замечает Делиль, понятие средних слоев должно употребляться с большой осторожностью,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 598.

² «Economie et Politique» № 26, 1956, р. 58.

³ «Economie et Politique» № 28, 1956, р. 66.

так как оно весьма двусмысленно. «Благодаря своей ограниченности понятие средних слоев никогда не позволяет в целом оценить положение, роль и перспективы этой «промежуточной» части общества: покоясь на разных основах, находясь в различных социальных отношениях, средние социальные слои приводятся в движение различными экономическими интересами, которые нужно детально изучить, чтобы понять их роль в общественной борьбе». Однако, несмотря на свою двусмысленность, понятие средних слоев капиталистического общества «не может быть отброшено, так как под ним скрывается социальный факт, существование которого неоспоримо. Оно указывает на наличие в социальной структуре «промежуточной зоны», оно показывает, что в классовой борьбе принимают участие не только два великих современных антагониста»¹.

Такова подлинно научная картина социальной структуры современного капиталистического общества, являющаяся результатом марксистского понимания основ деления общества на классы и социальные слои. В целом, во всей совокупности, социальная структура капитализма выглядит следующим образом:

I. Класс капиталистов, буржуазия

1. Городская буржуазия (мелкие, средние, крупные капиталисты, монополистическая буржуазия)

2. Капитализм в сельском хозяйстве (сельская буржуазия, кулачество, капиталистические предприниматели, крупные фермеры, сельскохозяйственные корпорации и монополии)

Класс крупных землевладельцев

II. Средние слои общества

1. Мелкая буржуазия

а) мелкая буржуазия города

б) мелкая буржуазия в сельском хозяйстве (мелкие и средние крестьяне и фермеры)

2. Интеллигенция и служащие

а) техническая интеллигенция

¹ «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 59.

- б) лица свободных профессий
- в) торговые служащие
- г) конторские служащие
- д) государственные служащие и должностные лица
- е) служители культа, духовенство
- 3. Слуги и обслуживающий персонал
- 4. Деклассированные элементы

III. Рабочий класс, пролетариат

- 1. Промышленный пролетариат
- 2. Сельскохозяйственный пролетариат

Рассмотрим теперь, как представляют социальную структуру капиталистического общества современные буржуазные социологи.

2. Буржуазные схемы классовой структуры общества

В современных буржуазных теориях «социальной стратификации» существует два основных метода составления схем социальной структуры. Один из них получил название «субъективного подхода», другой — «объективного подхода».

Оба эти «подхода», в сущности, одинаковы. И тот и другой основаны на опросе определенных групп населения. Отличие их состоит в том, что при «субъективном подходе» опрашиваемых прямо спрашивают, на сколько классов они делят капиталистическое общество и к каким классам относят себя или определенные группы людей. К результатам опроса добавляется мнение самого буржуазного социолога.

При «объективном подходе» опрашиваемых просят ответить на вопросы, касающиеся их дохода, рода занятий, образования и т. п., в зависимости от того, какие именно критерии данный буржуазный социолог считает главными при определении природы социального расчленения. После этого на основе определенного подсчета очков население распределяется по классам или слоям общества.

Таким образом, в обоих случаях субъективное мнение опрашиваемых является решающим при распределении населения по тем или иным классам. В этом состоит *идеализм* и *субъективизм* как «субъективного», так и

«объективного подхода» к составлению систем социальной структуры общества.

Другой общей чертой буржуазных схем социальной структуры общества является их *произвольность*.

С необычайной легкостью буржуазные социологи, руководствуясь только своим «мнением», «чутьем» или «интуицией», разделяют население того или иного капиталистического государства или части страны на любое количество «классов» или «слоев», давая этим «классам» и «слоям» любые названия, пришедшие им в голову. Понятна отсюда констатация «Американского журнала социологии», что в буржуазной науке «среди авторов не существует никакого единодушия в отношении числа классов... хотя имеется традиционная тенденция говорить о высшем, среднем и низшем классах по отношению к национальным обществам»¹.

Произвольно решается буржуазными социологами и вопрос о том, какое количество населения капиталистических стран относится к тем или иным «классам» и «слоям» общества. Так как это происходит на основе простого опроса и субъективного мнения социолога, то в одних и тех же «классах» и «слоях» оказываются люди, принадлежащие к самым различным социальным слоям капиталистического общества.

В результате в современной буржуазной науке существует огромное количество различных схем социальной структуры капиталистического общества. «Нет ничего удивительного,— пишет американский буржуазный социолог Дж. Каль,— что различные авторы используют различные системы классового деления»². По признанию социолога Дж. Гертцлера, в составлении социальных структур капитализма «возможно почти неограниченное количество определений. Точно так же трудно определить количество классов, на которое делится типичный общественный коллектив или общество. Фактически существует почти столько же схем классового деления, сколько имеется социальных ученых, которые составляют эти схемы»³.

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 395.

² J. A. Kahl, The American Class Structure, N. Y., 1957, p. 13.

³ J. O. Hertzler, Society in Action, N. Y., 1954, p. 224—225.

Рассмотрим некоторые наиболее типичные и распространенные приемы классового деления общества, употребляемые буржуазными социологами.

К ним относятся в первую очередь выработанные буржуазным социологом США Ллойдом Уорнером две процедуры: «Индекс характеристик статуса» (сокращенно «ISC») и так называемое «Распределение по оценке» («Evaluated Participation», сокращенно «EP»).

Обе эти процедуры наиболее полно изложены в опубликованной Л. Уорнером книге «Социальный класс в Америке: руководство к процедуре измерения социального статуса».

«Индекс характеристик статуса» означает, как уже отмечалось, комплекс из четырех критериев для «объективного» распределения на их основе населения по классам. «Распределение по оценке» представляет предложенный Уорнером метод «субъективного подхода» к составлению схемы социальной структуры общества.

Уорнер исходит из той ложной предпосылки, будто люди сами хорошо знают не только о своей классовой принадлежности, но и о принадлежности к тем или иным классам окружающего населения города, района, всей страны. Поэтому социологу, дескать, нет никакой нужды изучать и анализировать какие-либо объективные факты. Для этого достаточно набрать несколько «информаторов» и с их помощью опросить какое-то количество населения. В результате якобы окажется возможным распределить по классам не только непосредственно опрошенное население, но и все население данного города и даже страны. Здесь происходит то же самое, как если бы врач стал определять болезнь не на основании изучения состояния больного, а только на основе того, что думает о своей болезни сам больной.

Если учесть, что в капиталистических странах, особенно в США, большинство жителей, в том числе и рабочие, имеют смутное представление о подлинной структуре капиталистического общества, то трюк буржуазных социологов явно состоит в том, чтобы сначала забить головы людей неправильными представлениями о социальной структуре капитализма, а после этого заявить, будто население само хорошо знает, к какому классу оно относится и к каким классам нужно относить других людей. Вполне естественно, что, не давая населению

правильного, научного представления об их классовой принадлежности, буржуазные социологи не могут получить от них ничего, кроме путанных ответов о «распределении» населения по классам.

Уорнеровский метод «распределения по оценке», получивший в современной буржуазной литературе не меньшее распространение, чем его «индекс», представляет совокупность советов о том, каким путем исследователь с помощью «информаторов» может распределить население по тем или иным классам общества. Целесообразно рассмотреть эти шесть методов отнесения людей посредством опроса к тем или иным классам общества, разработанных Уорнером.

Первый метод называется распределением по совпадающим точкам зрения. Суть его состоит в том, что интервьюирующий просит нескольких людей распределить известное ему местное население по классам. Затем он сравнивает, одинаково ли они распределили по классам одно и то же население. «Когда имеется полное или очень высокое соответствие между распределением по классам, данным разными информаторами, и когда столь же высоко совпадение точек зрения информаторов о классовых позициях большого количества людей, опрашивающий может быть уверен, что классовая система, которую он изучает, имеет данное число классов, что она является устойчивой и распространяется на все общество...»¹

Второй метод назван распределением по символическому положению. Индивид относится к определенному классу потому, что опрашиваемый дает ему определенную символическую характеристику, соответствующую данному классу. Например, он говорит: «Смит относится к аристократии», что, согласно Уорнеру, означает принадлежность индивида к «высшему» классу. Этот второй метод Уорнер расценивает как продолжение первого.

Третьим методом является распределение по репутации статуса. Индивид (или его семья) относится опрашивающим к данному классу потому, что, как говорят

¹ L. Warner, M. Keeker and K. Eells, Social Class in America: A Manual of Procedure for the Measurement of Social Status, Chicago, 1949, p. 37.

информаторы, он занят такой деятельностью и обладает такими определенными чертами, репутация которых считается высшей или низшей»¹.

Четвертым методом является распределение по сравнению. «Индивид (или его семья) относится опрашиваемым к определенному классу потому, что, как утверждают информаторы, он занимает равную, высшую или низшую классовую позицию по сравнению с теми людьми, позиция которых в социальном классе была определена до этого»².

Пятый метод назван Уорнером распределением путем простого определения в класс. «Индивид (или его семья) включается опрашиваемым в определенный класс потому, что один или несколько квалифицированных информаторов отнесли индивида к этой категории класса; при этом они упомянули только один класс, и нет оснований для включения индивида в другие классы, входящие в социальную систему»³.

Наконец, *шестым уорнеровским методом является распределение по членству в институтах.* «Индивид относится опрашиваемым к определенному статусу потому, что в интервью информаторам индивид сказал, что является членом одного из институтов, которые делятся по рангам на высшие или низшие. Институтами, используемыми для такого распределения, являются семья, клики, ассоциации, та или иная церковь»⁴.

Как видно из рассмотренных шести методов «распределения по оценке», все они представляют не что иное, как тот или иной прием чисто субъективного и насквозь произвольного определения классовой структуры общества. Субъективное мнение «информатора» или опрашиваемого делается высшим критерием классовой принадлежности населения.

К чему приводит на практике следование подобной методологии, показывают многие работы современных буржуазных социологов. Прежде всего выясняется, что очень часто сами «информаторы», к помощи которых прибегает исследователь, не имеют никакого представле-

¹ L. Warner and oth., Social Class in America, p. 37.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 38.

⁴ Ibidem.

ния о том, на сколько классов или слоев делится общество или тот или иной общественный коллектив. Одни из них оперируют четырьмя «классами» или слоями, другие — пятью, третьи — шестью, четвертые — семью и т. д.

Сам Уорнер, классифицируя население в городе Джонесвилле, разделил его на пять классов. «Но как, — спрашивает Дж. Каль, — Уорнер решил, что число «пять» дает правильное представление о количестве уровней? В данном случае нет никакого критерия, которым он обосновывал такое заключение. Уорнер даже не говорит нам о числе информаторов, которые употребляли пять уровней, и об их соотношении с теми, кто употреблял четыре или шесть уровней. Мы должны просто принять на веру заявление Уорнера о том, что большинство людей думает о делении общества на пять уровней и что они подразумевают под этими уровнями одно и то же...»¹

Таким образом, деление на классы без критерия такого деления, принятие предлагаемой схемы социальной структуры «на веру» — вот к чему ведет «субъективный подход» в определении классовой структуры.

Буржуазный исследователь оказывается полностью зависимым от мнения отдельных людей. «Если жители города, в котором происходит опрос, не могут сказать исследователю ничего определенного о системе категорий, которую они употребляют, чтобы классифицировать людей, тогда исследователю нечего делать, кроме как сложить чемоданы и возвращаться домой»².

Как остроумно замечает Дж. Каль, на некоторые из методов «распределения по оценке» могут дать какие-либо правильные ответы только «те информаторы, которые читали книги Уорнера»³.

Определения буржуазными социологами классовой структуры общества на основе «субъективного подхода» ведут к самым разноречивым и не соответствующим действительности схемам социальных классов.

Американский социолог Р. Сентерс провел опрос в США около полуторы тысячи человек, предложив каж-

¹ J. A. Kahl, *The American Class Structure*, p. 35.

² Ibid., p. 34.

³ Ibidem.

дому из опрашиваемых назвать класс, к которому он относит себя и подобных себе лиц. В результате американское общество «разделилось» у Сентерса на четыре «класса»: «высший», «средний», «рабочий» и «низший»¹.

Таким же «субъективным методом» пользовалась при исследовании «социальных структур» во Франции и США американский социолог Н. Рогова. Во Франции было опрошено 2230 человек, которым задавался вопрос: «К какому классу вы себя относите?» В отношении США Н. Рогова использовала проведенный журналом «Форчун» опрос 5217 человек, каждому из которых был задан вопрос: «Какое слово вы употребляете, чтобы назвать класс в Америке, к которому вы принадлежите?» В результате обоих этих «опросов» у Н. Роговой получилась следующая таблица:

Ф Р А Н Ц И Я		С Ш А	
классы, которые назвали опрашиваемые	какой процент опрашиваемых отнес себя к этим классам	классы, которые назвали опрашиваемые	какой процент опрашиваемых отнес себя к этим классам
Буржуазия	7,9	Высший	5,4
Средний	22,5	Средний	45,2
Рабочий	27,1	Рабочий	10,6
Крестьян	13,7	Фермеров	0,8
Бедных	7,5	Низший	4,0
Другие	2,3	Другие	6,5
Нет ответа	19,0	Нет ответа	27,5
Всего	100,0	Всего	100,0
Количество опрошен- ных	2230	Количество опро- шенных	5217

Приведя эту таблицу, Н. Рогова делает следующие выводы. Во Франции, заявляет она, большинство опрашиваемых отнесло себя к четырем «классам»: рабочему, среднему, крестьян и буржуазии. Значит, заключает

¹ R. Centers, The Psychology of Social Classes, Princeton, 1949.

Рогова, французское общество делится на эти четыре «класса».

В США, заявляет Рогова, большинство опрошенных отнесло себя к «среднему» и «рабочему» классам. Значит, делает заключение Рогова, американское общество делится только на два класса: «средний» и «рабочий». Классов буржуазии, низшего и даже фермеров в США не оказывается¹.

Не менее субъективны и произвольны схемы классовых структур, составленные в соответствии с «объективным подходом». Лучше всего это можно проиллюстрировать на примере широко распространенного в буржуазной науке уорнеровского метода классификации населения путем «Индекса характеристик статуса».

Все существо «объективного» составления классовой структуры на основе этого «Индекса» сводится к следующему.

Каждый из входящих в «Индекс» четырех критериев — род занятий, источник дохода, тип жилища и район проживания — Уорнер подразделил на семь пунктов. Например, критерий рода занятий он разбил на пункты: 1) люди свободных профессий и владельцы большого бизнеса; 2) полупрофессионалы и менее крупные должностные лица, занятые в бизнесе; 3) конторские служащие и подобные работники; 4) квалифицированные рабочие; 5) собственники мелкого бизнеса; 6) полуквалифицированные рабочие; 7) неквалифицированные рабочие.

По источникам дохода семь пунктов выглядели таким образом: 1) наследованное богатство; 2) заработанное богатство; 3) прибыль и гонорары; 4) жалование и комиссионные от торговли; 5) заработная плата; 6) частные пособия; 7) общественные пособия и неприличные источники дохода. Таким же путем были разделены на семь пунктов критерии «тип жилища» (в зависимости от размеров и качества жилища) и «район проживания» (в зависимости от нахождения домов в пригородах, лучших, средних и худших районах и т. п.)²

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 349—350.

² L. Warner and M. H. Warner, What You Should Know About Social Class, Chicago, 1953, p. 22, 25.

Каждому первому пункту из четырех критериев Уорнер произвольно дал определенную оценку:

рода занятий	4 очка
источника дохода	3 »
типа жилища	3 »
района проживания	2 »

Вторые, третьи, четвертые и последующие пункты каждого критерия оценивались, соответственно, в 2, 3, 4 и т. д. раза больше. Например, для семи пунктов критерия рода занятий очки следуют: для первого — 4, второго — 8 и т. д., заканчивая седьмым — 28 очков. Пункты критериев дохода и типа жилища выглядели следующим образом: 3, 6, 9 очков... до 21 очка, а пункты района проживания — 2, 4, 6... до 14 очков. В целом сумма 28 пунктов в четырех критериях составила 84 очка¹.

Как уже говорилось, Уорнер произвольно разделил население на пять «классов», а именно: «высший класс», «высший средний класс», «низший средний класс», «высший низший класс» и «низший низший класс».

Для того чтобы попасть в каждый из этих «классов», заявил Уорнер, индивид должен набрать определенное количество очков, причем минимальное количество очков соответствует «высшему классу», а максимальное — «низшему». Каждый класс Уорнер оценил следующим количеством очков²:

Высший класс	12—17 очков
Вероятно, высший класс	18—22 очка
Промежуточная группа	23—24 »
Высший средний класс	25—33 »
Промежуточная группа	34—37 очков
Низший средний класс	38—50 »
Промежуточная группа	51—53 очка
Высший низший класс	54—62 »
Промежуточная группа	63—66 очков
Вероятно, низший класс	67—69 »
Низший низший класс	70—84 очка

В результате распределение населения по классам происходит следующим образом. Опрашиваемых просят

¹ L. Warner and M. H. Warner, What You Should Know About Social Class, p. 22, 25.

² L. Warner et al., Democracy in Jonesville, N. Y., 1949, p. 127.

указать свою принадлежность (или принадлежность окружающего населения) к одному из семи пунктов каждого критерия. В зависимости от этого им начисляются очки. По общей сумме очков определяется место данных индивидов или окружающего населения в социальной структуре общества.

Например, мистер А. является управляющим на местном заводе (8 очков) и сам заработал свое богатство (6 очков). Он живет в доме среднего размера, находящемся в хорошем состоянии (6 очков), и в приличном районе города (6 очков). Общая сумма очков, таким образом, составила цифру 26. Мистер А. на основе этого определяется в «высший средний класс», включающий людей с количеством очков от 25 до 33.

Свою процедуру из пяти классов, разработанную в результате опроса населения в Джонесвилле, Л. Уорнер затем развил в систему из шести классов, характерных, как он заявил, для всего американского общества. В этом случае Уорнер подразделил «высший класс» также на два класса: «высший высший класс» и «низший высший класс».

В книге «Американская жизнь: мечта и реальность» Л. Уорнер следующим образом распределяет по данным шести «классам» все население США¹:

Социальный класс	Процент населения	
Высший высший	1	} 3
Низший высший	2	
Высший средний	10	} 38
Низший средний	28	
Высший низший	34	} 59
Низший низший	25	
	<hr/>	
	100	

Что из себя представляют в действительности эти выделенные Л. Уорнером в США шесть «социальных классов»? Может быть, несмотря на произвольность своих названий, они объединяют людей с действительно одинаковой классовой позицией? Ничего подобного.

¹ L. Warner, American Life: Dream and Reality, Chicago, 1953, ch. 3.

Многочисленные работы буржуазных социологов говорят о том, что буквально в каждом из шести «социальных классов», выделенных по методу Уорнера, оказываются представители самых разнообразных и противоположных слоев капиталистического общества. Вот как описывает, например, состав данных шести «классов» в США американский буржуазный социолог Э. Дюваль:

«Высший высший класс состоит из упрочившихся старых семей, которые живут в наиболее фешенебельных районах, в домах, построенных предками. Семьи высшего высшего класса живут на наследованное богатство, а также на доход главы семьи, который обычно является лицом свободной профессии или бизнесменом»¹. Таким образом, в этот «класс» входят и капиталисты, и лица свободных профессий — доктора, адвокаты и т. п.

«Низший высший класс состоит из состоятельных семей, собственность которых была приобретена совсем недавно, в силу чего эти семьи не могут социально сравниться со старыми упрочившимися семьями, проживающими в лучших районах города»². Здесь также включены как капиталисты, так и лица свободных профессий, получающие высокий доход.

«Высший средний класс включает семьи, которые составляют костяк общества. Эти семьи живут в лучших, но не самых фешенебельных секциях города. Они прилично зарабатывают посредством профессиональной службы или деловой активности»³. В данном «классе» опять объединены по критериям типа жилища, района проживания, дохода и рода занятий как бизнесмены, так и высшие служащие и лица свободных профессий.

«Низший средний класс включает высококвалифицированных рабочих, конторских служащих, владельцев небольших магазинов, лавочников и часть лиц свободных профессий, которые живут в приличных районах города в комфортабельных домах»⁴. Итак, в данном «классе» вообще оказались, с одной стороны, рабочие,

¹ E. M. Duvall, *Family Development*, Chicago — Philadelphia — New-York, 1957, p. 66.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 66—67.

с другой — служащие и лица свободных профессий, а с третьей — владельцы небольших торговых предприятий.

«Высший низший класс вместе с низшим средним классом представляет «уровень жизни среднего человека». Семьи, входящие в высший низший класс, живут в снятых внаем домах, квартирах или просто комнатах, расположенных недалеко от трущоб. Отец и иногда мать и взрослые дети зарабатывают семье на проживание, работая в качестве полуквалифицированных рабочих на фабриках, заводах, рудниках или находясь на различных гражданских службах»¹. Здесь опять произвольно объединены в один класс и рабочие и служащие.

«Низший низший класс состоит из семей, которые живут в самых плохих частях города, в трущобах или подобиях трущоб. Доход этих семей образуется из заработной платы, получаемой отцом и обычно матерью в качестве неквалифицированных рабочих, что чередуется с безработицей и получением пособий. У семьи обычно не хватает денег»². Такие рабочие, по данным Уорнера, составляют 25 процентов всего населения США.

Из рассмотренных составов «классов», выделенных в результате применения «объективного индекса» критериев, видно, что как по количеству классов, так и по их составу данная схема социальной структуры не имеет ничего общего с действительной классовой структурой США и других капиталистических стран. Она извращает и фальсифицирует существующее социальное расслоение в странах капитала, произвольно объединяет представителей разных классов и социальных групп в искусственно созданные «классы» и слои.

Методика образования схем социальных структур по примеру уорнеровского «Индекса характеристик статуса» получила широкое распространение в других странах. Этот метод был, в частности, использован в Западной Германии Институтом социальных исследований Кельнского университета «для измерения социального расслоения в Западной Германии»³.

Как сообщает профессор Кельнского университета Эрвин Шейх, в качестве «объективных» признаков рас-

¹ E. M. Duvall, *Family Development*, p. 67.

² Ibidem.

³ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. VIII, p. 185—189.

пределения по слоям западногерманские социологи взяли три критерия: экономический, род занятий и культурный. Первый и третий критерии были разбиты на четыре подразделения. Всем образовавшимся девяти критериям определили минимальное и максимальное количество очков: от 0 до 12 максимум. «Ценности» всех признаков выглядели следующим образом:

Критерии социального расслоения	Количество начисляемых очков	
I. Доход того, кто обеспечивает семью . .	9 очков	максимум
Средний размер дохода на члена семьи	6 »	»
Количество жилплощади на человека . .	3 очка	»
Индекс обладания ценными вещами . .	3 »	»
<hr/>		
Всего по «экономическим» признакам	21 очко	»
II. Род занятий того, кто обеспечивает семью	12 очков	максимум
III. Уровень образования	9 очков	максимум
Степень начитанности	6 »	»
Частота посещения концертов	3 очка	»
Частота посещения театров	3 »	»
<hr/>		
Всего по «культурным» признакам	21 очко	»
<hr/>		
Итого	54 очка	максимум

Затем чисто произвольно было принято «расчленение общества на высший, средний и низший слои». Кроме того, «высший» и «низший» слои разделили еще на два подслоя, а «средний» — на три. Было установлено, что набравшие, скажем, 0—13 очков попадают в «низший низший слой», набравшие 21—26 очков — в «низший средний слой», 35—40 очков — в «высший средний слой», а получившие 49—54 очка — в «высший слой» и т. д.

Руководствуясь этим «методом», Институт социальных исследований провел зимой 1954/55 г. и весной 1956 г. опрос населения в Кельне. В результате все население (720 тысяч человек) было распределено по «слоям» следующим образом:

Процент населения	Название слоя	Количество очков
	С	
11,9	низший низший	0—13
41,0	высший низший	14—20
	В	
22,4	низший средний	21—26
15,9	средний средний	27—34
4,3	высший средний	35—40
	А	
3,1	низший высший	41—48
0,0	высший высший	49—54
1,4	классификация невозможна	

Нивелирующая оценка западногерманскими социологами совершенно не одинаковых признаков, в первую очередь «экономических» и «культурных» (и те и другие оцениваются в 21 очко), заниженная оценка признака рода занятий (всего 12 очков) ведут к тому, что в одном и том же слое в Западной Германии оказываются представители различных и противоположных социальных групп населения. Образованный безработный, получивший за образование и начитанность 13 очков, плюс хотя бы одно очко за имеющуюся жилплощадь, попадает в так называемый высший низший класс (41 процент населения). Тот же безработный, набравший в случае поступления на самую низкооплачиваемую работу 2 очка по доходу и несколько по роду занятий, переходит уже в состав «средних слоев» общества.

В «высшем среднем слое», с одной стороны, находятся невежественные дельцы, финансисты и торговцы, а с другой — образованные, но не богатые интеллигенты и служащие. Аналогично этому почти во всех выделенных «слоях» западногерманского общества оказываются люди самых разнообразных общественных классов и прослоек, люди разных доходов, профессий и уровней культурного развития.

Существует множество других буржуазных схем классовой структуры общества, составленных на основа-

нии тех или иных «объективных» критериев или комплексов критериев классов.

Американский экономист и социолог У. Хант в 1897 г. выделил в США на основе критерия занятости четыре «класса»: «класс собственников», «канцелярский класс», «класс квалифицированных рабочих» и «рабочий класс». В 1943 г. Альба Эдвардс, руководствуясь тем же критерием занятости, нашел в США уже шесть «классов»: «неквалифицированных рабочих», «полуквалифицированных рабочих», «квалифицированных рабочих и техников», «конторских служащих и подобных работников», «собственников, управляющих и должностных лиц» и «лиц свободных профессий»¹.

Совсем недавно социологи У. Маккиннон и Р. Сентерс, также руководствуясь критерием занятости, выделили в США четыре класса: «высший», «средний», «рабочий» и «низший»². Социологи М. Монк и Т. Ньюком, применяя тот же критерий, заявили в 1956 г., что они нашли в США также четыре класса, но совершенно иные: «низший рабочий», «высший рабочий» (квалифицированные рабочие), «низший средний» (служащие, мелкие бизнесмены и торговцы) и «высший средний» (большинство лиц свободных профессий, крупные бизнесмены и управляющие)³. Класа буржуазии или какого-нибудь другого «высшего» класса в США в результате их поисков не оказалось.

Социолог Р. Келсолл говорит о наличии в Англии классов «высших администраторов», «высшего среднего», «низших классов обслуживания» и т. п. Английский социолог Дж. Хехт выделяет особый «класс домашних слуг», а американский социолог Л. Майклон образует так называемый новый праздный класс, состоящий из людей, ушедших в отставку.

Американский буржуазный социолог О. Холлингсхед использовал для составления схемы социальной структуры США «индекс» из трех критериев: занятости, образования и района проживания. Первый он оценил в 8 очков, второй — в 6 и третий — в 5.

¹ A. Edwards, *Comparative Occupational Statistics for the United States, 1870—1940*, Washington, 1943.

² «American Journal of Sociology» № 6, 1956, p. 616.

³ «American Sociological Review», vol. XXI, 1956, p. 73.

Холлингсхед произвольно разделил американское общество на пять «классов», причем не дал им никакого названия, а просто обозначил римскими цифрами: I, II, III, IV и V¹. На основе проведенных опросов Холлингсхед заявил, что американское население распределяется между этими «классами» следующим образом²:

	В %
Класс I	3
» II	8
» III	22
» IV	46
» V	18
Не классифицировано	3

Современные буржуазные социологи, кладущие в основу социального расслоения различные критерии классов, извращают не только классовую структуру капиталистического общества.

Употребляя критерии рода занятий, дохода и другие, они пытаются также дать искаженную картину системы классов в странах социализма, и прежде всего в СССР. Американский буржуазный социолог Б. Барбер, ссылаясь на такие «авторитеты», как «эксперт советского общества» Алекс Инкелес, перебежчик С. Утехин и др., утверждает о наличии в СССР системы из восьми социальных классов. Это: 1) «правящая элита», 2) «высшая интеллигенция», 3) «обычная интеллигенция», 4) «аристократия рабочего класса», 5) «служащие», 6) «состоятельные крестьяне», 7) «рабочие, находящиеся в невыгодном положении», и 8) «принуждаемые к труду группы населения»³.

По пути фальсификации социальной структуры как капиталистического общества, так и стран социализма идут современные правосоциалистические и ревизионистские теории.

Французский правый социалист профессор политэкономии Андре Филипп, посетивший СССР в 1956 г., утвер-

¹ A. B. Hollingshead, *Elmtown's Youth*, N. Y., 1948.

² «American Sociological Review», vol. XVIII, 1953, April, p. 161—169.

³ B. Barber, *Social Stratification*, N. Y., 1957, p. 86.

ждал затем в опубликованных статьях, будто советское общество делится на шесть «классов»: инженерно-технических работников, специалистов, государственных служащих, военных, крестьян и рабочих¹.

Приведенные буржуазные и реформистско-ревизионистские системы классового деления теоретически полностью несостоятельны и никоим образом не соответствуют фактам действительности.

Все они игнорируют различия между людьми по месту в материальных отношениях, и прежде всего по их отношению к средствам производства. Отсюда в них отсутствует главное — деление капиталистического общества на два основных класса: буржуазию и пролетариат. Вместо них буржуазные социологи выдвигают на первый план так называемый «средний класс», а также всевозможные «высшие», «низшие» и тому подобные «классы».

Характерная для буржуазных схем классов нивелировка разных по весу и значению признаков положения людей, выдвижение на первое место третьестепенных черт ведут к еще большему субъективизму и произволу в составлении систем деления общества на классы. В результате методы и «субъективного» и «объективного» подходов оказываются непригодными для распределения населения по слоям.

Буржуазные социологи Кеннет Иллс и Чарлз Уорринер применили уорнеровские процедуры «Распределение по оценке» и «Индекс характеристик статуса» к 359 семьям в городе Рокфорде (штат Иллинойс). В результате методом «Распределение по оценке» оказалось невозможным классифицировать 43 семьи (12 процентов всех семей). Применив «объективный индекс», они обнаружили, что 20 семей были отнесены значительно выше их действительного положения, а 43 семьи гораздо ниже. Это составило уже 18 процентов всех семей. Если еще учесть промежуточные группы, то число семей, к которым оказался неприменимым «индекс», еще более возрастает².

Таким образом, два основных буржуазных метода составления социальных структур — «объективный» и

¹ «Правда», 28 июля 1956 г.

² J. A. Kahl, *The American Class Structure*, p. 44—45.

«субъективный» — оказались непригодными даже для распределения по классам 359 семей. А что же можно ожидать от этих методов при составлении схемы социальной структуры не отдельного города, а всей страны, всего капиталистического общества.

Недаром социолог Дж. Каль вынужден был заявить следующее о «ценности» этих двух методов при составлении схем социальных структур: «Если процедура «Распределение по оценке» является в лучшем случае приближением (к социальному расслоению.— В. С.), то «Индекс характеристик статуса» является приближением к такому приближению»¹.

Таким образом, современная буржуазная наука не в состоянии дать правильной научной картины социальной структуры капиталистического общества.

Вряд ли кто-либо решится отрицать, что в один и тот же период в одном и том же обществе и стране объективно может существовать только одна социальная структура. Когда же в отношении одного и того же общества или страны одни буржуазные социологи заявляют о наличии двух классов, другие — трех или четырех, третьи — пяти или шести классов и т. д., причем у одних это «средний» и «рабочий» классы, у других — I, II, III, IV и V классы, у третьих — «низший средний», «высший средний» и т. п., то этим самым буржуазные социологи лишь расписываются в своей полной теоретической беспомощности. Они не в состоянии даже решить, какая буржуазная схема классов более подходит для современного капиталистического общества. «Как можем мы узнать,— спрашивает социолог Дж. Каль,— более ли соответствуют действительности выделенные Уорнером шесть классов, или пять, семь или другие шесть классов, отличные от выделенных Уорнером?»² И Каль показывает, что буржуазная наука не может дать ответа на этот вопрос.

Что касается характерной для всех буржуазных теорий социальной структуры общества возни со многими таблицами и формулами, которыми буквально забиты труды буржуазных социологов, то она призвана скрыть пустоту и бесплодие современной буржуазной науки в

¹ J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 45.

² Ibid., p. 29.

области определения социальной структуры современного капиталистического общества.

Классовые цели распространения буржуазных и реформистских схем социальной структуры капитализма и социализма ясны. Они призваны скрыть раскол капиталистического общества на антагонистические классы буржуазии и пролетариата, подменить два основных класса капиталистического общества произвольно составленной совокупностью «классов» и «слоев».

Этим путем буржуазные и реформистские теоретики пытаются убедить трудящихся в «бессмысленности» их стремления радикально изменить классовую структуру капитализма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

**ИЗМЕНЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ КАПИТАЛИЗМА
И ИХ АНТИНАУЧНЫЕ ИСТОЛКОВАНИЯ
БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИЕЙ**

В последние годы в буржуазной, реформистской и ревизионистской литературе большое распространение получили теории об изменении социальной структуры капиталистического общества. Острые этих теорий направлено против марксистско-ленинского учения, оказавшегося, по мнению буржуазных социологов, «неспособным» предусмотреть те изменения, которые происходят в капиталистическом мире.

Буржуазные социологи, реформисты и ревизионисты утверждают, что марксизм объяснил тенденции развития только того капитализма, который существовал в период жизни Маркса и Энгельса, и не может объяснить закономерности развития «нового» капитализма, который будто бы идет другими путями, отличными от предсказанных Марксом.

На третьем социологическом конгрессе социолог Дж. Бернارد утверждала, что предсказанные Марксом закономерности относятся только к капитализму XIX в. Этот век Бернارد называет веком скудости, к которому, по ее словам, вполне применим сформулированный И. В. Сталиным основной закон капитализма. Однако капитализм XX в., заявляет Дж. Бернارد, является «новым» капитализмом, к которому уже неприменимы предсказанные Марксом закономерности развития. XX век для капитализма есть якобы век изобилия, и «новый» капитализм будто бы развивается по сформулирован-

ному И. В. Сталиным основному экономическому закону социализма¹.

«Новый», «обновленный» капитализм, о котором тру-бят буржуазные идеологи, реформистские и ревизионистские теоретики, есть капитализм конца XIX — первой половины XX в. Следовательно, речь идет о капитализме в его высшей фазе — монополистическом капитализме, или империализме, развитие которого охватывает период примерно с конца XIX в. до настоящего времени.

Чтобы дать ответ на вопрос о том, устарел или не устарел марксизм для объяснения последней стадии развития капитализма, применимы или неприменимы к ней выдвинутые марксизмом закономерности, оказался ли марксизм-ленинизм неспособным научно предсказать тенденции развития капитализма в стадии империализма, для этого необходимо прежде всего рассмотреть то новое, что внесло развитие капитализма за последние 80 лет в социальную структуру.

1. Основные изменения в социальной структуре капитализма за последние 80 лет

Основным содержанием развития капитализма за последние 80 лет является процесс перехода капиталистической общественно-экономической формации в стадию загнивания и паразитизма и одновременного вызревания внутри капитализма предпосылок более высокой, коммунистической общественно-экономической формации.

Процесс завершения развития капиталистической общественно-экономической формации характеризуется прежде всего обострением всех противоречий капиталистической системы, и в первую очередь основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Капитализм в своей высшей, империалистической стадии в огромной степени развивает производительные силы. Одновременно с ростом производительных сил

¹ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, p. 26—27.

происходит процесс концентрации и обобществления производства, его монополизация.

За время первой мировой войны, писал Ленин, «мировой капитализм сделал шаг вперед не только к концентрации вообще, но и к переходу от монополий вообще к *государственному капитализму* в еще более широких размерах, чем прежде»¹.

Государственно-монополистический капитализм определил в той или иной степени развитие высокоразвитых стран капитализма — США, Англии, Германии, Японии, Италии, Франции и ряда других — с конца первой мировой войны и до настоящего времени. Он явился тем главным изменением в развитии капитализма, которое буржуазные идеологи и многие реформисты объявили «новой эрой» в развитии капиталистического общества, «новым капитализмом», «государственным социализмом» и т. п.

В то же время государственно-монополистический капитализм представляет окончательную подготовку материальных предпосылок социализма. «Диалектика истории именно такова, — писал Ленин, — что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»².

Данное развитие капитализма за последние 80 лет обусловило изменения в социальной структуре капиталистического общества, причем главное воздействие на эти изменения оказали следующие характерные особенности развития капитализма.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 204—205.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 333.

Во-первых, мощное развитие производительных сил, подъем производства, а отсюда значительное повышение производительности труда. Это послужило причиной для сокращения числа рабочих по отношению к выпускаемой продукции и увеличения численности инженерно-технического и квалифицированного рабочего персонала.

Во-вторых, огромная концентрация и обобществление производства обусловили сокращение доли в социальной структуре капиталистических владельцев средств производства и привлекли к управлению производством большое количество технических специалистов и конторских служащих.

В-третьих, определенное государственное вмешательство в экономическую жизнь создало условия для появления многочисленной экономической бюрократии.

В-четвертых, усиление буржуазией государственной машины для укрепления своего политического господства, подавления классовой борьбы и революционного движения обусловило огромный рост государственного гражданского, чиновничьего аппарата и аппарата подавления — полиции, жандармерии, тюремного аппарата, охраны и т. п.

В-пятых, милитаризация буржуазных государств вызвала огромный рост государственного военного аппарата, военной машины, армии и всех вооруженных сил.

Изменения в социальной структуре капиталистического общества происходят как в соотношении между всеми классами и слоями, так и внутри каждого класса и слоя.

Класс буржуазии в целом уменьшился по своей доле как среди занятого, так и среди всего населения высоко-развитых капиталистических стран. Эта тенденция обусловлена процессом непрерывной концентрации и обобществления производства при капитализме, в результате чего большое число мелких, средних и даже крупных капиталистов не выдерживает ожесточенной конкуренции¹.

¹ Необходимо отметить, что в буржуазной статистике почти невозможно найти цифр, характеризующих изменения только одного класса буржуазии, или, как обычно называют его буржуазные социологи и экономисты, «собственников». Как правило, «собственники», куда входит и мелкая буржуазия, произвольно объединяются вместе с управляющими и должностными лицами в якобы единую группу занятости.

Например, в США доля буржуазии (вместе с мелкой буржуазией, управляющими и должностными лицами, число которых постоянно росло) изменилась во всем занятом населении следующим образом ¹:

1870 г.	1910 г.	1950 г.
30%	23%	15,9%

Надо полагать, что собственно класс буржуазии составляет лишь небольшую часть (возможно, десятую или еще меньшую) этих приведенных обобщенных цифр.

В Англии предприниматели, использующие наемный труд, в 1851 г. составляли 8,1 процента занятого населения. Через сто лет, в 1951 г., они насчитывали 459 900 человек, что составляло всего 2,04 процента самодельного населения и 1,21 процента общей численности населения ².

Во Франции в 1954 г., согласно переписи населения, промышленники и крупные торговцы ³ насчитывали 264 400 человек, составляя 1,37 процента всего самодельного населения и 1,9 процента активного несельскохозяйственного населения ⁴.

В довоенное время крупная буржуазия, по приблизительным исчислениям, составляла следующий процент населения трех главнейших капиталистических стран ⁵:

США (1929 г.)	1,5
Англия (1931 г.)	2—5
Германия (1933 г.)	1—2

В настоящее время этот процент стал еще меньшим, и класс буржуазии составляет лишь незначительную долю занятого и всего населения высокоразвитых капиталистических стран.

Класс крупных землевладельцев в течение последних 80 лет имел тенденцию к уменьшению как по численности,

¹ J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 67.

² С. Ааронович, Британский монополистический капитал, М., 1956, стр. 152.

³ Первые включают хозяев, пользующихся трудом более 5 наемных рабочих, а вторые — торговцев, имеющих более 2 наемных работников.

⁴ «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 60—62.

⁵ «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)», Госполитиздат, 1938, стр. 82.

так и по доле среди населения капиталистических стран. Это результат того, что крупные землевладельцы, явившиеся своеобразным наследием феодализма, в условиях капитализма не могли не испытать его воздействия. «Крупная земельная собственность,— отмечал К. Маркс,— вопреки своему кокетничанию с феодализмом и своей родовой спеси, насквозь обуржуазилась под влиянием развития современного общества»¹.

Одна часть крупных землевладельцев продала свои земли капиталистическим землевладельцам, а другая сама встала на путь капиталистического ведения хозяйства. Как отмечает известный немецкий экономист Юрген Кучинский, многие крупные землевладельцы, старинные дворянские семьи Франции «были вынуждены перейти к ведению хозяйства капиталистическими методами, т. е. с наемными сельскохозяйственными рабочими; феодальные отношения были окончательно упразднены»².

В настоящее время в высокоразвитых странах капитализма численность крупных земельных собственников, живущих за счет ренты и не ведущих на своих землях капиталистического хозяйства, весьма незначительна. В основном они сохранились в капиталистических странах Европы, где еще дают себя знать остатки феодальных производственных отношений.

В Западной Германии в 1946 г. в земле Шлезвиг-Гольштейн пять графов и дворян владели от 5 тыс. до 6,5 тыс. га каждый, а 939 юнкеров имели свыше 100 га земли каждый. В Ганновере в руках дворян находилось 191 350 га, или 12 процентов, всей пахотной земли. В Вестфалии 94 дворянина-землевладельца располагали свыше 79 315 га земли³.

В Италии 502 владельца латифундий концентрируют в своих руках 900 тыс. га земли. Как отмечается в одном из изданий ООН, «в некоторых районах Италии, Испании и Португалии неравенство в распределении земли

¹ К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт, Госполитиздат, 1958, стр. 42.

² Ю. Кучинский, История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г., ИЛ, М., 1950, стр. 53.

³ См. Ю. Кучинский, Положение рабочего класса в Западной Германии (1945—1956 гг.), ИЛ, М., 1957, стр. 273.

привело к существованию крупных латифундий...»¹ В Австрии хозяйства полукапиталистического и капиталистического толка, которые составляют 0,1 процента всех сельских хозяйств, концентрируют 27,4 процента всей земли. Такие же владения имеются и в других капиталистических странах Европы. Во Франции, например, хозяйства так называемых дворянчиков держат в своих руках значительно большее количество земли, чем 1 млн. мелких производителей.

Тенденция развития рабочего класса, или пролетариата, в эпоху империализма не носит упрощенного характера и не проявляется стандартно во всех странах. На развитие рабочего класса в условиях монополистического и государственно-монополистического капитализма оказывают влияние различные и порой противоположные тенденции, сочетание которых и определяет в конечном счете процесс изменения доли пролетариата в социальной структуре капиталистического общества.

С одной стороны, чем сильнее развиваются производительные силы, чем больше повышается производительность труда рабочих, тем меньшей становится их доля в занятом и во всем населении капиталистических стран. «По мере того как промышленность становится производительнее..., количество рабочих по отношению к продукту уменьшается...»²

Такое сокращение доли рабочих усиливается в связи с автоматизацией капиталистического производства. На автоматизированных предприятиях число рабочих, необходимых для производства определенного количества товаров, сильно сокращается. Сравнивая автоматизированные и неавтоматизированные предприятия, группа американских исследователей пишет, что автоматизированный «завод производит вдвое больше машинных блоков с одной десятой той рабочей силы, которая бы потребовалась неавтоматизированной фабрике»³.

На изменение доли пролетариата в социальной структуре капиталистического общества оказывает влияние и противоположная тенденция. Маркс указывает на такую

¹ «Progrès de la réforme agraire», Nations Unies, N. Y., 1954, p. 14.

² К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 187.

³ «The Coming Revolution in Industrial Relations 1955—1975», N. Y., 1955, p. 10.

особенность капиталистического производства, когда получаемая капиталистами прибыль обращается ими в значительной части в капитал, в новые машины, которые «снова дают занятие большему числу людей, чем было занято до их введения, так что масса «производительных рабочих» снова увеличивается и прежняя диспропорция опять восстанавливается»¹.

Такой круговорот расширенного воспроизводства, втягивающий рабочих во все новые отрасли производства, обуславливает рост численности пролетариата и по отношению ко всему населению общества. «Таким образом, несмотря на возрастающую производительность труда, рабочее население могло бы постоянно расти, не по отношению к продукту, который возрастает вместе с ним и быстрее его, а относительно всего народонаселения, если, например, одновременно происходит концентрация капитала и, следовательно, прежние составные части производительных классов попадают в ряды пролетариата»².

Наконец, к этим двум тенденциям надо добавить третье обстоятельство, состоящее в том, что класс пролетариев постоянно пополняется за счет разорения и размывания мелкой городской и сельской буржуазии.

Сочетание всех этих трех процессов и определяет тенденцию изменения доли рабочего класса в занятом и во всем населении той или иной капиталистической страны.

В целом за последние 80 лет тенденция развития рабочего класса состояла в том, что в высокоразвитых странах капитализма, характеризующихся большим круговоротом расширенного воспроизводства, *доля промышленного, городского пролетариата возрастала, хотя доля пролетариата в целом, т. е. промышленного и сельскохозяйственного, сократилась в социальной структуре* за счет резкого уменьшения сельскохозяйственного пролетариата.

В то же время в некоторых капиталистических странах, где круговорот расширенного воспроизводства был недостаточен, несколько уменьшилась доля в занятом и во всем населении не только сельскохозяйственного

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, стр. 201.

² Там же.

пролетариата, но и собственно рабочего класса — городского, промышленного пролетариата.

Что касается тенденции сокращения доли в социальной структуре сельскохозяйственного пролетариата, то этот процесс вполне закономерен. Он происходит по мере освоения капиталистическим производством всех земель, развития и интенсификации сельского хозяйства. В отличие от промышленности, где в ходе развития создаются новые мощности и предприятия, ведущие к привлечению новых рабочих, в сельском хозяйстве «новые» земли не создаются и широкого привлечения рабочих не происходит. «Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того как оно овладевает им, спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности неземледельческой, большим привлечением их... Этот источник относительно избыточного населения течет постоянно...»¹

При общей тенденции сокращения во всех высокоразвитых капиталистических странах доли в социальной структуре сельскохозяйственного пролетариата, тенденции развития собственно пролетариата (городского, промышленного) и рабочего класса в целом проявлялись по-разному. В США, например, доля промышленного пролетариата за последние 80 лет выросла более чем в полтора раза, а доля сельскохозяйственных рабочих сократилась в 7 раз, в результате чего доля всего пролетариата в занятом населении (в процентах) несколько уменьшилась².

	1870 г.	1910 г.	1950 г.
Промышленный пролетариат	28,0	41,1	43,8
Сельскохозяйственный пролетариат	29,0	14,5	4,3
Весь пролетариат	57,0	55,6	48,1

Примерно такие же цифры изменения доли промышленных рабочих в составе занятого населения США

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 648.

² J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 67.

(в процентах) приводит известный американский социолог и экономист Дж. Ландберг¹:

1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1930 г.	1940 г.	1950 г.
26,6	30,4	32,4	35,3	38,2	42,4	37,9	39,3	42,9

В Англии доля всех рабочих в самостоятельном населении уменьшалась следующим образом²:

Период	Доля рабочих (в %)
1870—1879 гг.	83
1900—1909 »	77
1924—1929 »	73
1930—1938 »	72
1948—1950 »	66

Количественное изменение французского пролетариата за последние 50 лет (в млн. человек) происходило следующим образом³:

	1906 г.	1931 г.	1954 г.
Промышленные рабочие . . .	5,2	6,3	6,4
Сельскохозяйственные рабочие	2,6	2,1	1,1
Весь рабочий класс	7,8	8,4	7,5

Отсюда видно, что число промышленных пролетариев во Франции росло, а количество сельскохозяйственных рабочих уменьшалось. Это обусловило некоторое уменьшение численности и доли всего рабочего класса. Доля же промышленного пролетариата среди несельскохозяйственного населения увеличилась с 32 процентов в 1906 г. до 47 процентов в 1954 г.

В ряде капиталистических стран, не отличающихся быстрым развитием производительных сил и большим круговоротом расширенного воспроизводства, доля промышленных рабочих в социальной структуре несколько уменьшилась.

В Австрии с 1937 по 1956 г. удельный вес рабочих (с учетом безработных) в числе лиц наемного труда

¹ «Social Forces» № 2, 1955, p. 129.

² «The Economic Journal», 1952, June, p. 276.

³ См. «Мировая экономика и международные отношения» № 12, 1958, стр. 48.

сократился с 75 до 69,8 процента¹. В Швейцарии за 50 лет (с 1900 до 1950 г.) доля рабочих в самостоятельном населении снизилась с 60,5 до 53 процентов².

Каковы тенденции развития *средних слоев капиталистического общества в целом*?

Тенденция развития в целом средних слоев за последние 80 лет начисто опровергает измышления современной буржуазной науки, реформизма и ревизионизма о «безудержном», «колоссальном» росте «среднего класса» в высокоразвитых капиталистических странах.

Средние слои в целом увеличились по своей доле в социальной структуре большинства капиталистических стран, однако не намного. В ряде высокоразвитых капиталистических стран доля средних слоев в целом в составе населения почти не изменилась или даже уменьшилась.

Американский социолог Курт Майер привел на третьем социологическом конгрессе данные за 1870—1954 гг., характеризующие развитие так называемого работающего населения в США, включающего рабочий класс и средние слои общества.

Совокупность мелкой городской и сельской буржуазии, а также категорий служащих и интеллигенции составляла следующий процент в работающем населении США за 80 лет³:

1870 г.	1910 г.	1950 г.	1954 г.
47,2	43,2	43,5	44,1

В Англии в конце XIX в. доля государственных служащих, лиц свободных профессий, самостоятельных предпринимателей, занятых в торговле и банках, и домашней прислуги во всем занятом населении составляла (в %) ⁴:

1851 г.	1861 г.	1871 г.	1881 г.
32	33	38	39

В 1951 г., согласно переписи населения, средние слои в Великобритании насчитывали 9659,4 тыс. человек, что

¹ См. «Мировая экономика и международные отношения» № 4, 1958, стр. 67.

² «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, p. 82.

³ Ibid., p. 70.

⁴ Ю. Кучинский, Положение рабочего класса в Англии (1832—1956 гг.), ИЛ, М., 1958, стр. 68.

составляет 25,5 процента общего числа населения и 42,7 процента всего самостоятельного населения¹.

В Германии совокупность населения, занятого в ремесле, торговле, финансовых учреждениях, административных органах, аппарате управления и домашних услугах, составляла в 1939—1941 гг.²

	1939 г.	1940 г.	1941 г.
В млн. человек	14,9	12,9	12,2
Процент ко всему занятому населению . . .	38	37	36,8

Здесь не учтены мелкая буржуазия деревни, инженеры, технические специалисты и некоторые другие категории лиц. Однако даже эти цифры дают представление о доле средних слоев в занятом населении капиталистической Германии.

Во Франции численность и доля средних слоев в социальной структуре за последние десятилетия также возросла. Например, на 1 тыс. лиц наемного труда в 1906—1951 гг. приходилось следующее количество служащих и подобных работников, занятых в торговле, банках, страховании и услугах (без учета домашней прислуги и безработных)³:

1906 г.	1921 г.	1926 г.	1931 г.	1936 г.	1946 г.	1951 г.
203	230	236	250	280	327	373

По переписи населения в 1954 г., средние слои Франции (без средних земледельцев, т. е. мелкой сельской буржуазии) насчитывали 7146,7 тыс. человек. Напомним, что промышленный пролетариат Франции насчитывал 6638,7 тыс. человек, а весь рабочий класс — 7792 тыс. человек. Тем самым средние слои во Франции без мелкой буржуазии деревни (в целом все земледельцы охватывали 3984,5 тыс. человек) составляли 37 процентов всего самостоятельного населения и 50,8 процента самостоятельного несельскохозяйственного населения⁴.

¹ С. Ааронович, Британский монополистический капитал, 1956, стр. 152—153.

² Ю. Кучинский, История условий труда в Германии, ИЛ, 1949, стр. 485.

³ «Мировая экономика и международные отношения» № 12, 1958, стр. 47.

⁴ «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 60—62.

Таковы основные изменения, происшедшие в отношении классов буржуазии, крупных землевладельцев, рабочего класса и средних слоев за последние 80 лет в высокоразвитых странах капитализма. Суть их состоит в том, что *уменьшилась доля в социальной структуре капиталистических стран классов буржуазии и крупных землевладельцев, в большинстве стран увеличилась доля промышленного пролетариата, но несколько уменьшилась доля всего рабочего класса за счет резкого снижения численности сельскохозяйственных рабочих, в высокоразвитых странах капитализма увеличилась доля средних слоев общества.*

По подсчетам авторов сборника «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)», социальная структура всего населения трех высокоразвитых стран капитализма выглядела в довоенный период приблизительно следующим образом (в %) ¹:

	Годы	Крупная буржуазия	Средние слои	Пролетариат
США	1929	1,5	33—35	65—66
Англия	1931	2—5	15—18	80
Германия	1933	1—2	28—30	68—71

Ныне социальная структура высокоразвитых капиталистических стран в отношении доли тех или иных классов и социальных групп к занятому населению (в %) представляется следующим образом:

	Годы	Буржуазия	Средние слои	Рабочий класс
США ²	1950	1—2	47—49	48—49
Англия ³	1951	1—2	43—44	55
Франция ⁴	1954	2—4	45—50	43

¹ «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)», Госполитиздат, 1938, стр. 82.

² J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 67.

³ С. Ааронович, Британский монополистический капитал, стр. 152—153.

⁴ «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 60—62.

Эти две таблицы вряд ли можно сопоставлять без целого ряда оговорок. Наибольшее количество погрешностей имеется в первой таблице. Доля пролетариата в ней по ряду стран преувеличена, в частности за счет включения в него служащих и кустарей, доля же средних слоев соответственно уменьшена¹. Тем не менее данные за предвоенный и послевоенный периоды иллюстрируют общие, наиболее типичные тенденции изменений в социальной структуре современного капиталистического общества.

Значительные изменения произошли за последние 80 лет внутри отдельных классов и социальных слоев капиталистического общества.

Внутри класса буржуазии изменения шли по линии усиления расслоения между мелкими и средними капиталистами города и деревни, с одной стороны, и крупной и особенно монополистической и государственно-монополистической буржуазией, с другой.

Из крупной буржуазии выделился слой монополистической и государственно-монополистической буржуазии, слой финансовой олигархии, который, составляя незначительную долю внутри буржуазии, численно все время растет. В США численность миллионеров и миллиардеров составляла: в 1861 г.— 3 человека, в 1897 г.— 3800, в 1914 г.— 6500, а в 1929 г.— 40 тыс. человек.

Монополистический капитал занимает главенствующее положение в экономике капиталистических стран. В США 135 корпораций производят примерно 45 процентов всей промышленной продукции. От 1 тыс. до 1500 монополий США, Англии, Франции, Западной Германии и других стран империализма контролирует почти половину всего производства капиталистического мира. Монополисты и финансисты разных капиталистических стран заключают между собой союзы, создавая международные картели и союзы монополий.

С развитием империализма монополистическая буржуазия все более начинает противостоять мелким, средним и частично крупным немонополистическим капиталистам, все в больших размерах разоряя и поглощая их.

¹ «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)», стр. 82.

Как говорится в проекте тезисов к XV съезду Французской коммунистической партии, «власть монополий во Франции упрочилась за последние годы в экономической и политической областях. Усилились капиталистическая концентрация и централизация. В промышленности большое количество мелких и средних предприятий, не будучи номинально поглощено крупными предприятиями, подчинено им благодаря сложной сети учреждений».

Оборот группы предприятий, составляющей 0,15 процента всех предприятий, равняется 41 проценту общего оборота; эта группа выплачивает 49 процентов общей заработной платы и получает 25,6 процента общих чистых прибылей. В новых промышленных секторах, в частности в области атомной энергии и сахарской нефти, финансовый капитал создал компании капиталовложений, которые благодаря налоговым льготам, полученным от государства, поглощают мелких капиталистов, укрепляя мощь крупных банков и монополий. В торговле получают распространение магазины со многими филиалами... Деградация мелких хозяйств усиливается»¹.

Экономическое положение немонополистической буржуазии становится все более неустойчивым. Многие мелкие, средние и частью крупные капиталисты превратились в подрядчиков монополий, попали к ним в вассальную зависимость, потеряли свою независимость. Все эти факты вместе с неравномерностью распределения прибылей усиливают различия в интересах монополистической и немонополистической буржуазии.

Внутри рабочего класса за последние 80 лет произошли следующие основные изменения.

Во-первых, как уже отмечалось, изменилось соотношение промышленного и сельскохозяйственного пролетариата: численность и доля промышленных, городских рабочих в большинстве капиталистических стран возросла, а численность и доля сельских пролетариев в несколько раз уменьшилась.

В результате внутри рабочего класса сельский пролетариат занимает все меньшую часть, а городской, промышленный пролетариат — все большую. В США, например, в 1870 г. промышленный пролетариат относился

¹ См. «Коммунист» № 6, 1959, стр. 103.

к сельскохозяйственному как 1 : 1, в 1910 г.— как 3 : 1, а в 1950 г.— как 10 : 1¹. В Англии в 1951 г. промышленный пролетариат относился к сельскохозяйственному как 13 : 1², а во Франции в 1954 г.— как 6 : 1³.

Целый ряд изменений произошел в соотношении различных слоев рабочих. В высокоразвитых капиталистических странах увеличилось число квалифицированных рабочих, намного возросла доля полуквалифицированных рабочих и заметно сократилось количество неквалифицированных рабочих.

В США за 80 лет доля различных групп рабочих во всем занятом населении изменилась следующим образом (в %) ⁴:

	1870 г.	1910 г.	1920 г.	1930 г.	1940 г.	1950 г.
Квалифицированные рабочие и мастера . . .	9	11,7	13,5	12,9	11,7	13,8
Полуквалифицированные рабочие	10	14,7	16,1	16,4	21,0	21,7
Все неквалифицированные рабочие	38	29,2	24,0	21,5	17,8	12,6
Из них неквалифицированные						
промышленные . . .	9	14,7	14,6	12,9	10,7	8,3
сельскохозяйственные	29	14,5	9,4	8,6	7,1	4,3

Отсюда видно, что за 80 лет несколько возросла в составе занятого населения доля квалифицированных рабочих, более чем вдвое увеличилась доля полуквалифицированных рабочих, более чем в 3 раза уменьшилась доля всех неквалифицированных рабочих, главным образом за счет уменьшения (в 7 раз) сельскохозяйственных рабочих, в то время как доля промышленных неквалифицированных рабочих уменьшилась незначительно (хотя до 20-х годов XX в. она фактически росла).

¹ J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 67.

² См. С. Ааронович, Британский монополистический капитал, стр. 152.

³ «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 62.

⁴ Данные за 1870 и 1950 гг.: J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 67; За 1910—1940 гг.: «Statistical Abstract of the United States, 1943», Washington, 1944, p. 133.

Очень большие изменения за последние 80 лет произошли *внутри средних слоев* капиталистического общества. Они состоят в том, что в настоящее время качественно изменились состав и соотношение внутри средних слоев.

В период домонополистического и в первые десятилетия монополистического капитализма *основную массу средних слоев составляла мелкая буржуазия города и деревни*. Это те средние слои, которые в современной буржуазной, реформистской и ревизионистской литературе получили название *старых средних классов*. В то же время *доля прослоек служащих и интеллигенции* в составе средних слоев была очень незначительна. Это те прослойки, которые в современной буржуазно-социологической, реформистской и ревизионистской литературе получили название *новых средних классов*.

В ходе развития империализма в составе средних слоев непрерывно *уменьшалась* доля и место мелкой буржуазии города и деревни (*«старых средних слоев»*) и непрерывно *возрастала* доля и место прослоек служащих и интеллигенции (*«новых средних слоев»*). Возросла также доля обслуживающего персонала, прислуги и деклассированных элементов.

В результате соотношение между этими двумя основными частями средних слоев изменилось так: *доминирующее место в составе средних слоев большинства высокоразвитых капиталистических стран стали занимать прослойки служащих и интеллигенции и незначительное — мелкая буржуазия города и деревни*.

В США в составе работающего населения соотношение между «старыми» и «новыми» средними слоями за прошедшие 80 лет изменилось следующим образом (в %) ¹:

	1870 г.	1910 г.	1950 г.	1954 г.
Мелкая буржуазия города и деревни .	38,5	26,0	13,3	11,9
Служащие и интел- лигенция	7,7	17,2	30,2	32,2

¹ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, 1956, p. 70.

Как видно, соотношение «старых» и «новых» средних слоев изменилось существенным образом: в 1870 г. мелкая буржуазия города и деревни относилась к служащим и интеллигенции как 5:1, а в 1954 г. — как 1:3.

В Англии в конце XIX в. соотношение этих двух частей средних слоев в занятом населении было следующим (в %) ¹:

	1841 г.	1851 г.	1861 г.	1871 г.	1881 г.
Самостоятельные предприниматели .	7	3	2	2	2
Государственные служащие, лица свободных профессий и домашняя прислуга	20	18	20	22	22

В 1951 г. мелкие предприниматели, не пользующиеся наемным трудом, составляли 2,97 процента общего числа населения и 4,98 процента всего самостоятельного населения, а категории служащих, интеллигенции и прислуги — соответственно 22,55 и 37,79 процента ².

Несколько отличное от США и Англии положение с соотношением внутри средних слоев сложилось во Франции. Там также тенденция развития внутри средних слоев сводилась и сводится к тому, что увеличивается вес интеллигенции и служащих и сокращается доля мелкой буржуазии города и деревни. Однако во Франции мелкая городская и сельская буржуазия с самого начала занимала более доминирующее положение внутри средних слоев, чем в других высокоразвитых капиталистических странах (США, Англии, Западной Германии). В силу же специфических исторических условий развития капитализма во Франции, где монополистический капитал никогда не достигал той высоты и широты развития, как в США и подобных странах, во Франции до сих пор сохранилась широкая база для мелкобуржуазных элементов.

¹ Ю. Кучинский, Положение рабочего класса в Англии (1832—1956 гг.), стр. 68.

² С. Ааронович, Британский монополистический капитал, стр. 152—153.

В результате, несмотря на быстрый рост доли служащих и интеллигенции, до настоящего времени во Франции мелкая буржуазия города и деревни составляет около половины всех средних слоев. Так, по переписи 1954 г., ремесленники и мелкие торговцы насчитывали 2030 тыс. человек, а категории служащих и интеллигенции — 4109 тыс. человек¹. Следовательно, их соотношение было 1 : 2. Но нужно иметь в виду, что здесь не учтены мелкие и средние крестьяне, т. е. мелкая буржуазия деревни, которая во Франции насчитывает сотни тысяч человек (все «земледельцы» охватывают 3384 тыс. человек). Так что реальное соотношение во Франции между мелкой буржуазией города и деревни и категориями служащих и интеллигенции будет примерно 1 : 1.

Являются ли данные изменения внутри средних слоев «неожиданными» для марксизма, «непримиримыми» с его положениями, «противоречащими» ему, как пытаются утверждать многие современные буржуазные, реформистские и ревизионистские теоретики.

Конечно, нет. Марксизм и прежде всего его основатели Маркс и Энгельс давно указали на наличие этих тенденций в капиталистическом обществе и дали им исчерпывающее научное объяснение.

Что касается мелкой буржуазии города и деревни, то Маркс давно отметил и научно объяснил присущую мелкой буржуазии тенденцию размывания в процессе развития капитализма, уменьшения ее численности и доли в составе средних слоев и всего населения. Коренная причина такого распада и рассасывания мелкой буржуазии города и села кроется в том, что она не представляет основные, господствующие при капитализме и империализме капиталистические производственные отношения.

Распадение средних слоев мелкой буржуазии города и деревни на буржуазию и пролетариат вовсе не означает, что они должны совсем исчезнуть с развитием капитализма. Капитализм сам в известной мере нуждается в мелком производстве. Часть буржуазии города и деревни всегда рождается именно из мелкого производства. В то же время разоряющиеся капиталисты попадают в ряды мелких буржуа города и деревни, а те

¹ «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 60—62.

в свою очередь вливаются в состав пролетариата. И наоборот, часть рабочих с развитием капитализма становится мелкими буржуа — ремесленниками, владельцами мастерских и т. д. Здесь происходит сложный диалектический процесс, который продолжается в течение всего периода капиталистического развития.

Факты показывают, что в высокоиндустриальных капиталистических странах (США, Англии и др.) наиболее резко сокращается численность и доля мелкой сельской буржуазии и в то же время менее резко уменьшается доля мелкой городской буржуазии. Так, в США за 80 лет доля мелких буржуа-фермеров уменьшилась почти в 5 раз, а мелкой городской буржуазии — менее чем в 2 раза. Отношение мелкой буржуазии в сельском хозяйстве к мелкой городской буржуазии в 1870 г. было 2,5 : 1, а в 1954 г. — 1 : 1¹.

Современные буржуазные, реформистские и ревизионистские теоретики любят заявлять о том, будто рост численности и доли в населении капиталистических стран служащих и интеллигенции является «полностью неожиданным» для марксизма. Английский реформистский теоретик Кросленд в книге «Новые фабианские очерки» указывает на якобы «неожиданное для Маркса увеличение среднего класса за счет технических специалистов и лиц свободных профессий»².

Факты, однако, говорят о том, что Маркс и Энгельс не только не «проглядели» тенденции роста численности и доли в капиталистическом обществе служащих и интеллигенции, но и впервые указали на наличие этой тенденции и дали ей исчерпывающее, единственно научное объяснение.

Прежде всего К. Маркс указал на тенденцию увеличения с развитием капиталистического общества численности и доли в целом всех служащих и интеллигенции.

С точки зрения капиталистического производства подавляющее большинство служащих и интеллигенции является непроизводительным населением. «Производительным трудом, в смысле капиталистического производства, является тот наемный труд, который... производит прибавочную стоимость для капиталиста... Производи-

¹ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, 1956, p. 70.

² C. A. R. Crosland, *New Fabian Essays*, London, p. 42.

тельным является только тот наемный труд, который производит капитал»¹.

Поэтому большинство служащих и интеллигенции в условиях капитализма являются непроизводительными работниками. Исключение составляет прежде всего техническая интеллигенция, ибо к производительному труду причисляются «все виды умственного труда, которые непосредственно потребляются в материальном производстве»².

К непроизводительным работникам, живущим на доход, К. Маркс относит в капиталистическом обществе государственных чиновников, военных, духовенство, судей, адвокатов, врачей и т. д. Это — подавляющее большинство служащих и интеллигенции, исключаящее в основном только инженерно-технических работников.

Говоря о тенденции развития прежде всего данных слоев при капитализме и упрекая Рикардо за упущение этих фактов, К. Маркс писал: «Что он забывает отметить, так это — постоянное увеличение средних классов, стоящих посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и землевладельцами, с другой, — средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч»³.

Здесь Маркс говорит об увеличении именно служащих и интеллигенции, ибо только они живут за счет дохода, а не мелкая буржуазия города и деревни. В. И. Ленин писал: «Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию»⁴.

Так как сами слои служащих и интеллигенции неоднородны и в них входят разные по социальным характеристикам группы людей, Маркс и Энгельс указали тенденции развития при капитализме каждой из этих групп, а также тенденции развития обслуживающего персонала.

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 121.

² Там же, стр. 134.

³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. II, 1957, стр. 577—578.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 183.

Что касается технической интеллигенции, или технических специалистов (директоров, управляющих, инженеров, техников и т. п.), занятой в производстве, то численность ее должна возрастать вместе с качественным развитием производства, требующим, как отмечают Маркс и Энгельс, все нового и нового разделения труда, все новых технических специальностей и профессий. Рост производительности труда, повышение его квалификации, развитие техники, внедрение механизации и автоматизации обуславливают необходимость все большего количества квалифицированных технических работников.

На рост численности технической интеллигенции оказывает также влияние и тот факт, что капиталисты, ранее сами участвовавшие в управлении производством, все более и более превращаются в рантье, живущих «стрижкой купонов».

Функции руководства, управления, планирования и контроля в промышленности, торговле и банках капиталисты все больше передоверяют состоящим у них на службе управляющим, инженерам, мастерам и другим техническим специалистам.

Факты капиталистической действительности подтверждают положение марксизма о росте численности технической интеллигенции с развитием капиталистического производства. В США численность инженеров возрастала за последние 50 лет следующим образом (в тыс. человек) ¹:

1910 г.	1930 г.	1940 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1956 г.
84	215	286	534	633	650	699

В результате резко изменилось соотношение инженеров и промышленных рабочих в США ²:

1890 г.	1 инженер на	290 промышленных рабочих
1948 г.	1	» на 75
1953 г.	1	» на 60

Сильно растет в капиталистических странах слой конторских, канцелярских служащих в промышленности, банках, торговых компаниях и т. д. Это бухгалтеры,

¹ См. «Мировая экономика и международные отношения» № 4, 1957, стр. 128.

² «The Coming Revolution in Industrial Relations 1955—1975», N. Y., 1955, p. 51.

кассиры, калькуляторы и подобные работники, ведущие функцию учета. Их рост свидетельствует о паразитическом развитии современного капиталистического общества, в котором непроизводительная часть населения все увеличивается, а производительная сокращается.

В США доля в работающем населении конторских служащих выглядела таким образом (в %) ¹:

1870 г.	1910 г.	1950 г.	1954 г.
0,6	4,0	12,6	13,1

Как сообщает в своем исследовании группа американских специалистов, «в течение последних 30 лет (с 1925 по 1955 г.—В. С.) в обрабатывающей промышленности ко всей рабочей силе на каждого *одного* производительного рабочего были добавлены *три* конторских служащих. Результатом этого является то, что в настоящее время накладные расходы на администрацию составляют одну из самых больших составных частей расходов в бизнесе. Часто увеличение производительности и продукции, достигнутое на первом этаже фабрики (т. е. производственными цехами.—В. С.), поглощается растущими расходами на конторских служащих» ².

Во Франции служащие канцелярий насчитывали в 1954 г. 1640,5 тыс. человек (как в частном, так и общественном секторах) ³. Это составляло 8,5 процента всего самодеятельного населения Франции и 11,6 процента активного несельскохозяйственного населения. Данное число канцелярских работников превышало общую численность всех инженерно-административных работников и интеллигенции Франции (1369 тыс. человек).

Увеличивается в капиталистических странах и численность торговых служащих. Об этом, в частности, говорят следующие цифры изменения их доли в работающем населении США (в %) ⁴:

1870 г.	1910 г.	1950 г.	1954 г.
2,5	4,6	6,3	6,4

¹ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, 1956, p. 70.

² «The Coming Revolution in Industrial Relations 1955—1975», N. Y., 1955, p. 19.

³ «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 62.

⁴ «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, 1956, p. 70.

В Англии лица, занятые в торговле, финансовых учреждениях и в системе страхования, составляли, по переписи 1951 г., 1398,3 тыс. человек, или 3,69 процента всего английского населения и 6,18 процента самодеятельного населения¹. Во Франции в 1954 г. насчитывалось 440,5 тыс. торговых служащих² (3,1 процента самодеятельного несельскохозяйственного населения). Это больше численности всех преподавателей и деятелей искусств.

С развитием капиталистического общества численность непроизводительного населения, живущего на доход,—служащих, чиновников, различного обслуживающего персонала, части интеллигенции—увеличивается прежде всего за счет повышения производительности труда. «Число живущих на доход может быть велико потому,—говорит Маркс,—что высока производительность производительных рабочих, т. е. велик их прибавочный продукт, которым кормятся прихлебатели. В этом случае труд производительных рабочих не потому производителен, что существует так много прихлебателей, а наоборот, существует так много прихлебателей потому, что труд производительных рабочих столь производителен»³.

Маркс подробно разбирает механику роста этой части средних слоев в результате повышения производительности труда. «Предположим, что производительность промышленности повысилась настолько, что если прежде в материальном производстве непосредственно участвовало $\frac{2}{3}$ населения, то теперь участвует лишь $\frac{1}{3}$ ». Производительное население составляет теперь только одну треть общества, а непроизводительное — две трети.

Из кого теперь состоят эти две трети непроизводительного населения? «Эти $\frac{2}{3}$ состоят теперь частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются), помогающих им проесть доход и дающих или,—если речь идет, например, о политических непроизводительных работниках,—навязывающих им взамен этого эквивалент в виде услуг. Можно

¹ С. Ааронович, Британский монополистический капитал, стр. 152.

² «Economie et Politique» № 26, 1956, p. 62.

³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 266.

предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т. п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут в общем стоять на более высокой ступени образования, чем прежде, и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т. д.»¹

Основоположники марксизма-ленинизма подчеркивают, что с усилением противоречий капитализма особенно должна возрастать численность паразитической части непроизводительного населения. Перед лицом роста классовой борьбы пролетариата буржуазия все более и более укрепляет орудие своего классового господства — государство и государственные органы, и прежде всего армию, полицию и чиновничество.

Капиталистическая действительность за последние 80 лет своего развития самым убедительнейшим образом подтверждает правильность высказанных Марксом, Энгельсом и Лениным положений о тенденциях развития этих категорий служащих и интеллигенции при капитализме.

Увеличивается численность лиц свободных профессий, интеллигенции — врачей, учителей, музыкантов, художников, ученых, изобретателей и т. д.

В США доля лиц свободных профессий, как занимающихся частной практикой, так и состоящих на службе, за последние 80 лет возрастала непрерывно. В целом они составляли следующий процент работающего населения²:

	1870 г.	1910 г.	1950 г.	1954 г.
Занимающиеся частной практикой . .	1,1	1,1	1,1	1,4
Состоящие на службе	1,8	3,4	6,2	7,5
Всего . . .	2,9	4,5	7,3	8,9

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 190—191.

² «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, 1956, p. 70.

Из этих цифр хорошо видно, что подавляющее большинство лиц свободных профессий, интеллигенции ныне являются служащими и довольно незначительная часть продолжает вести частную практику.

Отмечая увеличение числа лиц свободных профессий, следует иметь в виду, что они обслуживают в основном потребности господствующего класса. В целом же численность этой категории лиц недостаточна. Например, Соединенным Штатам, по данным доклада Юинга, в 1960 г. будет не хватать по сравнению с действительными потребностями 42 тыс. врачей, 23 тыс. зубных врачей, 163 тыс. медицинских сестер и 60 тыс. работников учреждений здравоохранения. В отношении больниц, говорится в этом докладе, «мы удовлетворим нужды 1946 года только в 1986 году — с опозданием на 40 лет»¹.

Особенно быстро растет численность паразитической части средних слоев, призванной укреплять господство буржуазии. Факты действительности, говорит Морис Торез, свидетельствуют о наличии тенденции «к увеличению паразитических элементов общества (армии, полиции, чиновников, административного персонала в промышленности, торговле и в кредитных организациях и т. д.)»².

В США, Англии и ФРГ численность государственного аппарата выросла с 1937 по 1955 г. почти в 2 раза³.

В капиталистических странах сильно возрастает численность армии, полиции, тюремного аппарата. Больших размеров достигают органы разведки и контрразведки.

Все эти расходы тяжелым бременем ложатся на плечи трудящихся капиталистических стран. «Рабочий класс испытывает растущие трудности также и потому, — пишет М. Торез, — что становится все более тяжелым лежащее на нем бремя по содержанию непроизводительных категорий общества — от пирата прессы до супре-

¹ Г. Стейн, Мир, построенный на долларе, ИЛ, М., 1954, стр. 210.

² Морис Торез, Новые данные об обнищании трудящихся Франции, М., 1956, стр. 60.

³ См. «Статистические показатели экономического положения капиталистических стран (1950—1955)», Внешторгиздат, М., 1956 стр. 82—83.

фекта и от финансового инспектора до служителя церкви»¹.

В то же время на просвещение, медицину, образование и социальные нужды масс трудящихся капиталистические правительства тратят буквально гроши. На это обычно идет лишь 3—5 процентов ежегодного бюджета. «После войны США стали богаче, чем когда-либо раньше,— пишет американский журналист Г. Стейн,— но они по-прежнему поразительно мало расходуют на нужды здравоохранения. Общая сумма расходов на медицинское обслуживание в США едва составляет половину того, что тратится на азартные игры»². В США не хватает врачей, больниц и лекарств. Ежегодно 500 тыс. американских юношей и девушек бросают вузы по материальным причинам, так и не получив высшего образования. В настоящее время в США не хватает 370 тыс. классных комнат, а в 1960 г. их будет не хватать 720 тыс.³

В такой политике буржуазии, тратящей почти все средства, полученные от эксплуатации рабочих, на свои прихоти, поддержание своего господства и на военные цели и выделяющей крохи на нужды самих трудящихся, нет ничего ни нового, ни удивительного. «В буржуазном обществе буржуазия не могла бы господствовать, если бы она не тратила куша на обеспечение своего господства, как класса, оставляя грош на культурные расходы»⁴.

Помимо служащих и интеллигенции с развитием капиталистического общества увеличивается численность слуг, обслуживающего персонала, деклассированных элементов.

В США домашняя прислуга в начале XX в. составила в самодеятельном населении следующую долю (в %) ⁵:

1900 г.	1910 г.	1920 г.	1930 г.
10,0	10,6	8,8	11,3

¹ Морис Торез, Новые данные об обнищании трудящихся Франции, стр. 60.

² Г. Стейн, Мир, построенный на долларе, стр. 209.

³ «The Coming Revolution in Industrial Relations 1955—1975», N. Y., 1955, p. 4.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 312.

⁵ См. Ю. Кучинский, История условий труда в США с 1789 по 1947 г., ИЛ, М., 1948, стр. 251.

В Англии в 1951 г. было 1755 тыс. лиц, занятых в качестве домашней прислуги. Это составляло 4,63 процента всего населения Англии и 7,76 процента самодеятельного населения¹. Данное количество домашней прислуги превышает число всех занятых в Англии на транспорте и в связи, число лиц свободных профессий и т. д.

Во Франции в 1954 г. было 340,2 тыс. человек домашней прислуги, 231,2 тыс. приходящей прислуги и 436,3 тыс. человек другого обслуживающего персонала². Вместе это насчитывало 1007,7 тыс. человек, что составляло 5,2 процента всего самодеятельного населения и 7,1 процента активного несельскохозяйственного населения. Число слуг и обслуживающего персонала почти вдвое превышало численность инженерно-административных работников (542 тыс.), а также число остальной интеллигенции (827 тыс.).

Из сказанного видно, что марксизм-ленинизм не только не «проглядел» тенденции увеличения в капиталистическом обществе средних слоев служащих и интеллигенции, но специально указал на наличие подобной тенденции и дал ей единственно научное объяснение. Положения марксизма о тенденциях развития в капиталистическом обществе средних прослоек служащих и интеллигенции оказались столь же верными, как и сформулированные им положения о развитии при капитализме классов буржуазии, крупных землевладельцев, пролетариата, мелкой буржуазии города и деревни.

Капиталистическая действительность, конкретные изменения в социальной структуре капитализма за последние 80 лет ни в одном пункте не приходят в какие-либо противоречия с положениями марксистской науки. Изменения в социальной структуре капитализма за последние 80 лет, происшедшие как в соотношении между классами и общественными слоями, так и внутри отдельных классов и общественных прослоек, являются самым убедительным и исчерпывающим доказательством истинности и жизненности марксистско-ленинской теории.

¹ С. Ааронович, Британский монополистический капитал, стр. 152.

² «Economie et Politique» № 26, 1956, р. 62.

2. Буржуазные теории о «среднем классе» и их использование в борьбе с марксизмом

Среди буржуазных и реформистских теорий, паразитирующих на фактах некоторых изменений в социальной структуре капитализма, наиболее распространенной является теория о «среднем классе».

Наблюдая значительный рост в современных высоко развитых капиталистических странах категорий служащих и интеллигенции, буржуазные социологи, будучи не в состоянии дать правильного научного объяснения этому явлению, стали говорить о «коренном» изменении социальной структуры современного капитализма и «колоссальном» увеличении «среднего класса».

Относительное и абсолютное увеличение «среднего класса», в один голос говорят они, ведет к превращению высокоразвитых стран капитализма в «общество среднего класса». «Средний класс» будто бы все более и более поглощает остальные классы капиталистического общества, прежде всего пролетариат и буржуазию. Западногерманский идеолог Герман Порт прокламирует: «...сегодня мы являемся свидетелями окончательного растворения промышленного пролетариата в буржуазном обществе», приводящего к возникновению «нового общества средних классов»¹.

Так как основной частью «среднего класса» многие буржуазные социологи считают служащих, то для них капиталистическое общество превращается в «общество служащих». Буржуазный экономист и социолог Петер Друккер из Нью-Йоркского университета утверждает, что за последние 50 лет американское общество превратилось в «общество служащих», где наниматель и работодатель исчезли².

Немало социологов придерживается мнения, будто вся человеческая история с самого начала была направлена к созданию «общества средних классов». Американский экономист и социолог Генри Грейсон утверждает, что все предыдущие ступени развития человечества (примитивное общество, рабовладельческие государства, феодализм и «период деспотов») были лишь «подготов-

¹ «Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung» № 42, 1954, S. 342—343.

² «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 358.

кой» к появлению «демократически направленного среднего класса». Минуя все эти стадии развития, общество якобы приходит к «конечному триумфу среднего класса», который поглощает определенную часть пролетариата. Период господства «среднего класса» Грейсон называет высшим и наиболее созидющим периодом в развитии общества, а Соединенные Штаты изображает в виде идеального «общества среднего класса». «В сегодняшней Америке,— пишет он,— все мы являемся членами среднего класса»¹.

Превращение современного капиталистического общества в «общество среднего класса», или «общество служащих», означает, по мнению большинства буржуазных социологов, что ныне решающей силой в странах капитализма стали уже не буржуазия и пролетариат, а «средний класс». Французский буржуазный социолог А. Дэкс уверяет, что современный пролетариат «растворяется» в «промежуточном классе», который якобы подчиняет своему руководству капиталистическое общество и ставит в зависимость от себя класс буржуазии².

Рост «среднего класса», провозглашают многие буржуазные и реформистские теоретики, приводит также к ослаблению классовых конфликтов и постепенному «исчезновению» классовой борьбы в странах капитала.

В книге «Новые фабианские очерки» английский реформистский теоретик Кросленд пишет о существовании «...большой аморфной подушки, состоящей из промежуточных классов,... лежащей между высшими и низшими слоями и смягчающей борьбу между ними»³. Эту же мысль проводил в одной из своих последних работ известный теоретик лейбористской партии Дж. Коул. «В передовых капиталистических странах,— говорил он,— произошло большое увеличение численности среднего класса... Как следствие этого, классовая борьба стала менее острой, а социалистическое и профсоюзное движение стало в большей своей части менее революционным и более заинтересованным в достижении частичных реформ».

¹ Н. Grayson, *The Crisis of the Middle Class*, N. Y., 1955, p. 51—52, 98.

² См. «Проблемы мира и социализма» № 4, 1959, стр. 48.

³ C. A. R. Crosland, *New Fabian Essays*, p. 42.

Теория «среднего класса» пропагандируется ныне многими буржуазными идеологами в США, Англии, Франции, Западной Германии и других странах, а также правосоциалистическими и ревизионистскими теоретиками. Отличительной чертой буржуазного мифа о «среднем классе» является то, что в настоящее время он выступает не просто одной из буржуазных теорий, а возведен в официальную государственную доктрину многих капиталистических стран, и в первую очередь США. Легенда о «среднем классе» лежит в основе буржуазной официальной доктрины о «народном» капитализме.

Теорию о «среднем классе» буржуазные социологи и реформистские теоретики используют для борьбы с марксизмом. Рост «среднего класса», заявляют они, полностью опровергает предсказания марксизма о тенденциях развития капитализма, в частности марксистское положение о том, что главной силой, способной покончить с капитализмом и привести общество к коммунизму, является рабочий класс.

Немало буржуазных идеологов пытается ныне доказать, будто предсказанная Марксом и Энгельсом закономерность перехода от капитализма к коммунизму путем установления диктатуры пролетариата уже устарела. Перед современным капитализмом якобы открывается завидная перспектива: самотеком перейти к «бесклассовому обществу» путем поглощения «средним классом» буржуазии и пролетариата и установления таким образом «общества среднего класса».

Что же представляет буржуазная доктрина о «среднем классе» и может ли она служить опровержением марксизма, как пытаются утверждать многие современные буржуазные и реформистские теоретики?

Она создана буржуазными теоретиками без всякого учета отношения людей к средствам производства, их места в системе производственных отношений. Чаще всего для определения «среднего класса» используются критерии занятости или размера дохода, а также многочисленные «индексы» класса.

Однако, как было показано в предыдущих главах, различия в занятости и доходах, а также всевозможные «индексы» игнорируют природу классов и с их помощью невозможно выделить действительные классы. Поэтому у современных буржуазных социологов «средний класс»

оказывается случайной категорией, включающей представителей различных общественных классов и социальных групп. Поскольку буржуазные социологи руководствуются различными критериями классов, постольку и «средние классы» у них оказываются разными.

Так, в январе 1949 г. бывший президент США Трумэн заявил, что членами «среднего класса» в Америке являются те, кто получают в год от 10 тыс. до 25 тыс. долларов дохода. А в 1950 г. министерство финансов США официально объявило, что в «средний класс» входят лица и семьи с доходом от 6 до 25 тыс. долларов в год. Помимо этого в «верхние слои среднего класса» были включены лица с доходом от 25 до 100 тыс. долларов в год, а к так называемым «нижним слоям среднего класса» отнесены все американцы, получающие в год от 3 до 6 тыс. долларов дохода.

В результате произвольного определения рамок «среднего класса» в США в него оказались включенными офицеры, лица свободных профессий, часть зажиточных фермеров, администраторы и лица, работающие на себя, конторские и торговые служащие и большая часть высококвалифицированных рабочих. К «нижним слоям среднего класса» было отнесено около половины квалифицированных рабочих, более трети конторских и торговых служащих и мелких предпринимателей, шестая часть всех фермеров и другие категории людей, а к «высшим слоям» — почти все директора корпораций, бизнесмены, землевладельцы и другие представители крупной и средней буржуазии. Как отмечает американский прогрессивный журналист Г. Стейн, в руках последней группы людей, лицемерно включенной буржуазной официальной доктриной в верхушку «среднего класса», «сосредоточена основная доля экономической мощи страны»¹.

Так же произвольно буржуазные социологи составляют «средний класс», беря за основу критерий рода занятий. Лейбористский теоретик Дж. Коул ввел в «средний класс» в Англии членов самых разных социальных групп, начиная с предпринимателей (за исключением самых крупных) и кончая продавцами и машинистками.

¹ Г. Стейн, Мир, построенный на долларе, стр. 197.

К еще большему произволу в образовании концепции «среднего класса» ведет «субъективный метод» опросов. Западногерманский социолог Гельмут Шельский отнес к «среднему классу» каждого, кто сам считает себя членом «среднего класса», безотносительно к его действительному положению¹.

Рассмотрение многочисленных концепций «среднего класса» позволяет сделать определенные выводы об их сущности.

Прежде всего в «средний класс» буржуазные социологи не включают вообще или включают неполностью мелкую буржуазию города и деревни. Это они делают главным образом потому, что такая операция им невыгодна. Ведь мелкая буржуазия города и деревни, как мы видели, имеет тенденцию постоянного и очень значительного сокращения как по численности, так и по доле в населении капиталистических стран. А это никак не вяжется с тенденцией «колоссального» роста «среднего класса», якобы присущей современным странам капитализма.

В то же время подавляющее большинство концепций «среднего класса» произвольно включает в него часть буржуазии (крупных фермеров, мелких, средних и часть крупных капиталистов города) и, что особенно важно, значительную часть пролетариата (всех квалифицированных и часть полуквалифицированных рабочих).

Если включение в состав «среднего класса» части буржуазии не может особенно увеличить долю «среднего класса» в населении высокоразвитых капиталистических стран, ибо вся буржуазия в них составляет всего от 1 до 5 процентов самостоятельного населения, то включение в него всех квалифицированных и хотя бы части полуквалифицированных рабочих сразу намного увеличивает долю «среднего класса» в социальной структуре капитализма. Достаточно вспомнить, что в занятом населении США в 1950 г. квалифицированные рабочие составляли 14 процентов, а полуквалифицированные — 22 процента самостоятельного населения.

Немудрено поэтому, что за счет отнесения части буржуазии и части пролетариата к «среднему классу» он

¹ *H. Schelsky, Die Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart, Hamburg, 1954.*

сразу превращается у буржуазных социологов в доминирующий, если не единственный, класс капиталистического общества.

Если средние слои составляют ныне в ведущих капиталистических странах в целом примерно 40—50 процентов занятого населения, то у буржуазных социологов эти реальные размеры «среднего класса» оказываются намного преувеличенными. В 1928 г. американские теоретики утверждали, будто «средний класс» в США объединяет «не менее 75 процентов всего населения»¹, хотя в те годы он составлял всего около 44 процентов занятого населения. В настоящее время многие буржуазные социологи говорят, будто «средний класс» в капиталистических странах объединяет 60, 70, 80 и более процентов занятого населения. А упомянутый уже западногерманский социолог Г. Шельский одним росчерком пера превратил всю Западную Германию в «общество средних классов».

Создав насквозь порочную, не соответствующую никаким фактам капиталистической действительности концепцию «среднего класса», буржуазные идеологи легко «доказывают», что развитие «среднего класса» ведет к поглощению всех остальных классов и, таким образом, приводит капитализм к «бесклассовому обществу».

Для этого опять-таки используются не данные о действительном положении средних слоев при капитализме, а данные об изменениях доходов и родов занятий, оперируя которыми буржуазные социологи только и говорят о «колоссальном» росте «среднего класса» и поглощении им всех других классов капиталистического общества. Это не отрицает и английский социолог Т. Маршалл, отмечая, что «с точки зрения объективных фактов распределения дохода и уровня (возможно также стиля) жизни большинство западных обществ развило огромный средний класс (с относительно небольшими группами выше и ниже его)»².

Так, за период 1947—1954 гг. количество американских семей с доходом в 3—7,5 тыс. долларов в год, т. е. семей, произвольно включенных буржуазными социологами в «средний класс», увеличилось с 36 до 52 процентов

¹ «Société des Nations. Organisation d'hygiène. Annuaire sanitaire international», 1928.

² «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, 1956, p. 15.

всех семей, т. е. на 16 процентов¹. Вокруг этих цифр буржуазные ученые, государственные и политические деятели, вся капиталистическая пресса подняли огромный шум: «Происходит колоссальный рост среднего класса!», «Средний класс поглощает все социальные группы населения!»

При этом проповедников мифа о «средних классах» абсолютно не интересует действительное положение с доходами. Факты говорят о том, что номинально, в денежном выражении, годовой доход большинства американских семей действительно возрос за эти семь лет на 34,3 процента. Но за этот же период прожиточный минимум американской семьи увеличился на 37 процентов². И это явилось прежде всего результатом неуклонного роста цен и общего повышения стоимости жизни. Так что с фактической, реальной стороны рост доходов за этот период является фикцией. Он отстает почти на 3 процента от роста прожиточного минимума. Фикцией оказались и разговоры буржуазных теоретиков и правительственных деятелей о якобы происходящем росте «среднего класса» и поглощении им всех остальных классов американского общества.

То же можно сказать и о другом «доводе» — изменениях в родах занятий. За последние десятилетия, как мы видели, в капиталистических странах наблюдается увеличение численности служащих, технических специалистов и лиц свободных профессий. Особенно сильно растет численность чиновничества, армии, полиции и всего государственного аппарата.

Подобные факты, характеризующие в подавляющей части процесс все большего загнивания и паразитизма капиталистической системы, современные буржуазные ученые с невозмутимым видом выдают за «прогресс» капиталистического общества и его «успешное движение» к «бесклассовому обществу».

Таким образом, даже в области распределения доходов и родов занятий не происходит какого-то «колоссального» роста «среднего класса». Тем более не происходит реального, действительного поглощения «средним классом» буржуазии и пролетариата.

¹ «Federal Reserve Bulletin», 1955, June, p. 609.

² «Labor Fact Book» № 9, p. 52; № 12, p. 32.

Конечно, в ходе развития капитализма в средние слои вливается определенная часть выходцев из буржуазии и пролетариата. Разоряющиеся капиталисты становятся мелкими производителями, служащими, интеллигентами. Часть рабочих превращается также в мелких предпринимателей — ремесленников, кустарей, владельцев мастерских. Выходцы из рабочих становятся служащими, попадают в ряды интеллигенции.

Это естественный процесс определенного перехода из противоположных классов в промежуточные слои общества. Ведь промежуточная природа последних как раз и допускает, чтобы в них вливались выходцы из противоположных полюсов — буржуазии и рабочих.

Но еще более естествен и закономерен при капитализме другой процесс — переход представителей средних слоев в ряды буржуазии и главным образом пролетариата — процесс, который свидетельствует уже не о «колоссальном» росте «среднего класса», а о его размывании и уменьшении.

Богатеющие товаропроизводители становятся мелкими и средними капиталистами. Часть высших служащих и представителей интеллигенции, приобретая пакеты акций и собственность на средства производства, превращается в капиталистических собственников. А разоряющиеся представители мелкой буржуазии города и деревни вливаются в состав промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. В ряды рабочих переходит также часть служащих и интеллигенции. Американский буржуазный социолог Т. Кэплов в качестве типичных для современных США приводит случаи перехода в состав рабочих многих низших служащих — учетчиков, младших бухгалтеров, калькуляторов и т. п.¹

Наличие данных двух противоположных процессов — с одной стороны, роста средних слоев, а с другой — их размывания и расслоения — и обуславливает тот существующий в действительности факт, что средние слои с развитием капитализма в целом увеличиваются не на такую большую долю, как это изображают буржуазные социологи.

Объективные законы развития капитализма таковы, что средние слои вообще не могут «поглощать» больше

¹ Т. Caplow, *The Sociology of Work*, Minneapolis, 1954, p. 59.

строго определенной и очень незначительной части рабочего класса. Ведь большинство служащих и интеллигенции живет на доход, т. е. именно на те средства, которые вычитают из заработной платы рабочих. При капитализме, отмечал Маркс, непроизводительные работники «имеют между собой то общее, что, *производя «нематериальные продукты», они потребляют «материальные продукты», т. е. продукты труда производительных рабочих*»¹.

Без рабочего класса и сельскохозяйственных тружеников прослойки служащих и лиц свободных профессий были бы просто невозможны, ибо им не на что было бы жить. «Производительные рабочие создают материальный базис для пропитания непроизводительных работников и, следовательно, для существования этих последних»².

Таким образом, большинство служащих и интеллигенции, вопреки лживым утверждениям буржуазных социологов, никак не могут «поглотить» рабочий класс по той простой причине, что тогда исчез бы материальный базис для их существования. Служащие и интеллигенция никак не могут обойтись без наличия рабочих и сельскохозяйственных тружеников, точно так же, как последние не могут обойтись без инженеров, техников, врачей, учителей, ученых, музыкантов, писателей и т. д.

Следовательно, обе стороны нуждаются друг в друге и никак не могут «поглощать» одна другую. Их взаимное развитие происходит не случайно, не произвольно, как думают современные буржуазные социологи, а строго в соответствии с объективными законами развития капиталистического общества.

Определенный рост численности и доли средних слоев служащих и интеллигенции при капитализме вовсе не ведет к тому, что «средний класс» будто бы начинает играть определяющую роль в развитии капитализма и превращается в решающую силу капиталистического общества, как утверждают буржуазные и реформистские теоретики.

Не представляя собой самостоятельного класса, служащие, технические специалисты и другие слои интеллигенции не могут играть самостоятельной, а тем более

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 257.

² Там же, стр. 158.

определяющей роли в общественном развитии. Интеллигенция, отмечал В. И. Ленин, «занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»¹.

К буржуазии, отмечает Маркс, наиболее тесно примыкает вся паразитическая часть средних прослоек: государственные чиновники, военные, полицейские, попы, судьи, адвокаты и т. п. Само их существование обусловлено прислужничеством классу капитала. «Государство, церковь и т. п. правомерны лишь постольку, поскольку они являются комитетами для управления общими интересами производительных буржуа или для обслуживания этих общих интересов»².

Близость к буржуазии, особая зависимость от нее, получение от нее различных привилегий и подачек — все это привело к особенно широкому распространению среди данной части средних слоев буржуазной идеологии и превратило их в разносчиков буржуазного мировоззрения. Эта часть промежуточных слоев «служит непосредственно в силу своего назначения укреплению безопасности капиталистов и их государства; все они связаны через паразитические функции с образом жизни крупной буржуазии; поэтому идеология капиталистов разделяется этими промежуточными слоями»³.

В то же время среди другой части интеллигенции и служащих имеется немало тех, кто связал свою жизнь с борьбой пролетариата. Они разделяют пролетарскую идеологию и содействуют его борьбе. В их среде пролетариат находит себе все более многочисленных союзников. Это касается прежде всего деятелей науки и культуры, технических специалистов, мелких служащих и других работников умственного труда.

Таким образом, одна часть служащих и интеллигенции связана с пролетариатом, а другая часть находится в услужении у буржуазии. Те группы служащих и интел-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 183.

² К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, 1955, стр. 278.

³ Морис Торез, Новые данные об обнищании трудящихся Франции, стр. 60.

лигенции, которые пытаются встать на «надклассовую» точку зрения, занять некую «самостоятельную» позицию в борьбе классов и сыграть в ней «самостоятельную роль», в лучшем случае обманывают себя, а в худшем — являются проводниками буржуазного влияния.

Тот факт, что служащие, технические специалисты и другие слои интеллигенции не играют самостоятельной и определяющей роли в развитии общества, вовсе не означает, однако, будто их деятельность носит пассивный характер. В борьбе основных классов капиталистического общества представители интеллигенции и лиц свободных профессий играют активную роль, выступая как союзники и помощники тех или иных общественных классов. Связывая свои интересы с интересами определенного класса, интеллигенция выполняет важные идеологические, организационные и руководящие функции.

Коммунистические и рабочие партии, отдавая себе отчет в значении и роли данных прослоек в развитии общества, строят свою работу среди служащих, технических специалистов и лиц свободных профессий таким образом, чтобы изолировать и разоблачать ту часть этих слоев, которая активно служит господствующему классу. Рабочий класс, коммунисты укрепляют союз с прогрессивной частью интеллигенции и служащих, поддерживающей социальные, экономические и политические требования рабочего класса. Преодолевая колебания остальной части служащих и интеллигенции, рабочий класс и его партии объединяются с ними по таким наиболее общим вопросам, как сохранение мира, борьба за демократические требования и права, за гражданские свободы. Оценивая возможности сотрудничества между рабочим классом и служащими и интеллигенцией, французский марксист Р. Делиль писал, что ныне существуют объективные условия «для союза этих средних прослоек с рабочим классом против крупного монополистического капитала»¹.

Что касается утверждений ряда буржуазных и реформистских теоретиков о том, что увеличение средних слоев ведет к ослаблению и исчезновению классовой борьбы в странах капитала, то подобные заявления целиком несостоятельны.

¹ «Economie et Politique» № 28, 1956, p. 67.

Конечно, в период господства капиталистического строя мелкие буржуа города и деревни, служащие и интеллигенция никогда не были столь революционны, как рабочий класс. Но ведь сами по себе они никогда и не вели самостоятельной классовой борьбы с буржуазией или пролетариатом.

Что забывают господа буржуазные и реформистские теоретики, так это то, что с развитием современного империализма происходит все большая поляризация капиталистического общества на две борющиеся части: на одной стороне находится монополистическая и государственно-монополистическая буржуазия с прислуживающей ей частью служащих и интеллигенции, а на другой — рабочий класс и поддерживающие его слои крестьянства, служащих, интеллигенции, мелкой буржуазии города. Интересы рабочих, служащих и интеллигенции все более совпадают в борьбе с их общим врагом — монополистической буржуазией.

А это ведет не к ослаблению и исчезновению классовой борьбы в странах капитализма, а к ее усилению.

Современная буржуазная теория о «среднем классе», о его развитии как «новом пути» перехода капитализма к «бесклассовому обществу», о превращении капиталистических стран в «общество служащих», или в «общество среднего класса», оказывается насквозь антинаучной и реакционной.

Ее полное несоответствие фактам капиталистической действительности настолько очевидно, что от нее вынуждены ныне отмежевываться и некоторые буржуазные ученые. Как заявил на третьем социологическом конгрессе американский ученый Курт Майер, «изображение Америки как общества, где «каждый является членом среднего класса», продолжало существовать уже долгое время после того, как оно перестало соответствовать экономической и социальной действительности»¹. К мысли Майера добавим, что США и не были никогда «обществом среднего класса». Социолог Альфред Мензель вынужден признать, что переход от капитализма к бесклассовому обществу не может строиться на каких-то незначительных изменениях в доходах или занятости. «Пере-

¹ «Transactions of the Third World Congress of Sociology» vol. III, 1956, p. 71.

ход от капитализма к бесклассовому социалистическому обществу влечет более радикальные и далеко идущие изменения, нежели подавление феодального порядка буржуазной системой...»¹

Попытки современных буржуазных, реформистских и ревизионистских теоретиков противопоставить марксизму теорию о «среднем классе», с тем чтобы опровергнуть марксистско-ленинскую теорию классов и классовой борьбы, терпят полное банкротство.

3. Миф об «исчезновении» классов

Буржуазные социологи в борьбе с марксизмом пытаются опровергнуть марксистские положения о тенденциях развития в целом социальной структуры капиталистического общества.

С этой целью они утверждают, будто Маркс и Энгельс предсказывали, что население капиталистических стран в процессе развития капитализма должно все более и более расчленяться только на два класса — буржуазию и пролетариат и в конце концов капиталистическое общество окажется разделенным только на эти классы.

Но этого не произошло, победоносно заявляют буржуазные социологи. Тенденции развития социальной структуры иные, «нежели предсказывал марксизм», повторяют за ними реформисты и ревизионисты. Капиталистическое общество развивается не по линии все большего распределения населения между классами буржуазии и пролетариата, а по линии стирания классовых различий, и прежде всего «уравнения» и «исчезновения» классов буржуазии и пролетариата.

Эти основные тезисы современной буржуазной науки, реформизма и ревизионизма пропагандируются на все лады в многочисленной «научной» литературе.

В трактате «Капитализм в современном мире» Дж. Коул пишет: «Маркс ошибался, предсказывая, что будет происходить усиленная поляризация классов, как следствие капиталистической концентрации и выталки-

¹ Encyclopedia of the Social Sciences», Revolution and Counter-Revolution.

вания промежуточных групп мелкой буржуазии в ряды пролетариата»¹.

По мнению идеологов буржуазии, капиталистическое общество ныне уже не расколото на буржуазию и пролетариат, а пролетариат в нем все более «обуржуазивается» и «депролетаризируется». Буржуазия и пролетариат «уравниваются» между собой и постепенно «исчезают». «Исчезновение» классов происходит прежде всего в главной стране капитализма — США. «Американское общество становится бесклассовым», — без обиняков заявляют американский экономист Х. Кирк и многие другие буржуазные экономисты и социологи США. То же самое якобы происходит и в других капиталистических странах. Западногерманский профессор З. Ландсгут уверял в 1956 г., что в Западной Германии, США и Англии «общества, разделенного на классы, уже не существует»².

Вслед за буржуазными идеологами эти тезисы повторяют и реформистские теоретики. Так называемый «Социалистический союз», существующий в Англии, провозгласил: «Наше общество больше не расколото на два различных класса, отделенных друг от друга пропастью»³. Лейбористский деятель Р. Кроссмен заявил, будто «буржуазия, такая, как ее описал Маркс, больше не существует, или, вернее, осталась лишь исчезающая группа, которая напоминает о ее былом господстве. Не существует больше и пролетариата в марксистском понимании этого слова, или, вернее, сохраняется лишь остаток, напоминающий о прошлых несчастьях»⁴. А реформист А. Кросленд утверждает, что «к 1951 г. Англия во всех существенных чертах перестала быть капиталистическим обществом»⁵.

При ближайшей проверке и сопоставлении с действительностью эти тезисы оказываются несостоятельными.

Откуда берут буржуазные и реформистские теоретики якобы марксистские положения о необходимости расчленения капиталистического общества только на два

¹ См. «Коммунист» № 17, 1957, стр. 76.

² «Gewerkschaftliche Monatshefte» № 8, 1956, S. 454.

³ «Socialism», 1952, p. 39.

⁴ «The Listener», August 12, 1948.

⁵ C. A. R. Crosland, New Fabian Essays, p. 42.

класса — буржуазию и пролетариат? Их обычная и единственная в этом случае ссылка — на известное положение, сформулированное Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии».

Что говорится в этом марксистском положении? Вот полностью данный раздел: «В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»¹.

Что следует из данного положения Маркса и Энгельса? Разве из него вытекает, что эпоха буржуазии упростила социальную структуру капитализма так, что в капиталистическом обществе не осталось никаких классов, кроме буржуазии и пролетариата? Ничего подобного.

В данном случае Маркс и Энгельс говорят о том, что эпоха буржуазии *упростила классовые противоречия*, а не классовую структуру. Раньше, в обществе рабовладельческом и феодальном, классовые противоречия выступали в более сложной форме. Противоречия между многочисленными классами, сословиями и слоями, о которых Маркс и Энгельс говорят в начале приведенной цитаты, не сводились только к противоречиям между двумя основными классами. Общество не выступало еще в виде только двух враждебных лагерей.

Иное дело в капиталистическом обществе. Здесь классовые противоречия упростились. Борьба сконцен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424—425.

трировалась вокруг двух основных классов — буржуазии и пролетариата. Государственный аппарат, высшие государственные служащие выступают в этой борьбе на стороне буржуазии. Средние слои мелкой буржуазии города и деревни или занимают реакционную позицию и объединяются с буржуазией против пролетариата, или покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата. Люмпен-пролетариат «местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней»¹.

Вот о чем говорят Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»: об упрощении классовых противоречий и сосредоточении всей классовой борьбы вокруг двух классов — буржуазии и пролетариата, а не об упрощении социальной структуры.

Если бы буржуазные и реформистские «критики» марксизма внимательней читали «Манифест Коммунистической партии», то они увидели бы, что в этом произведении Маркс и Энгельс вовсе не допускают мысли о поляризации капиталистического общества только на буржуазию и пролетариат. Маркс и Энгельс подчеркивают, что в капиталистическом обществе не только расслаивается, но и «постоянно вновь образуется — новая мелкая буржуазия»², появляются новые наемные служащие, надзиратели в производстве, писатели и т. д., что над пролетариатом возвышается целая надстройка из различных слоев.

Таким образом, буржуазные и реформистские теоретики приписывают марксизму то, чего у него нет.

Если в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс и говорят о росте пролетариата в капиталистическом обществе, то речь идет именно о промышленном пролетариате, а не о пролетариате в целом, включая и сельскохозяйственных рабочих. Факты развития капитализма за прошедшие 100 лет полностью подтверждают наличие подобной тенденции. Если во время написания «Манифеста Коммунистической партии» промышленный пролетариат составлял приблизи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 434.

² Там же, стр. 450.

тельно 15—30 процентов самостоятельного населения ведущих капиталистических стран, то теперь он составляет 40—50 процентов занятого населения высокоразвитых стран капитализма.

Так полностью рушится тезис буржуазной науки и реформистско-ревизионистских теоретиков о «несостоятельности» предсказаний марксизма в отношении тенденций развития социальной структуры капиталистического общества.

Насквозь порочными оказываются и буржуазные теории об «исчезновении» классов в современных высоко развитых странах капитализма.

Исходя из своих антинаучных трактовок классов, буржуазные социологи выдают всякие частичные и несущественные изменения в доходах, занятости, образовании, внешней одежде, образе жизни и т. д. за такие изменения в «классах», которые якобы ведут к их «уравнению» и постепенному «исчезновению».

Буржуазные экономисты и социологи США в послевоенные годы создали «теорию» о так называемой «революции в доходах», якобы происшедшей в США и в некоторых других капиталистических странах. Авторы этой теории пытаются доказать, будто в результате этой «революции» богатые в США стали беднее, а бедные богаче и на основе их «уравнения» в американском обществе «исчезли» классы, установился «классовый мир» и воцарился «народный» капитализм.

В результате такого «уравнения» сами страны капитала, и прежде всего США, превращаются в «идеальные», «бесклассовые» общества. Например, американские буржуазные экономисты Э. Джонсон и Г. Крусс в книге «Возникновение и развитие американской экономики» пишут без всяких оговорок: «Довольно парадоксально, но именно капиталистическое общество дало практическое применение афоризму Маркса: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Как утверждает американский историк Ш. Клаф, «уравнение» в распределении доходов между бедными и богатыми превратило США в «образец экономического прогресса»¹. А французский журналист Раймон Картье

¹ S. Clough, *The American Way*, N. Y., 1953.

без зазрения совести заявляет, будто «сглаживание» в доходах превратило современную Америку в страну «счастливых маленьких людей»¹.

Другая буржуазная теория об «исчезновении» классов в странах капитализма зиждется на концепции о «демократизации капитала» и «диффузии собственности», согласно которой классы исчезают якобы в результате распространения акций среди населения и превращения трудящихся в собственников и капиталистов.

«Концепция «трудящихся масс» становится смешной», — беспартийно заявила на третьем социологическом конгрессе Джесси Бернارد. Но почему «смешной» и почему «исчезли» трудящиеся массы и класс рабочих? Оказывается, это происходит потому, что «почти невозможно провести различие в уличной одежде между группой рабочих и группой бизнесменов»². Данный пример наглядно показывает, что «смешными» оказываются не концепции «трудящихся масс», а взгляды Джесси Бернарда и подобных ей буржуазных социологов, пытающихся выдать изменения в одежде, внешнем облике, в районах проживания людей за «доказательства» изменения их классовой принадлежности.

Согласно взглядам буржуазных теоретиков «многоизмеримой стратификации», все эти так называемые изменения в доходах, типах жилища и т. д. касаются главным образом «экономической системы» «социальной стратификации», ведущей к делению общества на «классы». В остальных же двух системах стратификации — «социальной» и «политической» — буржуазные социологи подобных изменений не замечают. Отсюда следует их антинаучный вывод, что на место «исчезающих» классовых различий приходят групповые различия.

Однако и на этом, утверждают буржуазные теоретики, не останавливается процесс «уравнивания» и «исчезновения» всех социальных различий. Различия между группами также постепенно «исчезают», и на их место приходят только индивидуальные различия. «Сегодня, — заявляет западногерманский социолог Герман Порт, —

¹ R. Cartier, *Les Quarante-Huit Amériques*, Paris, 1953, p. 434.

² «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. III, 1956, p. 26.

социальные различия сглаживаются все больше, и остаются лишь различия индивидуальные»¹.

Антинаучность приведенных выше утверждений буржуазных социологов очевидна. Марксизм вовсе не отрицает возможности отдельных изменений в области доходов, образования, потребления, занятости при капитализме. Такие изменения не только возможны, но и неизбежны, поскольку капиталистическое общество не стоит на месте и в нем постоянно происходит борьба классов и отдельных групп населения. Однако эти изменения могут носить только количественный, ограниченный характер в рамках сохраняющегося качественного неравенства классов или касаться лишь отдельных лиц и групп людей.

Посмотрим, например, что происходит в капиталистических странах, и прежде всего в США (ибо именно там якобы произошла «революция в доходах»), с распределением доходов.

Необходимо признать, что в период после окончания второй мировой войны рабочий класс ряда высокоразвитых капиталистических стран, главным образом США, добился некоторого повышения своего жизненного уровня.

Марксизм не отрицает факт некоторого повышения жизненного уровня американских рабочих. Он дает ему научное, конкретное и аргументированное объяснение. Марксизм отрицает и отбрасывает как несостоятельные не сами действительные факты, а те лживые выводы и заключения, которые буржуазная пропаганда и наука пытаются вывести из этих фактов.

Прежде всего следует иметь в виду, что повышение жизненного уровня у определенных групп рабочих произошло главным образом или почти единственно в Соединенных Штатах Америки. Во многих высокоразвитых капиталистических странах Европы (не говоря уже о странах Азии, Латинской Америки и т. д.) жизненный уровень трудящихся почти не повысился, а в ряде стран даже снизился. После второй мировой войны жизненный уровень американских рабочих был намного выше жизненного уровня широких масс трудящихся

¹ «Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung» № 42, 1954, S. 342—343.

Италии, Франции, Бельгии, Японии, Англии, Западной Германии и других стран.

Почему же именно в США стало возможным повышение жизненного уровня определенных слоев рабочих? Отвечая на этот вопрос, У. Фостер пишет: «Относительно более высокий уровень жизни американских рабочих по сравнению с другими капиталистическими странами вызывается рядом причин. Он коренится в особых исторических условиях: нехватке рабочих рук для строительства колоссальной промышленности и накоплении богатства в Соединенных Штатах на протяжении минувших двух столетий. Большую роль сыграло в данном случае и то, что Соединенные Штаты избежали опустошений двух мировых войн. Некоторые сомнительные экономические преимущества принесло американским рабочим и господствующее положение Соединенных Штатов в империалистическом мире в течение последних десятилетий. Особенно это относится к настоящему моменту, когда Америка эксплуатирует не только колониальные народы, но также и народы других капиталистических стран. Энгельс и Ленин особо отмечали, что рабочие получают крохи с пиршественного стола империалистических эксплуататоров. Основные плоды получают квалифицированные рабочие, но кое-что в виде более постоянной занятости перепадает и широким массам рабочего класса. Именно это и происходит сейчас в Соединенных Штатах в небывалых масштабах»¹.

Империалисты США за счет накопления огромных богатств имели возможность идти на уступки рабочим. Империалисты же других капиталистических стран этих возможностей не имели. Поэтому пролетариат других стран даже при более сильной классовой борьбе, чем в США, не смог добиться заметного повышения уровня жизни.

В капиталистических условиях богатство страны само по себе еще вовсе не ведет к повышению жизненного уровня трудящихся. Оно создает только потенциальную возможность для такого повышения. Но эту возможность еще надо превратить в действительность.

Только ожесточенная и постоянная классовая борьба трудящихся масс вынуждает господствующую монопо-

¹ У. З. Фостер, Очерки мирового профсоюзного движения, Профиздат, М., 1956, стр. 703—704.

листическую буржуазию идти на уступки. Только сами рабочие благодаря непрерывным усилиям могут вырвать у буржуазии незначительную часть богатств, созданных ими самими. Как справедливо отмечает В. Перло, «эти улучшения произошли не из-за щедрости американского капитализма, а благодаря усилиям самих рабочих»¹.

Является ли подобное, завоеванное в классовой борьбе, повышение жизненного уровня трудящихся чем-то необычным для капитализма, якобы изменяющим его природу, превращающим его в «народный» капитализм и «бесклассовое общество»? Ничего подобного. Как верно замечает В. Перло, «невзирая на недавнее улучшение, жизненный уровень американских рабочих фантастически низок по сравнению с тем, каким он мог бы быть при социалистической организации общества. Особенно заметно отсутствие многих социальных и культурных благ, которые обеспечиваются социализмом»².

Какую же долю национального дохода получают трудящиеся США, добившиеся некоторого повышения своего жизненного уровня? По уточненным данным, доля в национальном доходе США рабочих, трудящихся крестьян, ремесленников, производственной интеллигенции и обслуживающих их лиц составляла (в %) ³:

1947 г.	1950 г.	1952 г.
28,8	27,1	25,4

В 1950 г. все трудящиеся США, не эксплуатирующие чужого труда, получили 44,1 процента национального дохода⁴.

А какую долю национального дохода получают трудящиеся социалистических стран, в частности СССР? В среднем за последние годы на удовлетворение личных материальных и культурных потребностей трудящихся

¹ В. Перло, Основные черты экономики послевоенного американского империализма, «Вопросы философии» № 5, 1957, стр. 123.

² Там же, стр. 122.

³ См. А. Пальцев, Национальный доход при капитализме, Госполитиздат, 1954, стр. 81.

⁴ См. там же, стр. 63.

в СССР расходовалось около 75 процентов национального дохода¹.

Это означает, что все трудящиеся США, не эксплуатирующие чужого труда, в условиях капиталистической Америки получают почти в 2 раза меньше той доли национального дохода, которую получают в условиях социализма трудящиеся СССР.

Трудящиеся США в целом живут ныне почти в 2 раза хуже, чем они жили бы в условиях социалистического общества, а такие категории американского населения, как рабочие, трудящиеся крестьяне, ремесленники, производственная интеллигенция и обслуживающие их лица, живут в 3 раза хуже, чем они могли бы жить, если бы в Соединенных Штатах Америки был социализм.

Капиталистический строй не может дать трудящимся качественного, радикального улучшения их жизненных условий.

Что касается количественного повышения жизненного уровня трудящихся при капитализме, то оно никоим образом не является ни необычным для капиталистического общества, ни якобы меняющим его природу и сущность.

Маркс указывал, что повышение жизненного уровня рабочих является вполне закономерным событием для капиталистического общества, причем такое повышение свойственно капитализму именно в периоды, предшествующие кризисам и кризисным явлениям. «Было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей... Кризисы каждый раз подготавливаются как раз таким периодом, когда происходит общее повышение заработной платы и рабочий класс действительно получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления. Такой период — с точки зрения этих рыцарей простого (!) и здравого человеческого смысла — должен бы, напротив, отдалить кризис. Итак, видно, что капиталистическое производство заключает в себе условия, которые не зависят от доброй или злой воли и которые

¹ См. А. Петров, Национальный доход СССР, «Московский рабочий», 1954, стр. 37.

допускают относительное благополучие рабочего класса только на время, да и то лишь в качестве буревестника по отношению к кризису»¹.

Ведет ли определенное повышение жизненного уровня трудящихся США и некоторых других капиталистических стран к «уравнению» различий между классами буржуазии и пролетариата хотя бы только в области распределения и доходов? Факты капиталистической действительности говорят совершенно обратное.

Хотя в США и некоторых других капиталистических странах уровень жизни трудящихся несколько повысился, доходы буржуазии не снизились, а увеличились. В результате неравенство между буржуазией и пролетариатом не только не исчезло, а, наоборот, еще более возросло.

Возьмем, например, данные о распределении национального дохода в ведущих капиталистических странах, и прежде всего в США. Национальный доход распределялся в США следующим образом (в %) ².

	1947 г.	1950 г.	1952 г.
Доля рабочих, трудящихся крестьян, ремесленников, производственной интеллигенции и обслуживающих их лиц . . .	28,8	27,1	25,4
Доля остальных групп населения, не эксплуатирующих чужого труда, но занятых в непроизводственных отраслях.	17,2*	17,0	16,0*
Доля буржуазии и обслуживающих ее лиц (плюс военные и др. расходы)	54,0*	55,9	58,6*

* Данные приблизительные.

В подтверждение версии о так называемой революции в доходах, якобы произошедшей в США, американский буржуазный экономист Симон Кузнец в широко разрекламированной книге «Доля лиц с высоким доходом в национальном доходе и сбережениях» утверждает, что доля лиц с наиболее высокими доходами, составляющих 5 процентов населения США, снизилась в пе-

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, 1955, стр. 411.

² См. А. Пальцев, Национальный доход при капитализме, стр. 60, 63, 81.

риод 1939—1947 гг. с 30 до 18 процентов национального дохода. Доля же 1 процента населения США с наивысшими доходами якобы уменьшилась с 1928 по 1948 г. с 13,42 до 8,4 процента.

Подобные подсчеты С. Кузнеца, как показал в своей книге ««Революция» в доходах» В. Перло, являются фальсифицированными. С. Кузнец при вычислении доходов американских магнатов опускает ту часть доходов, которую они оставляют в виде нераспределенных прибылей, те доходы, которые они утаивают от обложения налогами. На самом деле, отмечает В. Перло, доля в национальном доходе 1 процента населения США в 1948 г. составляла 17,2 процента (а не 8,4 процента, как у С. Кузнеца), а доля 5 процентов населения — 32,6 процента (а не 18 процентов, как у Кузнеца) ¹.

Таким образом, доля в национальном доходе США 5 процентов наивысших получателей дохода в период 1939—1948 гг. возросла с 32,1 до 32,6 процента, а доля 1 процента наивысших получателей с 1939 по 1948 г. увеличилась с 16,6 до 17,2 процента. А это означает, что «революция в доходах» в США состоит не в чем ином, как в увеличении доходов капиталистов.

Подобное же положение в других капиталистических странах. В Англии в послевоенный период быстро увеличились прибыли капиталистов, в то же время доля заработной платы рабочих и служащих уменьшалась. В результате соотношение все время менялось не в пользу трудящихся, а в пользу буржуазии. По официальным данным, из «общих доходов промышленности» Англии на долю капиталистов и трудящихся падало (в %) ²:

	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Доля капиталистов	32,4	34,4	37,4	38,6	39,3	39,5	39,3
Доля рабочих и служащих . . .	67,6	65,6	62,6	61,4	60,7	60,5	60,7

¹ V. Perlo, The Income «Revolution», N. Y., 1954, p. 47.

² См. Ю. Кучинский, Положение рабочего класса в Англии (1832—1956 гг.), стр. 197.

В 1924 г. на долю трудящихся Англии приходилось 45 процентов национального дохода, в 1948 г.— 40,5, а в 1954 г.— всего 39,6 процента.

Во Франции произошли следующие изменения в распределении национального дохода (в %) ¹:

	1938 г.	1950 г.
Буржуазия (крупные капиталисты и аграрии)	34,5	57
Рабочие и служащие	45	34
Трудящиеся крестьяне	8,5	5

Повышение жизненного уровня трудящихся в США и некоторых других капиталистических странах вовсе не означает, что оно одинаково касается всех слоев рабочего класса и якобы выравнивает различия между ними.

Уровень жизни повышается в первую очередь у рабочей аристократии, бюрократии, квалифицированных рабочих. Именно для этой категории лиц и повышают прежде всего заработную плату капиталистические предприниматели. При этом у представителей рабочей аристократии и части квалифицированных рабочих заработная плата может не только полностью соответствовать стоимости их рабочей силы, но и превышать ее за счет того, что у массы неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих заработная плата обычно значительно ниже полной стоимости их рабочей силы.

Поэтому в США существуют довольно резкие различия в уровне жизни 29 процентов квалифицированных рабочих и 45 процентов полуквалифицированных и 26 процентов неквалифицированных рабочих (в 1950 г.). Повышение жизненного уровня коснулось в основном примерно 20—30 процентов рабочих и в гораздо меньшей степени основной массы трудящихся США.

Различия в уровне жизни имеются и между организованными и неорганизованными в профсоюзы трудящимися. В США «жизненный уровень ²/₃ неорганизованных рабочих отстает от уровня жизни членов профсоюзов» ².

¹ См. А. Пальцев, Национальный доход при капитализме, стр. 61, 63.

² В. Перло, Основные черты экономики послевоенного американского империализма, «Вопросы философии» № 5, 1957, стр. 123.

Очень большие различия существуют в капиталистических странах, и прежде всего в США, в уровне жизни и заработной плате белых и цветных трудящихся, особенно негров. В 1954 г. средний годовой доход белой семьи равнялся 4339 долларам, а небелой семьи — 2410 долларам, т. е. на 44 процента меньше¹. Подобное неравенство в зарплате касается миллионов людей. Достаточно сказать, что в 1956 г. в США проживало более 18 млн. человек небелых, из них 17,5 млн. — негры (96 процентов), а остальные — индейцы, китайцы и японцы. В 1955 г. в США было около 7 млн. негритянских рабочих, что составляло примерно 11 процентов всех занятых на гражданской работе².

Наконец, «высокий» жизненный уровень у трудящихся вовсе не проявляется во всех сторонах жизни: и в высокой заработной плате, и во владении машиной, домом и т. д. «Средний» уровень жизни рабочих далеко не сродни версии, распространяемой Голливудом и американской информационной службой. Слишком часто повышение жизненного уровня рабочих носит односторонний характер. Одна семья щеголяет хорошим автомобилем, но живет в трущобе. Другая семья ограничивает себя в питании для уплаты по закладной. Большинство рабочих не может выехать за город в отпуск или получить во время отпуска необходимое лечение»³.

Совокупность всех этих различий ведет к тому, что в настоящее время, как и до повышения жизненного уровня, большинство трудящихся США живет в тяжелых материальных условиях. Жизненный уровень, заработная плата и доходы большинства рабочих и трудящихся США таковы, что не может быть и речи о каком-то выравнивании в доходах и уровне жизни между буржуазией и пролетариатом, о стирании классовых различий и «исчезновении» классов в американском обществе, не говоря уже о других капиталистических странах.

В США существующий при Калифорнийском университете так называемый комитет Геллера почти ежегодно вычисляет прожиточный минимум для рабочей семьи из

¹ См. «Факты о положении трудящихся в США (1955—1956 гг.)», ИЛ, М., 1958, стр. 108.

² См. там же, стр. 101—102.

³ В. Перло, Основные черты экономики послевоенного американского империализма, «Вопросы философии» № 5, 1957, стр. 122.

четырёх человек. Бюджет составляется таким образом, чтобы обеспечить основные потребности отца, матери, сына 13 лет и дочери 8 лет. В него входят расходы на продукты питания, одежду, оплату квартиры и воды, расходы по дому, т. е. на содержание жилища, на предметы домашнего обихода (например, мебель), на медицинскую помощь, страхование, на минимум развлечений и на налоги.

Как же изменялся за послевоенное десятилетие процент семей в США, получающих менее прожиточного минимума? Вот данные на этот счет, которые ввиду некоторого несовпадения по годам и по количеству семей с определенным прожиточным минимумом пришлось несколько скорректировать¹:

	1945 г.	1947 г.	1949 г.	1951 г.	1953 г.	1955 г.
Прожиточный минимум семьи (в долл.)	3 576 (1946 г.)	3 894	4 040	4 533	5 335 (1954 г.)	5 465
Общее количество семей в США (в млн.)	46	48,4	52	53	55	56
Количество семей, получающих менее прожиточного минимума (в тыс.)	32 200 (менее 3 000 долл.)	36 784 (менее 4 000 долл.)	37 960 (менее 4 000 долл.)	41 870 (менее 5 000 долл.)	37 950 (менее 5 000 долл.)	34 560 (менее 5 000 долл.)
Процент данных семей	70	76	73	79	69	64
Скорректированный процент семей в США, получающих менее прожиточного минимума . . .	73—74	73—74	73	72	72—73	69—70

Из приведенных цифр официальной статистики видно, что в США постоянно более 70 процентов всех се-

¹ «Труд и капитал в США», ИЛ, М., 1949, стр. 57, 60; «Факты о положении трудящихся в США»: (1947—1948 гг.), М., 1949, стр. 51—53; (1949—1950 гг.), М., 1952, стр. 43, 44, 53; (1951—1952 гг.), М., 1954, стр. 25, 26, 42; (1953—1954 гг.), М., 1956, стр. 30, 43; (1955—1956 гг.), М., 1958, стр. 39, 40.

мей получают менее прожиточного минимума. Если даже прожиточный минимум еще более урезать, т. е. свести его к самым необходимым расходам, то и тогда в США окажется более 50 процентов семей, не имеющих и этого урезанного прожиточного минимума.

Современная американская официальная статистика рассматривает семьи, получающие менее 1 тыс. долларов в год, как находящиеся в состоянии полной нищеты. И это действительно так. Из 1 тыс. долларов семья в состоянии, по официальным подсчетам, истратить на питание 407 долларов в год, или 7—8 долларов в неделю¹. Остальное поглощают самые минимальные расходы на жилье, отнимающие у трудящихся США не менее четверти заработка, и другие расходы, без которых нельзя существовать.

Что значит тратить на питание 7 долларов в неделю? Ответ на этот вопрос дала газета «Нью-Йорк геральд трибюн», которая опубликовала 14 октября 1955 г. следующую заметку: «Новый Орлеан. Умер от голода шестилетний мальчик. Его последние слова были просьбой дать ему бутерброд. Полиция сообщила, что его старший брат тяжело болен от недоедания... Мать ребенка г-жа Богман сказала, что ее муж уже месяц страдает от нервной болезни и она кормит семью на 7 долларов в неделю. Врачи сообщают, что шестилетний Вильям Богман умер сегодня на заре после того, как жаловался, что он голоден... Г-жа Богман заявила, что она неделями ждала, чтобы ее мужа приняли в больницу для ветеранов. «Я считала, что сделала все, что могла, имея 7 долларов на питание в неделю»».

В послевоенные годы в США на 7 долларов на питание в неделю или на 1 тыс. долларов в год жило следующее количество семей²:

	1945 г.	1947 г.	1949 г.	1951 г.	1953 г.	1955 г.
В тыс.	9200	6776	7280	6890	5500	5940
В % от общего числа семей	20	14	14	13	10	11

¹ См. «Правда», 12 января 1956 г.

² См. «Труд и капитал в США», М., 1949, стр. 57; «Факты о положении трудящихся в США»: (1947—1948 гг.), М., 1949, стр. 52; (1949—1950 гг.), М., 1952, стр. 44; (1951—1952 гг.), М., 1954, стр. 26; (1953—1954 гг.), М., 1956, стр. 30; (1955—1956 гг.), М., 1958, стр. 40.

Наблюдаемое здесь уменьшение числа семей, живущих в полной нищете, не совсем соответствует действительности, так как за эти годы в США резко возросла стоимость жизни, и поэтому если для 1955 г. высшей границей состояния нищеты была 1 тыс. долларов в год, то для предыдущих лет граница лежала на уровне примерно 900—800 долларов. Поэтому количество семей, находящихся в состоянии полной нищеты, за послевоенные годы не только не уменьшается в США, но возрастает. Так, по официальным данным американского конгресса, количество семей, находящихся в полной нищете, за шесть лет (1948—1954 гг.) увеличилось на 249 тыс. семей¹.

Как бы то ни было, в 1955 г. в США было 6 млн. семей, живущих в полной нищете. Это около 20—30 млн. человек! О каком уж «высоком» уровне жизни могут говорить эти миллионы американцев!

В послевоенные годы в США имел место рост заработной платы. Пропагандисты «американского образа жизни», буржуазные ученые и реформисты сумели заметить эти факты и постарались их раздуть до небывалых размеров. Но одновременно в США росла стоимость жизни, росли налоги, увеличивалась задолженность, т. е. все то, что для большинства семей американских трудящихся означало не повышение, а понижение реального жизненного уровня. Этих фактов буржуазные идеологи и реформисты стараются не замечать. Почему? Да потому, что они им не выгодны.

Как сообщал в начале 1957 г. журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт», ссылаясь на официальные данные, в результате роста цен на товары широкого потребления стоимость жизни в США к концу 1956 г. возросла по сравнению с 1950 г. на 16 процентов. В конце 1956 г. фунт хлеба стоил на 24 процента дороже, чем в 1950 г., мужской костюм — на 12 процентов, постройка жилого дома обходилась на 41 процент дороже, чем в 1950 г.

В огромной степени возросли за последние годы налоги в капиталистических странах. В США сумма косвенных налогов возросла с 1892 по 1952 г. в 221 раз, в Англии с 1890—91 г. по 1950—51 г. в 24 раза².

¹ См. «Правда», 12 января 1956 г.

² См. А. Пальцев, Национальный доход при капитализме, стр. 98.

С каждым годом увеличивается задолженность населения по ссудам на приобретение домов, за обстановку, холодильники и другие предметы домашнего обихода, купленные в рассрочку.

В США в конце 1956 г. общая задолженность составляла 49,1 процента полученных личных доходов. Так что если бы население США захотело расплатиться с долгами, то оно должно было бы отдать половину всех полученных доходов. Из остальной половины доходов 30—40 процентов оно должно было бы уплатить по налогам. Жить же миллионам трудящихся было бы не на что. Такова оборотная сторона «высокого» уровня жизни трудящихся в США.

Как отмечает В. Перло, хотя у рабочих и увеличились размеры личной собственности, «однако они оказались в долгах, которые составляют значительную часть стоимости их имущества. Их личное материальное положение неустойчиво, уплата долгов, в том числе 36% годовых по вышеупомянутым долгам, вызывает систематическое сокращение текущих расходов на другие жизненные потребности»¹.

Происходящее в капиталистических странах, и прежде всего в США, быстрое повышение цен на товары и продукты первой необходимости, рост стоимости жизни, огромное увеличение налогового бремени, неуклонное возрастание задолженности за купленные в рассрочку вещи сводят на нет повышение заработной платы у основной массы трудящихся и намного ухудшают их материальное положение. О каком же тут стирании различий в распределении доходов и об «исчезновении» классов в странах капитализма может идти речь!

Однако усиление различий в доходах, получаемых буржуазией и пролетариатом, еще не отражает всей противоположности в области распределения, существующей в современном капиталистическом обществе между рабочим классом и классом капиталистов.

Марксизм вовсе не сводит различия в распределении только к различиям в размерах формально получаемых доходов. Классовые различия в распределении выражаются не только и не столько в том, что *получают*

¹ В. Перло, Основные черты экономики послевоенного американского империализма, «Вопросы философии» № 5, 1957, стр. 121.

люди, т. е. что они регулярно имеют в виде прибыли, зарплаты, ренты и т. п., а главным образом в том, чем и какими общественными богатствами они *располагают*.

Марксистское понимание различий в области распределения исходит из того простого факта, что регулярно получаемые людьми доходы не только сразу потребляются, но и овеществляются, материализуются в виде приобретения различных средств потребления (домов, автомобилей, загородных вилл, яхт и т. д.), создания запасов и дополнительных источников дохода (сбережений, акций, ценных бумаг), в виде покупки новых средств производства (заводов, рудников, земли), приносящих новые доходы, и т. д. Одним словом, распределяемые между различными классами доходы овеществляются в виде определенных общественных богатств.

Только разница в размерах и долях общественного богатства, которыми располагают различные классы, может дать полную картину существующих различий в области распределения. Класс, владеющий средствами производства, постоянно присваивает себе подавляющую часть общественного богатства. Поэтому его благосостояние измеряется главным образом не регулярно получаемыми доходами, а теми богатствами, в которых уже овеществился полученный им доход.

В противоположность этому класс, лишенный средств производства, оказывается почти полностью лишенным и общественных богатств. Его «благосостояние» измеряется главным образом регулярно получаемыми доходами, ибо овеществленных богатств у него почти нет.

Буржуазные социологи и реформистские теоретики сводят все различия в распределении только к различиям в размерах регулярно получаемых официальных доходов, которые даже не отражают действительно получаемых доходов, часто скрываемых от обложения налогами. Это они делают потому, что, оперируя данными о распределении между классами общественных богатств, им труднее подтасовывать «доказательства» для тезиса о «стирании» различий между классами.

В 1946 г. национальное богатство США оценивалось в 630—670 млрд. долларов, а в 1949 г. — в 684 245 млн. долларов¹.

¹ См. Г. Г. Стейн, Мир, построенный на долларе, стр. 257.

Как же были распределены между буржуазией и пролетариатом эти национальные богатства?

В 1946/47 г., по данным министерства финансов, около 300 млрд. долларов, или почти половина всего национального богатства, принадлежало 1250 тыс. человек в США, составляющим всего 0,8 процента американского народа¹.

К 1950 г., по подсчетам американских экономистов, 1 процент населения США сосредоточил в своих руках до 55 процентов всех национальных богатств страны, а в последнее время этот 1 процент населения владел уже 59 процентами национального богатства США.

В то же время 87 процентов американского населения владели лишь 8 процентами национального богатства.

В Англии, как говорилось в программном документе лейбористской партии (октябрь 1956 г.), около 1 процента населения страны владело половиной ее национального богатства, а согласно последней официальной статистике 1 процент населения владеет уже 56 процентами всего национального богатства. В то же время большинство английского населения не имеет ничего, кроме самого необходимого для существования. Кроме того, около 2 млн. человек вынуждены обращаться за нищенскими пособиями по «нуждаемости».

Таково действительное положение с распределением общественного богатства в высокоразвитых странах капитализма. 1 процент населения — и 56—59 процентов национального богатства! 99 процентов населения — и 41—44 процента национального богатства! Причем в США из этих 99 процентов на долю 87 процентов падало всего 8 процентов богатства страны! На долю же рабочего класса, создающего подавляющую часть всего национального богатства и составляющего около 50 процентов занятого населения капиталистических стран, приходится еще меньшая доля общественного богатства — вряд ли более 3—5 процентов.

Таково «равенство» в распределении между буржуазией и пролетариатом, якобы ведущее к стиранию классовых различий и «исчезновению» классов в США. Все большая поляризация в области распределения — вот

¹ См. Г. Стейн, Мир, построенный на долларе, стр. 256.

закономерность развития современного капиталистического общества.

«Современное капиталистическое производство, существующее едва триста лет и ставшее господствующим только со времени появления крупной промышленности, т. е. всего сто лет тому назад, успело породить в течение этого короткого срока противоположности в распределении — с одной стороны, концентрацию капиталов в немногих руках, а с другой, — концентрацию неимущих масс в больших городах, — противоположности, от которых оно неизбежно погибнет»¹.

Таким образом, в современных высокоразвитых капиталистических странах не произошло никакой «революции в доходах», тем более в распределении общественного богатства, которая могла бы вести к «стиранию» классовых различий и «исчезновению» классов в капиталистическом обществе.

Подобных изменений не произошло и в области распределения акций, в вопросе распределения жилья и в образовании, что, по уверениям целого ряда буржуазных социологов, якобы должно также вести к «уравниванию» классовых различий и «исчезновению» классов.

Факты капиталистической действительности говорят о том, что акции, являющиеся частью общественного богатства капиталистических стран, сосредоточены главным образом в руках класса буржуазии. По данным американских буржуазных экономистов Дж. Баттерса, Л. Томпсона и Л. Боллинджера, профессоров Гарвардского университета, в 1950 г. 1 процент американского населения, т. е. та буржуазная верхушка, которая владеет 59 процентами национального богатства страны, сосредоточил в своих руках от 65 до 70 процентов всех акций в США. А одна десятая часть этого 1 процента населения, т. е. кучка монополистов Америки, захватила 35 процентов всех акций².

В Англии 10 процентов семей владеют тремя четвертями всех вкладов в сберегательные кассы, акционерные банки и т. д., а 32 процента английских семей подобных вкладов вообще не имеют. По данным английского ста-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1957, стр. 139.

² J. K. Butters (ed.) Effects of Taxation: Investments by Individuals, Boston, 1953, p. 25.

тистика Лидолла, лишь 5,5 процента английских семей владеет акциями, а подавляющая масса населения страны вообще не имеет никаких акций.

Говоря о шумихе, поднимаемой буржуазными идеологами по поводу приобретения некоторыми трудящимися отдельных акций, В. Перло пишет: «Большой шум вызвали недавние подсчеты, говорящие о том, что от 7 до 9 миллионов американцев являются пайщиками акционерных компаний. Но они составляют только 5% всего населения, т. е. меньшую часть, чем в 1929 г. За исключением полумиллиона крупных владельцев акций, остальные держат по несколько акций, не имеющих никакого экономического значения... Только 3% американских рабочих владеют горсткой акций»¹.

Вопреки утверждениям буржуазных идеологов о «демократизации капитала» и «диффузии собственности», факты капиталистической действительности говорят о том, что путем выпуска акций капиталисты не рассыпают свою собственность среди населения, а, наоборот, концентрируют в своих руках богатства за счет привлечения мелких сбережений акционеров. «Крупный капитал, присоединяя к себе по мелочам небольшие капиталы разбросанных по всем концам мира акционеров, стал еще могущественнее»².

От приобретения одной или нескольких акций, так же как от покупки дома, автомобиля, холодильника, рабочий вовсе не превращается в капиталиста. Он остается рабочим до тех пор, пока продает свою рабочую силу капиталисту и эксплуатируется последним.

Не происходит какого-либо качественного выравнивания между классами буржуазии и пролетариата и в вопросе обеспечения жильем.

Картину тяжелых жилищных условий многих американских трудящихся без прикрас нарисовал в 1957 г. американский журнал «Форчун». «В настоящее время около 17 млн. американцев живут в жилищах, которые уже невозможно восстановить,— в разрушенных, грязных, кишаших крысами помещениях, без удовлетворительного отопления, освещения и водопровода»³.

¹ В. Перло, Основные черты экономики послевоенного американского империализма, «Вопросы философии» № 5, 1957, стр. 120.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 177.

³ «Правда», 1 декабря 1957 г.

Как признают американские органы печати, районы трущоб продолжают расширяться во многих крупнейших городах США. К наиболее известным районам трущоб, вроде Восточного Гарлема в Нью-Йорке, «черного пояса» в Чикаго, прибавились новые районы трущоб в таких городах, как Хьюстон в штате Техас, Сан-Франциско, Питтсбург, Цинциннати, Новый Орлеан, и многих других. Во всех этих городах, по подсчетам журнала «Форчун», число людей, проживающих в трущобах, растет быстрыми темпами.

Этих фактов достаточно для уяснения того, что никакого уравнивания в жилищных условиях между трудящимися и буржуазией в США не произошло. Ничем не лучше положение с жильем и в других капиталистических странах. Большинство трудящихся в этих странах также не имеет собственных домов, многие живут в тяжелых жилищных условиях, в трущобах.

В Западной Германии, как сообщает пресс-бюллетень «Союза немецкого студенчества», многие студенты из-за отсутствия жилья вынуждены бросать учебу. Так, например, в 1958 г. 800 студентов были вынуждены выехать из Ганновера, так как они не нашли жилья. В Гамбурге без жилья осталась тысяча вновь принятых в учебные заведения студентов.

Таково реальное положение в капиталистических странах с жилищными условиями у трудящихся. В условиях капитализма между буржуазией и пролетариатом не может быть равенства в обеспечении жильем, которое вело бы к стиранию граней между ними в этой области.

Что касается утверждений некоторых буржуазных социологов, будто классы «исчезают» в результате выравнивания различий между трудящимися и буржуазией в районах проживания, то по этому поводу позволительно спросить: разве рабочий, поселившийся в одном квартале или даже рядом с Фордом, перестает от этого быть рабочим? Ясно, что нет. Изменения в районах проживания никоим образом не могут служить признаком «исчезновения» классов, как пытаются утверждать многие буржуазные идеологи.

Не наблюдается фактического равенства между буржуазией и трудящимися и в области образования.

Американский ученый С. Стендлер пишет, что «шансы

детей для посещения подготовительных классов уменьшаются по мере того, как мы опускаемся вниз по социальной лестнице. Почти 100 процентов семей высшего и высшего среднего классов посылают детей в такие группы, в то время как только 14 процентов семей из низшего класса посылают в них своих детей»¹.

Не лучше положение с образованием и в других капиталистических странах. На третьем социологическом конгрессе в 1956 г. французский социолог Ида Берже отметила, что во Франции не существует равных возможностей получения образования для детей из различных классов. В высших школах Франции процент детей рабочих и крестьян ничтожно мал. Если спрашиваешь рабочих или крестьян, говорила И. Берже, почему они не посылают своих детей учиться в университете, то всегда получаешь ответ: «Для этого нет денег».

В Западной Германии среди студентов насчитывается всего примерно 4—6 процентов выходцев из рабочих и крестьян. Еще хуже с образованием в колониальных странах. Французский социолог П. Мерсье сообщает, что, «несмотря на большую проделанную работу, во Французской Западной Африке образованием охвачено лишь 7%»².

Таким образом, в области образования в капиталистическом мире нет какого-либо равенства между многими миллионными массами трудящихся и имущими классами. Следовательно, и этот довод никоим образом не может подтверждать уверения буржуазных социологов об «исчезновении» классов в капиталистическом обществе.

Так шаг за шагом выясняется, что ни в области имеющихся доходов, ни в области распределения, ни в вопросе владения акциями, ни в вопросе обеспеченности жильем, ни в области образования и т. д. рабочий класс капиталистических стран не имеет равенства с классом буржуазии. Это и понятно. Без ликвидации неравенства в отношении к средствам производства трудящиеся капиталистических стран не могут рассчитывать

¹ «Child Development» № 1, 1951, p. 45.

² «Transactions of the Third World Congress of Sociology», vol. V, 1956, p. 98.

на равенство с буржуазией в области распределения и доходов, уровня жизни и потребления, жилищных условий и образования.

Поскольку же ни распределение в целом, ни доходы, ни занятость, ни жилищные условия, ни образование, ни одежда и т. п. не являются определяющими признаками классов, постольку отдельные количественные изменения в этих областях, без изменения в отношении людей к средствам производства, никоим образом не могут свидетельствовать об «уравнении» и «исчезновении» классов в капиталистическом обществе.

Факты современной капиталистической действительности говорят о том, что с развитием капитализма усиливается поляризация буржуазии и пролетариата не только в коренном вопросе отношения к средствам производства, но также в области распределения, в имеющих доходах, жилищных условиях, образовании.

Данная закономерность поляризации буржуазии и пролетариата в разных областях общественной жизни вовсе не исключает возможности повышения в капиталистических странах жизненного уровня определенных групп трудящихся. Такое повышение не только не противоречит природе капитализма, но в определенные периоды является буревестником приближающегося экономического кризиса.

В американской истории не один уже раз были периоды бума и спада в экономике. Повышение жизненного уровня трудящихся буржуазные социологи, как и в настоящее время, воспевали на все лады и выдавали за свидетельство изменения природы капитализма и его вступления в «золотой век».

Об одном таком периоде, накануне мирового кризиса 1929—1933 гг., У. З. Фостер писал: «Конец 20-х годов был «золотым веком» капитализма США. Буржуазия и социал-демократы всего мира с завистью и восхищением взирали на США, дивясь чудесам капиталистического массового производства. Они утверждали, что перед человечеством открылся новый светлый путь; мучительная бедность и опустошительные экономические кризисы не будут больше отравлять людям жизнь, как отравляли в довоенные годы; фордизм спасет мир. Президент Гувер хвалился, что капитализм вот-вот уничтожит нищету, что скоро в каждой кастрюле будет вариться курица, а в

каждом гараже к услугам рабочего будет стоять автомобиль. Небо было безоблачно, и лишь немногочисленные недовольные и потерявшие доверие коммунисты заявляли, что «процветание» — это карточный домик, построенный на развалинах, оставленных первой мировой войной. Но кто слушал этих неисправимых ворчунов? И вот наступил октябрь 1929 года!»¹

Как эта картина похожа на ту, которая существует ныне в США и в других странах капиталистического мира! Снова буржуазные идеологи кричат о «золотом веке» и «новом» капитализме. Снова они не видят, что этот «новый», «процветающий» капитализм есть всего лишь карточный домик, построенный на развалинах, оставленных второй мировой войной. Снова они не видят, что «процветание» стало возможным главным образом в силу необходимости восстановить разрушения и ликвидировать нехватку товаров, созданную второй мировой войной. Снова они не понимают, что «процветание» капитализма и части населения есть всего лишь буревестник приближающегося кризиса.

Поистине история ничему не научила капиталистов и их идеологов.

Ныне все развитие капиталистического мира свидетельствует о назревании кризиса в экономике капиталистических стран. «В империалистических государствах обострилось противоречие между производительными силами и производственными отношениями; современная наука и техника во многих отношениях не используются в интересах социального прогресса, в интересах всего человечества, так как капитализм сковывает и уродует развитие производительных сил общества. Мировая капиталистическая экономика остается шаткой и неустойчивой. Сравнительно высокая конъюнктура, которая держится пока в ряде стран капиталистического мира, возникла в значительной мере на непрочной базе гонки вооружений и других преходящих факторов. Однако капиталистическая экономика не сможет избежать новых глубоких потрясений и кризисов»².

¹ У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, ИЛ, М., 1953, стр. 509.

² «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий», Госполитиздат, 1957, стр. 7.

Первой ласточкой нарастающих потрясений в экономике капиталистического мира является огромная волна безработицы, захлестнувшая в последние годы большинство стран капиталистического лагеря.

Безработица ставит под удар и под сомнение весь так называемый высокий уровень жизни, которого добились трудящиеся США и некоторых других капиталистических стран. «В случае безработицы,— отмечает В. Перло,— «процветание» рабочих за одну ночь может превратиться в острую нужду, и они оказываются перед угрозой голода, как это случилось два года тому назад с шахтерами Пенсильвании и Кентукки»¹.

Страшную картину безработицы в богатейшей стране капиталистического мира — США показала состоявшаяся 8 апреля 1959 г. в Вашингтоне конференция по безработице, созданная исполнительным комитетом профсоюзного объединения Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ—КПП). По данным, приводившимся на конференции, в США насчитывалось 5 млн. безработных и 2,5 млн. рабочих, занятых неполную рабочую неделю².

Выступавшие на конференции профсоюзные лидеры заявили, что безработица означает для миллионов американских трудящихся не процветание, а трагедию, несчастье, нищету и голод. Американский сенатор Поль Дуглас заявил: «В нашей стране имеется много нищеты, и правительство всячески пытается замаскировать этот факт своими предписаниями газированной розовой воды, разлитой по бутылкам и распродаваемой торговцами с Мэдисон-авеню». Сообщив, что в гористых районах Западной Виргинии и Кентукки среди населения царит голод, П. Дуглас воскликнул: «Какое варварство допускать, чтобы народ голодал, когда наши склады переполнены продуктами питания!»³

Голод и безысходная нищета — вот удел миллионов людей в США и других капиталистических странах. По данным журнала «Франс обсерватёр», 30 процентов населения Франции недоедает. В феврале 1959 г. на национальной конференции «Союза французских женщин»

¹ В. Перло, Основные черты экономики послевоенного американского империализма, «Вопросы философии» № 5, 1957, стр. 122.

² См. «Правда», 15 апреля 1959 г.

³ См. там же.

председатель комиссии по вопросам воспитания детей с тревогой говорил о том, что «многие матери не знают, как им свести концы с концами, когда сокращается заработок главы семьи, а цены на продукты питания непрерывно растут, повышается квартирная плата...»

Многочисленные факты, рисующие бедственное положение семей безработных, ежедневно можно найти на страницах итальянской прессы. В конце 1958 г. газета «Паэзе сера» рассказала читателям типичную для Италии наших дней трагедию матери восьми детей, посаженной в тюрьму за то, что, лишившись работы, она не смогла вовремя погасить ссуду, взятую на приобретение швейной машины.

Во многих странах Латинской Америки, откуда американские монополисты выкачивают огромные прибыли, дети трудящихся гибнут от голода и болезней. «Они живут в хижинах, построенных из картона и жестяных банок, и кажутся выходцами с того света», — говорила делегатка Аргентины на последнем Международном конгрессе женщин в Вене.

Безработица означает не только голод и нищету для части трудящихся. Она несет потрясение всей экономике капиталистических стран, означает угрозу для всех трудящихся стран капитализма. На конференции по безработице в Вашингтоне даже правый профсоюзный деятель, председатель АФТ—КПП Джордж Мини заявил, что «публикуемые правительством ежемесячные данные по безработице добавляют к человеческой трагедии, умноженной в миллионы раз, несчастье, которое уже обрушилось на дома и семьи американцев в городах и поселках по всей стране. Но, кроме личных страданий, которые она причиняет, и растрачивания человеческих ресурсов, которое она влечет за собой, массовая безработица стала представлять растущую угрозу для всей нашей национальной экономики»¹.

Факты капиталистической действительности неумолимо свидетельствуют о том, что с развитием капитализма его противоречия не ослабевают и стираются, а все более обостряются как в области отношения к средствам производства, так и в области распределения и доходов, уровня жизни и потребления, жилищных условий

¹ «Правда», 15 апреля 1959 г.

и образования. В условиях капитализма не может быть и речи о стирании классовых различий, а тем более об «исчезновении» классов.

Имеющиеся в странах капитализма факты поляризации классов буржуазии и пролетариата в различных областях общественной жизни настолько очевидны, что их вынуждены признавать ныне и отдельные буржуазные ученые, еще считающиеся с объективной действительностью. Так, на основе анализа этих объективных данных американский экономист и социолог Дж. А. Ландберг вынужден был прийти к выводу, что между классами капитала и труда в США не только не происходит никакого «выравнивания», но, наоборот, они все более отдаляются друг от друга¹. Американские буржуазные социологи Д. Рамни и Д. Мейер прямо заявили, что не только все европейские капиталистические страны разделены на два основных класса, но и утверждения об отсутствии классов в США также неверны².

Утверждения многих современных буржуазных и реформистских теоретиков об «исчезновении» классов в капиталистическом обществе оказываются теоретически насквозь несостоятельными и лживыми и полностью опровергаются фактами капиталистической действительности.

¹ «Social Forces» № 2, 1955, p. 129.

² J. Rumney and J. Maier, *The Science of Society*, London, 1953, p. 143.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БУРЖУАЗНАЯ НАУКА ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КЛАССАМИ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

1. Буржуазные теории «конфликта» между классами, «открытых» и «закрытых» обществ и «социальной мобильности»

Буржуазное понимание природы классов приводит к антинаучным выводам о взаимоотношениях между классами и классовой борьбе.

Буржуазные социологи много говорят о «классовых конфликтах», «классовых противоречиях» и «классовой борьбе». Но все эти явления рассматриваются ими с позиций антинаучных представлений об основах социального расслоения.

Класс для буржуазных социологов не объективная категория, обозначающая различное положение людей в системе общественного производства, независимо от их воли и сознания. Отсюда «конфликты» и «противоречия» между классами рассматриваются буржуазными социологами не как объективные процессы, вытекающие из внутренней противоположности классов, а как субъективные явления, возникающие и пропадающие в зависимости от случайных и временных причин. Буржуазные социологи подразумевают под классовыми интересами лишь устремления людей в производных сторонах общественной жизни — в культурной, религиозной, в области быта, жизненных условий, престижа и т. д.

«Интересами могут быть религиозные, политические, культурные или экономические преимущества; они всегда имеют отношение к борьбе за статус — борьбе за достижение и осуществление прав, привилегий, престижа

и могущества, которые присущи данной классовой структуре»¹.

Поскольку люди руководствуются разными интересами, заявляют буржуазные социологи, постольку из стремления удовлетворить эти интересы могут возникать «классовые конфликты» и «классовые противоречия». За такие «противоречия» буржуазные социологи выдают, например, факты «соперничества и конфликта из-за статуса, подозрительности из-за почестей и привилегий, стремление обеспечить прочность занимаемых позиций»². Так, внутри американского рабочего класса буржуазные социологи находят «противоречия» в виде «зависти» одних групп к людям, работающим в других областях.

На словах буржуазные ученые как бы признают, что разница и противоположность в классовых интересах могут вести к ожесточенной классовой борьбе и революционным потрясениям. Буржуазные социологи Л. Лорвин и Б. Мур считают, что «борьба между классами в разные исторические периоды принимает различные формы...» Социолог Гертцлер заявляет, что в классовой борьбе «действенные усилия определенных групп, стремящихся изменить существующее статус-кво, могут колебаться, начиная с незначительных реформ и кончая революционными движениями, направленными на изменение всей социальной структуры в целом»³.

На деле, однако, буржуазные социологи исключают возможность существования в капиталистическом обществе подлинных классовых противоречий и действительной классовой борьбы, не говоря уже об ожесточенном классовом конфликте.

Сводя классовые интересы к сознательным стремлениям людей как-то изменить и улучшить свое положение только в производных областях жизни общества, буржуазные ученые рассматривают возможность возникновения классовых конфликтов, противоречий и классовой борьбы только в зависимости от того, имеют или не имеют эти группы людей в конкретном обществе условия для совершения подобных незначительных изменений и улучшений.

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 275.

² Ibid., p. 276.

³ Ibid., p. 275.

«Логика» буржуазной науки здесь предельно примитивна и худосочна: раз классовые конфликты и классовая борьба порождаются стремлениями людей удовлетворить свои конкретные цели («классовые интересы») в неких производных и второстепенных областях жизни общества, значит сама возможность и острота классовых конфликтов и классовой борьбы зависит от возможностей, открываемых той или иной социальной системой для удовлетворения подобных человеческих устремлений. Общества, открывающие такие возможности, тем самым закрывают возможность появления классовых конфликтов и классовой борьбы. Наоборот, общества, закрывающие подобные возможности, открывают тем самым возможность появления классовых конфликтов и классовой борьбы.

Как заявляет социолог Дж. Гертцлер, «конфликтные процессы происходят главным образом от усиления конкуренции и нарушений, выступающих в виде форм оппозиции. Возникновение конфликта наряду с другими причинами вызывается отсутствием безвредных отдушин для оппозиционных импульсов и особенно нарушением общественного регулирования и обслуживания как уравнивающих факторов»¹.

Таким образом, «классовые конфликты», «классовые противоречия» и «классовая борьба», согласно уверениям буржуазных социологов, оказываются для капиталистического, как и для всех антагонистических обществ, не закономерным, а случайным явлением. Более того, само появление классовых противоречий и классовой борьбы расценивается современной буржуазной наукой в качестве «одной из черт нарушения структуры и функционирования общественной дифференциации и стратификации и одним из их побочных продуктов»².

Как утверждают социологи Л. Лорвин и Б. Мур, различные формы классовой борьбы «зависят от природы и жесткости существующей классовой структуры». «Жесткая» классовая структура способна порождать классовые конфликты и классовую борьбу, «мягкая» классовая структура их не порождает.

В современной буржуазной науке общество с «жесткой» классовой структурой получило название «закры-

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 270.

² Ibid., p. 274.

того общества», или «общества с закрытой классовой системой». Общество с «мягкой» классовой структурой названо «открытым обществом», или «обществом с открытой классовой системой».

«Закрытое общество» буржуазными социологами характеризуется так: «В относительно закрытой или подобно кастовой системе позиции, занимаемые членами определенного классового слоя при рождении, остаются закрепленными за ними в течение всей жизни. Это означает, что «вертикальная социальная мобильность» практически не существует и даже действие «горизонтальной социальной мобильности» часто затруднено. Каждый класс является негибким, непроницаемым, немобильным. Не имеется никакого восхождения или понижения, нет никакого социального продвижения или сползания вниз. Присущие людям достоинства и способности не принимаются в расчет; отрицаются возможности для продвижения и прогресса; культурные барьеры между классами почти невозможно преодолеть; личные достижения не вознаграждаются»¹.

Совершенно противоположными чертами буржуазные социологи наделяют «открытое общество». По уверениям американского буржуазного социолога П. Сорокина, в «открытом обществе» перепонки между слоями очень тонки и имеют много отверстий. Это открывает людям доступ в слой, расположенный выше или ниже. П. Сорокин поэтому называет такую систему пластичной, проницаемой, подвижной. По словам Дж. Гертцлера, «в открытой системе позиция членов данного слоя или класса может быть сдвинута вверх или вниз в течение их собственной жизни в результате наличия или отсутствия... определенных достижений. Такая система не создает категорических ограничений для личности в отношении ее классовой позиции. Вертикальная мобильность не является просто возможностью; это право, и оно может быть правом для всех»².

Итак, главное отличие «открытого общества» от «закрытого» в том, что в одном существует, а в другом отсутствует так называемая вертикальная социальная мобильность, посредством которой люди якобы могут сво-

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 237—238.

² Ibid., p. 238.

бно перемещаться внутри социальной структуры общества.

Теорией «социальной мобильности» современная буржуазная наука пытается подменить проблемы, связанные с классовыми противоречиями и классовой борьбой в странах капитализма. Ведь самую возможность конфликтов и классовой борьбы буржуазные социологи ставят в зависимость от наличия «открытого» или «закрытого общества», а существование последних — от наличия или отсутствия «социальной мобильности». В результате наличие или отсутствие «социальной мобильности» оказывается единственной причиной появления классовых конфликтов и классовой борьбы в капиталистическом обществе.

Таким образом, не «социальная мобильность» ставится в определенную зависимость от классовых противоположностей и классовой борьбы, а наоборот: само наличие классовых конфликтов и борьбы классов ставится в прямую зависимость от передвижения людей внутри общества. Соотношение общественных явлений переворачивается буржуазными социологами с ног на голову.

Мобильность означает всякое передвижение, перемещение, изменение в положении людей. Буржуазные социологи обычно делят мобильность на «физическую» и «социальную». Под «физической мобильностью» подразумевается подвижность населения «в физическом пространстве». Это — перемещение населения по территории, процессы миграции и переселения. Подобная мобильность действительно существует в обществе, но она никоим образом не может исключать классовую борьбу, вести к отсутствию классовых конфликтов.

Отсутствие классовых конфликтов и классовой борьбы в капиталистическом обществе, утверждают буржуазные социологи, объясняется «социальной мобильностью», под которой подразумеваются всякие перемещения людей как внутри социальных слоев, так и между ними. «Социальная мобильность» представляет «передвижение индивидов или групп людей из одного общественного положения в другое во всей совокупности социальных групп и слоев»¹.

¹ P. Sorokin, *Society, Culture and Personality*, N. Y., 1947, p. 405.

Обычно «социальная мобильность» рассматривается буржуазными социологами применительно к изменениям в пределах двух поколений, т. е. между положением отцов и положением сыновей. «Наследование положения от отца к сыну называется «преемственностью», а движение из одного классового уровня в другой в пределах двух поколений называется «мобильностью»¹.

«Социальную мобильность» буржуазные социологи делят на «горизонтальную социальную мобильность» и «вертикальную социальную мобильность».

Под «горизонтальной социальной мобильностью» подразумеваются изменения в положении людей внутри одних и тех же социальных слоев. Она состоит в «переходе индивида или семьи из одной социальной группы в другую, но расположенную на том же самом социальном уровне, в том же социальном слое»². Вот примеры такой мобильности: стенографистка переходит из одной страховой компании в другую; рабочий в районе Детройта переходит с завода Форда на завод компании «Дженерал моторс»; специалист по сельскому хозяйству переходит с одной фермы на другую и т. п.

Подобная «горизонтальная социальная мобильность» действительно существует в капиталистическом обществе, но она не может вести к отсутствию классовых противоречий и служить «заменой» классовой борьбы. Это настолько очевидно, что даже буржуазные ученые вынуждены признавать, что «горизонтальная мобильность» не устраняет ни классовых противоречий, ни классовой борьбы и имеет место даже в «закрытых обществах».

По заявлению буржуазных ученых, возможности перехода из одних классов в другие открывает «вертикальная социальная мобильность», которая охватывает перемещения не внутри социальных слоев, а между ними. «Вертикальная мобильность является движением индивида вверх или вниз, в результате чего достигается приобретение или потеря в социальном ранге»³. «Вертикальная социальная мобильность состоит в перемещении индивида, семьи и даже большей группы из одного слоя в другой в пирамиде социальной стратификации»⁴.

¹ J. A. Kahl, *The American Class Structure*, p. 252.

² P. Sorokin, *Society, Culture and Personality*, p. 398—404.

³ T. Caplow, *The Sociology of Work*, p. 59.

⁴ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 237.

Наличие «вертикальной социальной мобильности», согласно взглядам современной буржуазной науки, ведет к созданию «открытого общества», а существование последнего якобы служит гарантией бесконфликтного развития капиталистического общества, гарантией отсутствия в нем классовых конфликтов и классовой борьбы.

Социальные цели подобных буржуазных теорий о природе «классовых конфликтов», «открытых» и «закрытых» обществах и «социальной мобильности» становятся понятными, если обратиться к практическому использованию этих теорий.

Буржуазные социологи и реформисты утверждают, что современные высокоразвитые капиталистические страны характеризуются неуклонным ростом «социальной мобильности» населения, переходом из «низших» классов в «высшие». «Социальная вертикальная мобильность» объявляется главной характеристикой современных промышленных обществ. «Требования современного индустриального общества таковы,— утверждает американский социолог Н. Рогова,— что они дают сравнительно высокую степень взаимоперехода среди членов различных слоев»¹.

По утверждениям буржуазных ученых, «вертикальная социальная мобильность» наиболее ярко проявляется в США. Она объявляется «основной особенностью американского образа жизни» и «американской мечтой». Эта мечта подняться вверх по «социальному эскалатору», взобраться по «лестнице, ведущей к звездам», превратиться из бедняка в миллионера рассматривается буржуазными социологами в качестве основной движущей силы общественного развития в США. «Социальная мобильность есть основная побудительная сила как для рабочего, так и для управляющего»²,— провозглашает Л. Уорнер.

Американский буржуазный социолог Карсон Маккуайр уверяет, что «ныне в Соединенных Штатах каждый из четырех или пяти человек в течение своей жизни поднимается вверх, по крайней мере выше на один классовый уровень»³. А социолог Дюваль заявляет, что

¹ «American Journal of Sociology» № 4, 1953, p. 357.

² L. Warner, American Life: Dream and Reality, p. 106.

³ «American Sociological Review», vol. XV, 1950, April, p. 195—

в США «20 процентов семей или более по различным индивидуальным и социальным причинам поднимаются выше на один класс из того класса, в котором они находились»¹.

При этом буржуазные социологи стремятся уверить, будто особые возможности для продвижения «вверх» имеют в США трудящиеся массы. Как заявляет Дюваль, «самый большой размах мобильности вверх наблюдается в низшем среднем и высшем низшем классах, где почти 30 процентов поднимаются вверх из низшего положения»². Напомним, что, согласно подсчетам буржуазных ученых, первый класс охватывает 28 процентов населения США, а второй — 33 процента, причем в них входят главным образом квалифицированные и полуквалифицированные рабочие, низшие служащие и другие категории трудящихся.

Англия также изображается буржуазными идеологами страной со свободной «социальной мобильностью». «В современной Англии,— пишет, например, лорд Бивербрук,— нет никаких препятствий к тому, чтобы беднота поднялась до высот власти и благополучия»³. Обществами с сильной «вертикальной социальной мобильностью» называются также современная Западная Германия, Франция и некоторые другие капиталистические страны.

Все эти страны с якобы высокой степенью мобильности из «низших» классов в «высшие» объявляются буржуазными идеологами «открытыми обществами». Следовательно, на них целиком распространяются все положения буржуазной теории, согласно которой классовые конфликты и классовая борьба должны отсутствовать в обществах с «открытой классовой системой».

Самым «открытым обществом», естественно, прежде всего оказываются США. «В текучей, открыто-классовой системе, подобно нашей собственной,— уверяет Гертцлер,— в которой движение из более низкого класса в более высокий класс может происходить и действительно происходит довольно свободно... классовый конфликт по всей вероятности не является напряженным... В Соединенных Штатах классовые границы являются всегда

¹ E. Duvall, *Family Development*, p. 72.

² Ibid., p. 70.

³ *Beaverbrook, Don't Trust to Luck*, London, 1954, p. 18.

условными и переменчивыми, а классовый конфликт эпизодическим и прерывающимся, сконцентрированным на вопросах непосредственного и, возможно, только временного значения... В Соединенных Штатах классовый конфликт принимает вид некоторых черт возражения»¹.

А раз в капиталистической стране нет классового конфликта, заключают буржуазные социологи, значит в ней отсутствует и классовая борьба.

Как утверждает буржуазный социолог С. Бьюкенен, «попытки обнаружения классовой борьбы в Соединенных Штатах совершенно не достигают цели»². Не находят классовой борьбы буржуазные социологи и в Англии, Западной Германии и других «открытых обществах».

Классовая направленность буржуазной теории «социальной мобильности» и «открытых обществ» вполне очевидна. Эта теория исключает революционный путь развития общества. Всю возможную мобильность буржуазные идеологи допускают только в рамках капиталистического «порядка» и «общественного спокойствия».

«Нормальная мобильность,— провозглашает Дж. Гертцлер,— обычно принимает форму спокойного движения вверх или вниз по социальной лестнице, являющегося результатом усилий и достижений индивида или семьи или отсутствием таковых»³. Всякое отклонение от такого «нормального» хода считается нарушением самой природы мобильности, которая в этом случае становится ненормальной, «спазматической».

Теория мобильности и «открытых обществ» — новое идеологическое оружие буржуазии, имеющее целью обмануть трудящихся капиталистических стран «ученой» фразеологией и заставить их отказаться от борьбы за свои классовые цели, насущные права и интересы. Это тот же реформизм, та же теория «классового сотрудничества» и классового предательства, но под новой «ученой» маской. Именно поэтому теория «социальной мобильности» и «открытых обществ» высоко поднимается на щит буржуазными идеологами и усиленно распространяется ими среди населения капиталистических стран.

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 275.

² S. Buchanan, *Essay in Politics*, N. Y., 1953, p. 41.

³ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 237.

Буржуазные утверждения о том, будто наличие «вертикальной социальной мобильности» служит отдушиной для классовых конфликтов и поэтому ведет к смягчению и полному исчезновению классовых противоречий и классовой борьбы в высокоразвитых капиталистических странах, не выдерживают никакой критики.

Изменения в социальном положении людей могли бы влиять на классовую борьбу в том случае, если бы они касались всех членов того или иного класса или общественного слоя. У буржуазных же ученых речь идет постоянно не о «социальной мобильности» всех или хотя бы большинства членов того или иного класса и слоя, а только о мобильности части индивидов и семей. Но от того, что у части индивидов и семей происходят изменения в их социальном положении, вовсе не меняется место всего класса или слоя в системе производства, а значит и вытекающие отсюда его классовые интересы, противоречия и направление борьбы.

О влиянии «социальной мобильности» на классовые конфликты и классовую борьбу можно было бы говорить только в том случае, если бы эти изменения касались не второстепенных областей общественной жизни у части лиц и семей, а места всего класса или большинства его членов в системе производственных отношений.

Но ничего подобного ведь не происходит при так называемой «вертикальной социальной мобильности». Подразумеваемые под этой мобильностью изменения не касаются ни большинства членов класса, ни их действительного классового положения.

Буржуазные социологи утверждают, что возможности вертикального передвижения из класса в класс кроются в целом ряде социальных институтов, присущих «открытому» капиталистическому обществу, вроде США. «Функциональный анализ открытой классовой системы, подобно нашей собственной,— говорит Гертцлер,— показывает целый ряд социальных институтов, которые дают возможность индивидам двигаться вверх и вниз по социальной лестнице. Эти институты действуют как каналы или пути — даже как социальные лестницы или лифты — вертикальной циркуляции»¹.

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 238.

Таких «каналов» или «лифтов» вертикального социального движения буржуазные ученые насчитывают шесть. Это экономические институты, т. е. вся сфера экономической жизни капиталистического общества, затем армия и церковь, различные политические институты, куда входит государственный аппарат, аппарат партий и вся остальная совокупность политических учреждений и организаций, и, наконец, брак и система образования.

Говоря об этих «средствах» «вертикальной мобильности», социолог Дюваль пишет: «...он или она могут посредством одного из многих наличных средств (образования, профессионального успеха, спорта, красоты, «удачного брака», удачного помещения заработанных или наследованных денег, особого таланта и т. д.) подняться вверх из того социального положения, в котором он или она оказались после рождения»¹.

Всевозможные изменения в «общем ранге занятости», в «социоэкономическом образе жизни, социальной власти, социальной ответственности, культурных достижениях, членстве в ответственных ассоциациях и в статусе»² рассматриваются буржуазными социологами как свидетельство перехода из класса в класс и из слоя в слой.

При этом самыми распространенными являются буржуазные концепции, трактующие «вертикальную социальную мобильность» только с точки зрения перемен в родах занятий и профессиях. Как заявляет американский социолог Т. Кэплоу, самым частым и общим типом «вертикальной мобильности» является «изменение в профессиональном наследовании от одного поколения к другому, которое обычно рассматривается как соотношение между родами занятий отцов и сыновей»³.

Буржуазные социологи Бакке, Хансер, Палмер и др. утверждают в книге «Мобильность в области труда и экономические возможности», что «движение рабочих среди разных служб, родов занятий, отраслей промышленности и районов не только делает вклад в экономическую гибкость и эффективность, но и вызывает тенденцию к ослаблению социальной стратификации. Более того, свободное движение среди служб является процес-

¹ E. Duvall, *Family Development*, p. 70.

² J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 237.

³ T. Caplow, *The Sociology of Work*, p. 60.

сом, посредством которого рабочие преследуют и осуществляют свои цели и устремления»¹.

Пожалуй, самым старым мифом буржуазной науки является утверждение, будто экономические институты капиталистических стран, и прежде всего США, открывают перед трудящимися счастливую возможность стать крупным предпринимателем и даже миллионером. Распространению этих иллюзий в какой-то мере способствовали отдельные факты превращения рабочих в крупных предпринимателей, имевшие место в ранний период развития капитализма в США. История Форда и некоторых других миллионеров всячески раздувалась и расписывалась буржуазной наукой как «образец» движения из «низов» в число миллионеров. Американским трудящимся назойливо внушали, что каждый из них может последовать примеру Форда и других мультимиллионеров. Вышел даже целый ряд низкопробных книжонки с подробными рецептами и указаниями, как стать миллионером.

Подобные буржуазные теории явно рассчитаны на внесение раскола в ряды пролетариата, ибо они пропагандируют идею об одиночных действиях рабочих с целью выбиться «вверх», в ряды предпринимателей, за счет интересов своих же братьев-рабочих. Сознательные рабочие отвергают подобные «советы» и противопоставляют им лозунг единства и совместной классовой борьбы. К тому же действительность, и прежде всего самих США, говорит о том, что «американская мечта» о движении трудящихся «вверх» через посредство экономических институтов так и остается пустой мечтой.

Если в более ранний период развития капитализма в США наблюдался процесс резкого увеличения численности предпринимателей и бизнесменов, то начиная с XX в. происходит все усиливающаяся концентрация производства, приводящая к массовому разорению мелких и средних предпринимателей. Хотя в современных условиях капитализма абсолютное число миллионеров и крупных предпринимателей увеличивается, относительная доля буржуазии среди населения уменьшается.

В настоящее время не только рядовые трудящиеся, но и бизнесмены средней руки не верят уже больше в

¹ «American Journal of Sociology» № 5, 1956, p. 496.

сказки о «возможности» нажить миллионное состояние. «В современных деловых кругах принято утверждать, что в настоящее время человек уже не может стать миллионером, что такие возможности в США канули в прошлое», — уныло констатировал в 1955 г. журнал деловых кругов «Тайм». Это же признал в своей книге крупный предприниматель Теодор Куинн. «Смешно и нечестно говорить, что все люди в нашей стране имеют равные возможности!»¹ — откровенно заявил он.

Произведенный американскими социологами Л. Уорнером и Джеймсом Эбеггленом анализ мобильности в американском бизнесе и промышленности за 1928—1952 гг. показал почти полное отсутствие передвижения из низших слоев в состав предпринимателей, бизнесменов и управляющих бизнесом и промышленностью. Они вынуждены были признать, что существующая в американском бизнесе и промышленности система содействует «выгоде только тех, кто находится на высших уровнях».

Явно смехотворны попытки буржуазных ученых выдать «удачный» брак в качестве средства движения вверх по социальной лестнице. Л. Уорнер с серьезным видом пишет о том, что, используя «сексуальную привлекательность», можно «подняться вверх», женившись, например, на миллионерше или выйдя замуж за миллионера. В низкопробных буржуазных романах, конечно, можно прочесть о подобных «счастливых случаях». Но в капиталистической действительности они являются редчайшими исключениями из правила. Что касается таких «каналов», как армия, церковь, политические институты и система образования, то все они также не могут служить средствами перехода в класс буржуазии, ибо для того, чтобы стать капиталистом, вовсе недостаточно, скажем, получить образование, стать военным или церковником. Для этого нужен денежный мешок, капитал.

Все это говорит о том, что в современных капиталистических странах так называемые каналы мобильности не открывают ровно никаких действительных путей для продвижения населения «вверх», в «высшие» классы, в буржуазию. Те же передвижения, которые касаются изменений в профессиях, родах занятий, образовании

¹ T. Quinn, *Giant Business: Threat to Democracy*, N. Y., 1953.

и т. п., вовсе не представляют передвижения между действительными классами, а потому никоим образом не ведут к уничтожению классов, классовой борьбы и эксплуатации человека человеком.

Буржуазным идеологам не удается скрыть тот факт, что все так называемые каналы «вертикальной социальной мобильности»: экономические институты, брак, церковь, армия, политические институты, система образования — являются не столько средствами движения «вверх», сколько своего рода «отборочными пунктами» в руках господствующего класса. С помощью этих «отборочных пунктов» господствующие классы не пропускают в свою среду никаких «посторонних» элементов, подбирают для себя нужный состав обслуживающего персонала и удерживают таким путем полный контроль над всеми этими институтами мобильности. «Эти институты выступают в качестве особых решет и просеивателей, которые проверяют и отбирают, сортируют и располагают по рангу всех членов населения»¹.

Из всего этого видно, что расписываемых буржуазной социологией широких возможностей перехода трудящихся из «низших» классов в «высшие» в капиталистической действительности не существует. Это признают и многие буржуазные ученые. Так, американский социолог Чиной вынужден признать, что «скудны те основы, на которые рабочим можно возлагать надежды, чтобы продвинуться вверх»².

США, Англия и другие капиталистические общества на поверку оказываются не «открытыми обществами» со «свободной мобильностью», а обществами с закрытыми для миллионов трудящихся возможностями улучшения жизни. Сами буржуазные социологи, формулируя теорию мобильности, заявляют: «Когда, например, классовая система отстраняет определенные элементы населения в зависимости от их цвета кожи, веры, убеждений, национальности, состава семьи или подобных соображений от образования или экономических возможностей, то в этом случае можно сказать, что данное общество является в этом отношении закрытым»³.

¹ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 238.

² «Sociology and Social Research» № 3, 1956, p. 222.

³ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 238.

Где, как не в США, в области образования существуют барьеры для миллионов негров. Где, как не в США, имеются ограничения для занятия экономической деятельностью не только для негров, но и для лиц других национальностей (греков, славян и т. д.). Где, как не в США, людей с левыми, демократическими убеждениями отстраняют от преподавания в школах и высших учебных заведениях и от других отраслей работы. Об этом буквально вопиют факты американской действительности.

Миллионным массам трудящихся капиталистических стран ограничен доступ и в систему образования, и в политические институты и т. д. Одним словом, США и другие капиталистические страны оказываются обществами не «открытого», а «закрытого» типа — закрытых возможностей для миллионов негров, лиц других национальностей, прогрессивных деятелей и огромных масс трудящихся. Как признает американский социолог Дж. Каль, «широко распространяемая теория о том, что американское общество является более открытым, чем другие общества, не подтверждается полностью фактами»¹. Капиталистическое общество «открыто» только для господствующих классов.

Марксизм никогда не отрицал фактов происходящих в обществе изменений в положении людей, но он никогда не делал из них прожектерских выводов и необоснованных заключений. Каждый вид изменений марксистская наука рассматривает с точки зрения его действительной природы, места и значения в общественной жизни. Ведь изменения в занятости не равнозначны изменениям в классовом положении людей, переход людей с одного завода на другой вовсе не ведет к тем же последствиям, как получение или потеря собственности.

В капиталистическом обществе существуют качественно различные виды изменений и передвижений, одни из которых имеют связь с социальной структурой общества, а другие такой связи не имеют. Мобильность мобильности рознь, и сваливать все виды мобильности в одну кучу, чтобы доказать ненужность и отсутствие классовых конфликтов и классовой борьбы, могут только

¹ J. A. Kahl, *The American Class Structure*, p. 264.

выслуживающиеся перед капиталистами буржуазные социологи и реформистские теоретики.

Капиталистическое общество в целом, в отличие от предыдущих обществ, характеризуется небывалым усилением передвижений и переворотов. «Буржуазия не может существовать,— писали Маркс и Энгельс,— не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений... Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть»¹.

Изменения захватывают прежде всего область производства и труда. «Рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка»².

Эти изменения касаются перемены квалификации, родов занятий, профессий, перехода с одних предприятий на другие, переездов из одних промышленных районов в другие и т. п., но, как правило, в рамках тех же классов и общественных слоев. Это та мобильность, которая в буржуазной социологии получила название «технологической», «индустриальной», «профессиональной», «в области труда» и т. п. Она не оказывает воздействия на социальную структуру в смысле какого-то изменения в соотношении классов, в характере классовых конфликтов между ними и классовой борьбы. Это мобильность не по месту и положению внутри производственных отношений, а по профессиональной принадлежности и территориальному месту работы.

Например, в США в последние годы развернулось массовое передвижение промышленных предприятий с севера и центра страны в ее южные районы, вызванное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 427.

² Там же, стр. 430.

главным образом дешевизной рабочих рук на юге. Особенно сильно этот процесс коснулся текстильной, швейной и пищевой отраслей промышленности. В результате многочисленные массы трудящихся вынуждены или терять работу, или переселяться в отдаленные места, соглашаясь на худшие условия найма с понижением зарплаты. Понятно, что подобная мобильность вовсе не открывает перед трудящимися возможностей перехода в «высшие» классы. Много изменений в расстановке рабочей силы, в появлении новых профессий и квалификаций вызвала такая новая отрасль промышленности, как атомная. Однако и эта мобильность никак не ведет к ослаблению классовых конфликтов и классовой борьбы. Об этом свидетельствуют забастовки на атомных предприятиях США.

Производительные силы капитализма не только привели в движение население своих стран, но и вызвали приток населения из других государств. При нехватке рабочих рук или при желании получить более дешевые рабочие руки буржуазия переселяет из других, обычно аграрных и слаборазвитых стран массы трудящегося населения. Это та мобильность, которую буржуазная наука называет «иммиграционной мобильностью».

Понятно, что и она не сулит рабочим какого-то переоснащения в «высшие» классы. Иностранные рабочие нещадно эксплуатируются в высокоразвитых капиталистических странах, и прежде всего в США.

Как сообщает Дж. Каль, с 1920 по 1950 г. в США иммигрировало 2 млн. человек, влившихся в рабочую силу страны. Из них 85 процентов стали промышленными и сельскохозяйственными рабочими и мелкими фермерами. Только около 8 процентов оказались людьми свободных профессий, а 7 процентов — мелкими собственниками, управляющими, должностными лицами и служащими¹. Лишь единицы попали в класс буржуазии. По сравнению с распределением местной рабочей силы в США, отмечает Каль, «иммигранты были сильно недопредставлены в группах бизнесменов и служащих и перепредставлены в группе неквалифицированных рабочих»². Там их было до 50 процентов. Одним словом,

¹ J. A. Kahl, *The American Class Structure*, p. 258.

² Ibidem.

«иммиграционная мобильность» обеспечивает трудящимся только движение «вниз», а не «вверх».

Все подобные виды мобильности марксизм четко ограничивает от тех перемещений, которые действительно ведут к изменению социальной структуры: перемещений между отдельными классами и слоями, а также внутри классов и слоев. Марксизм указал на основные направления такого передвижения в период капитализма и его высшей стадии — империализма.

Мелкая буржуазия города и деревни с развитием капитализма все более размывается. Ее большая часть вливается в состав пролетариата, а меньшая часть — в ряды буржуазии. «Ничтожное меньшинство мелких производителей наживается, «выходит в люди», превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, либо живет вечно на границе пролетарского состояния»¹. Часть мелких буржуа переходит в ряды служащих и интеллигенции. Одновременно, но в меньшей степени, совершается обратный процесс: разоряющиеся капиталисты опускаются, а часть рабочих «поднимается» в ряды мелкой буржуазии. Мелкими предпринимателями в городе и деревне становится часть служащих и интеллигентов.

Пролетариат при капитализме пополняется за счет размывания мелкой буржуазии города и деревни, вливания в него части служащих и интеллигенции и в свою очередь теряет часть членов, превращающихся в ремесленников и владельцев мастерских, переходящих в ряды служащих и интеллигенции.

Слой служащих и интеллигенции пополняются за счет части мелкой буржуазии города и деревни, выходцев из рабочих, представителей класса буржуазии.

В класс буржуазии переходит часть разбогатевших мелких буржуа города и деревни, отдельные представители служащих и интеллигенции.

Слой слуг и обслуживающего персонала частично рекрутируется из среды мелкой буржуазии, крестьянства, рабочих.

Часть представителей рабочего класса, крестьянства, кустарей и низших служащих скатывается в ряды деклассированных элементов.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 10.

Таковы основные направления перемещений между классами и общественными слоями, которые действительно совершаются в капиталистическом обществе. Помимо этих общих и главных направлений возможны и другие — отдельные, временные, случайные — передвижения между классами и социальными слоями капиталистического общества.

В подтверждение своих теорий «социальной мобильности» буржуазные социологи очень часто приводят всевозможные результаты опросов и статистические данные в виде таблиц, подсчетов, формул. Например, американский социолог Дж. Каль приводит данные опроса, который в 1947 г. провел в США среди 1334 лиц Национальный центр по исследованию общественного мнения (НОРК). У опрашиваемых лиц, подобранных по основным «классам» в виде групп занятости, спрашивали о «классовой» принадлежности по роду занятий их отцов. Результаты опроса оказались следующими¹ (см. табл. на стр. 198).

Мы не будем касаться в данном случае порочности самой методики этого опроса, при котором, в частности, из наиболее многочисленных слоев населения (неквалифицированных, полуквалифицированных и квалифицированных рабочих) опрашивалось меньше лиц, чем из числа собственников, служащих (клерков) и т. д. Останемся только на его результатах.

Результаты данного опроса не подтверждают буржуазных теорий исчезновения классовых конфликтов и классовой борьбы в связи с «социальной мобильностью».

Рабочие наполовину формировались из среды самих рабочих (квалифицированные — на 56 процентов, полуквалифицированные — на 48, неквалифицированные — на 46 процентов) и на 29—32 процента из числа сельскохозяйственных рабочих и мелких и средних фермеров. Разные категории рабочих на 7—12 процентов состояли из собственников, управляющих и должностных лиц. Это закономерно. Ведь категория собственников в США охватывает всех владельцев средств производства — от миллионера до ремесленника, кустаря и владельца мастерской. Именно последние в результате разорения и перешли в состав рабочих.

¹ J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 260.

Занятость сыновей и их отцов
(данные опроса НОРКом 1334 человек в 1947 г.)

Занятость сыновей	Количество опрошенных	Процент их отцов, которые были:								всего
		1. лицами свободных профессий	2. собственниками и т. д.	3. клерками и т. д.	4. квалиф. рабочими	5. полуквалиф. рабочими	6. фермерами и т. д.	7. неквалиф. рабочими	не знают	
1. Лица свободных профессий	164	23	24	10	13	5	17	7	1	100
2. Собственники, управляющие и должностные лица (в несельскохозяйственных областях)	219	4	31	9	18	8	25	5	—	100
3. Клерки, торговцы и подобные им лица	294	9	23	15	21	10	16	6	—	100
4. Квалифицированные рабочие и мастера	175	3	7	4	30	14	29	12	1	100
5. Полуквалифицированные рабочие	224	2	11	6	19	19	32	10	1	100
6. Фермеры и сельскохозяйственные рабочие . .	189	2	2	2	3	4	84	3	—	100
7. Неквалифицированные промышленные рабочие	69	3	12	—	9	17	32	20	7	100

Обратный факт, показывающий, что в числе собственников был 31 процент выходцев из рабочих, также свидетельствует лишь о превращении какой-то доли высококвалифицированных и других рабочих в ремесленников и владельцев мастерских.

Слой клерков и других служащих на 23 процента состоял из бывших собственников, т. е. из тех же мелких буржуа города. 24 процента бывших собственников, управляющих и должностных лиц стали людьми свободных профессий. Собственники города на 25 процентов состояли из бывших фермеров, что свидетельствует о переходе части капиталистов и мелких буржуа из сельского хозяйства, переживающего в США наибольшие трудности, в промышленность и торговлю.

Все другие данные этого опроса также служат лишь иллюстрациями к установленным марксизмом тенденциям перемещений из класса в класс и внутри отдельных классов капиталистического общества. Эти перемещения никак не могут служить причиной отсутствия классовых конфликтов и классовой борьбы в капиталистическом обществе.

Абсолютно антинаучными являются выводы буржуазных ученых о масштабах «социальной мобильности» в капиталистическом обществе.

Например, социолог Дж. Каль, чтобы определить размеры «социальной мобильности» в США, поступил следующим образом. Из проведенного НОРКом в 1947 г. опроса 1334 человек он взял проценты мобильности отдельных групп населения и механически распространил их на все население США.

У Дж. Калы получилось, что в 1950 г. из полуквалифицированных рабочих был мобильным 81 процент, из квалифицированных — 70, из собственников — 69, из лиц свободных профессий — 77 процентов и т. д.¹ В целом в США были мобильными по сравнению с положением их отцов 67 процентов всей рабочей силы. Одним словом, американское общество оказалось почти полностью мобильным и «открытым». Места для классовых конфликтов и классовой борьбы там не осталось.

Подобные насквозь субъективистские «подсчеты» и утверждения буржуазных социологов о масштабах

¹ J. A. Kahl, The American Class Structure, p. 259.

«социальной мобильности» в капиталистических странах не находят поддержки даже у некоторых буржуазных ученых. Так, социолог К. Маккуайр утверждает, что в США можно считать мобильными только 20 процентов населения¹.

Буржуазные ученые, исходя из своих антинаучных оценок характера и масштабов «социальной мобильности» в странах капитализма, наивно считают, что подобной мобильности достаточно, чтобы удовлетворить все притязания трудящихся и привести к устранению классовых конфликтов и классовой борьбы в капиталистическом обществе. Факты капиталистической действительности неумолимо свидетельствуют о том, что имеющаяся «социальная мобильность», отражая обострение классовых противоречий при капитализме, ведет к усилению, а не к ослаблению классовых конфликтов и классовой борьбы.

Факты показывают, что основное направление мобильности в современных капиталистических странах идет не «вверх», как утверждают буржуазные ученые, а «вниз», прежде всего в состав промышленного пролетариата. Эти факты «вертикального движения вниз» не могут обойти и буржуазные социологи. «Социальное снижение также может быть в нашей классовой системе», — признает Гертцлер. Оказывается, ныне «все более трудным становится не только подняться по социальной лестнице, но также удержать имеющиеся позиции»².

По приводимым Дж. Калем данным, с 1920 по 1950 г. мобильность в категории собственников, управляющих и должностных лиц шла не по линии увеличения этой категории за счет выходцев из «низших» классов, а по линии опускания «вниз», в состав рабочих, служащих и других категорий, самих собственников, прежде всего разоряющихся фермеров. Мобильность в этой категории была не с плюсом, а с минусом. 3292 тыс. человек из категории собственников и управляющих передвинулось «вниз», в различные слои населения. В то же время численность полуквалифицированных и квалифицированных рабочих увеличилась за счет мобильности на 5240 тыс. человек³.

¹ «American Sociological Review», vol. XV, 1950, p. 195—204.

² J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 238.

³ J. A. Kahl, *The American Class Structure*, p. 257.

Дж. Каль признает, что группы промышленных неквалифицированных рабочих «рекрутируются главным образом из фермеров и сельскохозяйственных рабочих»¹. Разорение фермеров и переход их в ряды рабочих — все усиливающийся процесс движения «вниз» в капиталистических странах. Пополняют ряды пролетариата многие служащие и интеллигенты: «...в Соединенных Штатах, Франции и Германии от пятой части до четверти тех, чьи отцы были служащими, становятся рабочими физического труда...»² Это еще один процесс движения «вниз».

Подобные факты буржуазные социологи всячески замалчивают, так как они свидетельствуют о нарастании классовых противоречий. Как признают американские социологи А. Дэвис и Б. Гарднер, «поскольку социальное снижение включает в себя то, что, согласно ценностям нашего общества, рассматривается как регресс, это снижение широко не рекламируется»³.

Так полностью оказываются несостоятельными буржуазные теории о природе «классового конфликта», «открытых» и «закрытых» обществах и «социальной мобильности».

Факты показывают, что классовые противоречия и конфликты в условиях капитализма являются не случайным явлением, а объективной закономерностью. Обусловленное классовыми противоречиями передвижение групп населения между отдельными классами, слоями и внутри них служит не отдушиной для конфликтов, а является выражением этих противоречий.

Капиталистическая действительность опровергает буржуазный миф о существовании в США, Англии, Западной Германии и некоторых других странах так называемых открытых обществ, где все слои населения якобы неудержимо передвигаются «вверх», в «высшие» классы. Факты показывают, что при капитализме население перемещается в основном не «вверх», а «вниз», прежде всего в ряды промышленного пролетариата. Усиливающаяся с каждым годом классовая борьба рабочих служит блестящим доказательством несостоятельности утверждений буржуазной науки и реформизма об «исчезновении» борьбы классов в капиталистическом обществе.

¹ J. A. Kahl, *The American Class Structure*, p. 262.

² Ibid., p. 263.

³ J. O. Hertzler, *Society in Action*, p. 238.

2. Буржуазно-реформистские теории «общности интересов» и «человеческих отношений»

В арсенале буржуазной пропаганды большое место занимают теории сотрудничества и гармонии между трудом и капиталом. Буржуазные предприниматели, правосоциалистические руководители и реакционные профсоюзные деятели пытаются на практике навязать трудящимся массам предательскую политику «классового сотрудничества». Лидерами в пропаганде теорий классового сотрудничества выступают буржуазные социологи, реакционные профсоюзные и правосоциалистические руководители в США.

Бессменный председатель Американской федерации труда (АФТ) Самюэл Гомперс с 1882 г. до конца своей жизни (1924 г.) направлял деятельность этого крупнейшего американского профсоюзного объединения по линии классового сотрудничества и отказа от революционной борьбы. Он обосновал даже некоторое подобие «учения» о «сотрудничестве труда и капитала».

Гомперс презирал сами термины «классовая борьба» и «пролетариат». В 1919 г. в интервью он заявил: «Я прошу вас только об одной вещи. Не употребляйте в разговоре со мной или в статье об этой беседе слово «пролетариат». Меня тошнит от него. Я вовсе не думаю и не мыслю в терминах социализма, в терминах классового сознания»¹. Гомперс настойчиво пропагандировал мысль о том, что задача рабочих состоит не в развертывании классовой борьбы и свержении господства капиталистов, а в использовании системы частного предпринимательства. «Профсоюзы не склонны принимать марксистскую теорию государства,— говорил он.— Напротив, они проявляют все больший интерес к инструментам, связанным с частной и кооперативной инициативой, личным и групповым предпринимательством, и все больше принимают в них участие».

Преемник Гомперса на посту председателя АФТ Уильям Грин (1873—1952 гг.) рьяно продолжал насаждать политику классового сотрудничества пролетариата и буржуазии. Он открыто провозгласил, что «цели руководителей профсоюзов и капиталистов едины». За это от

¹ «The New York Times Magazine», March 24, 1919.

американских капиталистов Грин получил в 1930 г. золотую медаль Теодора Рузвельта «За выдающиеся заслуги в установлении сотрудничества между трудом и капиталом».

Последующие правые профсоюзные руководители в США неуклонно продолжали проводить политику, начатую Гомперсом и Грином. Бывший председатель Конгресса производственных профсоюзов (КПП) Филипп Мэррей в 1948 г. утверждал: «На деле в Америке нет классов; вот почему марксистская теория классовой борьбы завоевала так мало приверженцев. Мы *все* здесь рабочие. И в конечном счете интересы фермеров, промышленных рабочих, бизнесменов, служащих и интеллигенции совпадают»¹. Нынешний председатель объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности Уолтер Рейтер с довоенного периода проповедует философию «содружества классов», теорию «классового мира и сотрудничества», доказывая «общность» интересов пролетария и капиталиста.

Бывший председатель АФТ, а ныне председатель профсоюзного объединения АФТ—КПП Джордж Мини, считающий себя «теоретиком» рабочего движения, применяет на практике гомперсовское «учение» о сотрудничестве труда и капитала. «Мы будем вынуждены,— пишет Мини,— заставить трудящихся, которых мы представляем, согласиться на очень строгий контроль, ответственность за который мы берем на себя. Мы должны будем им сказать, что они не смогут получать ту заработную плату и добиться тех условий труда, на которые они претендуют и которые, как они думают, им обязаны предоставить. В известном смысле мы должны будем стать агентами по выполнению распоряжений правительства. Но мы готовы выполнить эту непопулярную роль»².

Проповедью классового сотрудничества в США занимаются буржуазные идеологи и правительственные деятели, официальная пропаганда и церковь. В 1956 г. министр труда Митчелл провозгласил: «То, что происходит в нашей стране, нельзя назвать простым сосуществованием между промышленниками и рабочими. Это — плоды

¹ См. У. З. Фостер, Закат мирового капитализма, Госполитиздат, 1959, стр. 78.

² См. «Всемирное профсоюзное движение» № 24, 1951, стр. 5.

воплощения идеи сотрудничества между ними... Теория Маркса об эксплуатации трудящихся выглядит в Америке старомодной»¹. Нью-йоркский корреспондент западногерманской буржуазной газеты «Хандельсблат» Вальтер Шук в книге «Крупнейший рынок мира» (Дюссельдорф, 1953) представляет США страной, где «все думают по-капиталистически» и где господствуют отношения «доверия» между рабочими и предпринимателями.

В Англии проповедь политики сотрудничества классов на протяжении многих десятилетий характеризует деятельность большинства лидеров и руководителей лейбористской партии и Британского конгресса тред-юнионов. Неоднократны их заявления о том, что в Англии существует «классовый мир» между рабочими и буржуазией, что она «перешагнула классовый конфликт» и отношения между рабочими и предпринимателями вступили в «мирную фазу».

Наглядным свидетельством того, как деятели лейборизма и тред-юнионов в Англии пытаются внушить английским трудящимся идеи классового сотрудничества, является следующий факт. В английском ежемесячнике «Трибюн» приводился диалог между рабочим и капиталистом в США, что, по мнению авторов этой статьи, должно было служить наилучшим примером для поведения рабочих Англии. «Джим,— сказал рабочий,— мы не можем допустить новой депрессии, не правда ли?» — «Джо,— сказал предприниматель,— я каждый день стараюсь предотвратить ее». «Джим и Джо — самые лучшие друзья,— пишет далее газета.— Для них классовая борьба — это одна из странностей Старого Света, неизвестная в Америке, где предприниматели и профсоюзы одинаково преданы капитализму и договариваются между собой о распределении его плодов»².

Во Франции правые социалисты делали все для того, чтобы установить отношения сотрудничества и гармонии между пролетариями и капиталистами. Их реакционный лидер Леон Блюм в периоды обострения классовой борьбы не раз выполнял позорную роль «примирителя» в пользу буржуазии. Известны неоднократные заявле-

¹ См. «Литературная газета», 13 марта 1956 г.

² См. Б. Михайлов, Агентура Уолл-стрита в Конгрессе производственных профсоюзов США, Профиздат, 1951, стр. 74.

ния Блюма о том, что социалистическая партия Франции должна быть «лояльным управляющим капиталистического общества» и никоим образом не стремиться к ниспровержению капитализма. В Западной Германии политику классового сотрудничества насаждают правые социал-демократы и профсоюзные лидеры.

В таком курсе на классовый мир и сотрудничество, проводимом реформистскими и оппортунистическими лидерами, нет ничего удивительного. Ленин отмечал, что идейными основами оппортунизма являются «защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму... отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы...»¹

Как же реформистские, оппортунистические и профсоюзные лидеры теоретически обосновывают предательскую политику классового мира и сотрудничества?

В буржуазной, реформистской, правосоциалистической литературе за прошедшие 100 лет для этого использовался не один десяток всевозможных теорий, теориек и аргументов.

Подавляющее большинство этих теорий пытается доказать, что между трудом и капиталом, пролетариатом и буржуазией существует «общность интересов», которая якобы и требует проведения политики классового мира и сотрудничества. В чем конкретно состоит эта общность интересов, буржуазно-реформистские теоретики доказывают по-разному. Общим для всех этих теорий является то, что они отрицают объективный характер классовых интересов, обусловленных местом людей в системе производственных отношений. Целиком игнорируя связь классовых интересов с отношением к средствам производства, буржуазные и реформистские теоретики выискивают всевозможные пункты «совпадения» интересов рабочих и капиталистов в различных областях общественной жизни и на этой производной, второстепенной, часто случайной основе возводят карточный домик «общности интересов».

Большинство буржуазно-реформистских теорий общности интересов паразитирует на фактах производственной деятельности людей, касаясь главным образом

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 19.

вопросов распределения доходов, заработной платы и т. д. В то же время некоторые из них берут и другие, «эмоциональные» стороны общественной жизни.

Так, американский профсоюзный лидер Уолтер Рейтер с 1946 г., в подтверждение общности интересов, стал пропагандировать теорию «учета баланса» или «платежеспособности» предпринимателя. Сущность ее состоит в том, что уровень зарплаты и ее выплата рабочему якобы зависят от размеров прибыли капиталиста, поскольку сама заработная плата рабочего будто бы является вычетом из прибыли предпринимателя, а не составной частью всей стоимости, создаваемой трудом рабочего, как неопровержимо доказал К. Маркс. Отсюда У. Рейтер пытается убедить, что интерес у рабочих и капиталистов фактически один — увеличение капиталистической прибыли. Рабочим, дескать, нужно не бороться с предпринимателями, а сотрудничать с ними во имя повышения прибылей капиталистов.

Спекулируя на слабом знании многими трудящимися в капиталистических странах подоплеку экономических взаимоотношений, У. Рейтер извращает факты действительности. То положение, что сама прибыль капиталиста есть вычет из стоимости, созданной рабочими, реакционный профлидер перевертывает так, что получается, будто сама зарплата есть вычет из прибыли капиталиста. Как видно, правосоциалистические и профсоюзные боссы не стесняются в средствах обмана рабочих!

В послевоенные годы, в частности в связи с войной в Корее, американские профсоюзные боссы в подтверждение общности интересов капитала и труда выдвинули «теорию» так называемых равных жертв. Особенно рьяно ее проповедовал секретарь-казначей КПП Джеймс Кэри. Выступая по радио в разгар военной интервенции американского империализма в Корее, Кэри предлагал рабочим нести равные жертвы с капиталистами, как «на поле труда» — для процветания промышленности, так и «на поле брани» — в войнах США за границей.

Газета «Дейли уоркер» разоблачила эту лживую теорию врагов рабочего класса. Она писала: «Равенства жертв не существует. Его никогда не может быть при такой социальной системе, когда дюпоны, рокфеллеры и морганы владеют основными отраслями промышленности страны. Никогда не может быть «равного распре-

ления жертв» между предпринимателями и трудящимися. Никогда не может быть «равного распределения жертв» между сыновьями американских трудящихся, которые погибают на поле боя за границей, и уолл-стритовскими владельцами акций треста торговцев смертью»¹.

Одной из широко распространенных в буржуазной и реформистской литературе теорий классового сотрудничества является «теория рационализации». Суть ее заключается в том, что необходимым условием повышения жизненного уровня людей признается рост производства. А одним из главных средств увеличения выработки рабочих называется рационализация. Отсюда делается вывод, что рационализация производства, приводящая к усилению потогонной системы производства при капитализме, одинаково соответствует как интересам предпринимателей, так и интересам рабочих.

Ныне теория рационализации пропагандируется многими правыми лидерами в США, Англии и особенно в Западной Германии.

В Западной Германии начиная с 1951 г. развернулась широкая кампания по рационализации. Совместно с западногерманскими министрами и лидерами «Объединения немецких профсоюзов» (ОНП) в марте 1952 г. представители американской администрации выработали план кампании по проведению рационализации. Этот план с готовностью поддерживали правые руководители западногерманских профсоюзов, что было зафиксировано в специальном решении «Объединения немецких профсоюзов». Это заявление ОНП с большим удовлетворением приводила газета магнатов западногерманской тяжелой промышленности «Хандельсблат» 25 апреля 1952 г.: «В связи с обсуждением вопросов о производительности труда, о Совете по производительности и вообще вопросов рационализации федеральный комитет ОНП принял на своем последнем заседании общее решение, в котором он определенно выступает за осуществление рационализации в народном хозяйстве»².

Вся эта шумиха с рационализацией прямо направлена к выгоде капиталистов. Рационализация означает

¹ См. Б. Михайлов, Т. Ремизов, Желтые профлидеры без маски, Профиздат, М., 1952, стр. 61.

² См. Ю. Кучинский, Положение рабочего класса в Западной Германии (1945—1956 гг.), ИЛ, М., 1957, стр. 368.

прежде всего рост прибылей капиталистических предпринимателей, от повышения которых рабочие ничего не выигрывают. Более того, рационализация ведет к совершенствованию средств производства, на которых трудятся рабочие, а следовательно, к «совершенствованию» средств эксплуатации рабочих, усилению потогонной системы. Отсюда понятно, почему промышленные воротилы в США, Англии, Западной Германии и других странах с таким энтузиазмом проводят эту кампанию рационализации.

Из всех теорий «общности интересов», когда-либо имевших хождение в среде правых социалистов и желтых профлидеров, самой распространенной является так называемая *теория роста заработной платы в соответствии с производительностью труда* (сокращенно теория «*производительности труда*» или «*заработной платы*»).

Сторонники этой теории утверждают, что в конце процесса производства владельцы средств труда и рабочие полностью получают то, что каждый из них производит. Рабочие в виде заработной платы получают все, что создали своим трудом, а капиталисты в виде прибыли или процента все, что они «создали» своим капиталом. Таким образом, отношения эксплуатации здесь совершенно отсутствуют и все различие между владельцами капитала и рабочими сводится лишь к различиям в доходах, получаемых в соответствии со сделанным «вкладом».

Поскольку и капиталист и рабочий получают якобы целиком то, что они вложили в производство, постольку и размер доходов, согласно авторам этой теории, должен изменяться в зависимости от сделанного «вклада»: чем больше вкладывают в производство капиталисты, тем больше они должны иметь прибыли; чем больше вкладывают в производство рабочие, тем больше должны они якобы получать при распределении. Одним словом, прибыль капиталиста растет в прямой пропорции со вложенным капиталом, а заработная плата рабочих — в прямой пропорции с затраченным трудом. «Таким образом,— умиляется американский буржуазный экономист Генри Чарлз Кэри,— от произведенных улучшений выиграли оба. Таков великий закон, определяющий распределение продукта труда. Это, может быть, самый прекрасный из всех законов, начертанных в книге наук,

ибо он обосновывает возможность совершенной гармонии истинных интересов различных классов человечества»¹.

Теория «производительности труда» чрезвычайно удобна для капиталистов, ибо она внушает трудящимся мысль о ненужности и бессмысленности всякой классовой борьбы. Ей аплодировали в начале XX в. не только монополисты, но и правые лидеры профсоюзного движения США, Англии, Германии и других стран.

В послевоенный период, когда в капиталистических странах усилилась классовая борьба рабочих, буржуазные идеологи, правосоциалистические и профсоюзные лидеры вновь стали усиленно навязывать трудящимся теорию «производительности труда». Пропаганда ее, как и в 20-х годах XX в., началась в США. Еще в разгар войны американский буржуазный социолог В. Х. Сидд заявлял в одной из статей, что обязанностью профсоюзных руководителей является обеспечение «общности интересов» рабочих с предпринимателями. «Неумение со стороны части руководителей рабочих организаций,— угрожал Сидд,— сочетать стремление рабочих с интересами общего благосостояния общества вынудит общественный контроль обуздать таких руководителей»². Лидеры американских профсоюзов лицемерно обратились к рабочим с призывом «повышать в сотрудничестве с нанимателями производительность труда».

Социальные, классовые цели кампании в пользу повышения производительности ясно обрисовал председатель одного из отделений американской компании «Эссо»: «Сегодня не может быть больше сомнений в том, что дальнейшее существование нынешней экономической системы зависит от того, удастся ли предпринимателям наладить сотрудничество с рабочими, связать их внутренне с предприятием»³.

Кампания за повышение производительности труда захлестнула вслед за США и большинство стран Западной Европы.

Французские буржуазные идеологи, правосоциалистические лидеры и профсоюзные теоретики усиленно стали

¹ H. Ch. Carey, Lehrbuch der Volkswirtschaft und Sozialwissenschaft, Wien, 1870, S. 463.

² «American Sociological Review», vol. VII, 1942, p. 176—180.

³ См. «Всемирное профсоюзное движение» № 4, 1955, стр. 18.

пропагандировать мысль о том, что во Франции классовая борьба сменилась «ассоциацией капитала и труда», цель которой — «замена существующего антагонизма между хозяевами и рабочими активным участием трудящихся в плодах эксплуатации»¹.

На удочку этих теорий попались многие руководители французского профсоюзного объединения «Форс увриер» и христианских профсоюзов — ФКХТ, которые не в меру стали восторгаться мнимыми благами повышения производительности труда.

В Западной Германии в апреле 1952 г. был создан специальный «Совет по производительности», в который вошли представители администрации по плану Маршалла, работники западногерманского министерства хозяйства, представители предпринимателей, служащих и профсоюзной верхушки. Целью «совета» было заставить рабочих еще упорнее трудиться на капиталистов. Как говорилось в специальном сообщении о деятельности «совета», «при выполнении программы повышения производительности труда необходимо использовать все средства: будь то модернизация станочного парка, научные исследования, социальное жилищное строительство, самое экономное расходование дорогого сырья, создание широкого рынка или стремление заинтересовать рабочих в увеличении выработки путем повышения эффективности труда»².

С поддержкой антирабочей программы с холопской готовностью выступило руководство «Объединения немецких профсоюзов» и западногерманской социал-демократии. В сентябре 1952 г. правое руководство СДПГ на дортмундском партийном съезде разработало программу действий, первое экономическое требование которой гласило: «...повышение и обеспечение жизненного уровня населения путем роста производительности труда...»³

Кому на деле была выгодна эта поддержанная руководством профсоюзов и социал-демократов кампания по повышению производительности в Западной Германии, показывает выступление главы «Союза предпринимателей» Берга. От имени военных концернов он без всяких

¹ «Правда», 1 сентября 1958 г.

² Ю. Кучинский, Положение рабочего класса в Западной Германии (1945—1956 гг.), стр. 366.

³ См. там же, стр. 370.

прикрас объяснил, почему необходимо проповедовать «повышение производительности труда»: «Одной из наших главных задач является повышение выпуска продукции и производительности труда, с тем чтобы мы смогли принести необходимые жертвы для дела обороны»¹.

Современные капиталистические предприниматели идут на всевозможные уловки для того, чтобы создать видимость, будто повышение производительности труда действительно вызывает рост заработной платы. Для этого прежде всего они ввели в последние годы различные формы и системы заработной платы, которые создают обманчивую иллюзию заинтересованности рабочих в повышении выработки.

Это система так называемой повышенной зарплаты для определенных групп рабочих, в основном высококвалифицированных, которая применяется на заводах Форда в США, на многих крупных предприятиях Англии, Бельгии, Западной Германии, на французских автомобильных заводах «Рено» и «Симка», на туринских заводах «Фиат» в Италии и на многих других предприятиях капиталистических стран.

В Западной Германии в целях «выделения» наиболее производительных рабочих проводятся мероприятия по все большей дифференциации заработной платы, вводятся «отличия для лучших рабочих», им присваиваются различные титулы и т. д.

Это, далее, так называемая премиальная система, которая находит свое выражение в годовых премиях рабочим, сумма которых колеблется от двухнедельного до двухмесячного заработка. Характерно, что эти премии выдаются не столько рабочим, отличившимся высокой выработкой, сколько рабочим, проявившим максимум «сотрудничества» с хозяевами. Например, на многих предприятиях табачной промышленности Англии рабочие, чем-либо «провинившиеся» перед хозяином, лишаются этих премий. Если, например, в течение года на предприятии была проведена хотя бы одна забастовка, то премии выдаются только тем рабочим, которые не принимали в ней участия. Таким образом, речь здесь идет уже не о плате за выработку, а об открытой плате за

¹ Ю. Кучинский, Положение рабочего класса в Западной Германии (1945—1956 гг.), стр. 369.

«классовое сотрудничество», что в конце концов, с буржуазной точки зрения, одно и то же.

Теория «роста заработной платы в соответствии с производительностью труда» не выдерживает научной критики и является ложной от начала до конца. Она полностью извращает сущность отношений между капиталом и трудом в процессе производства и распределения.

В процессе капиталистического производства нанятая капиталистами рабочая сила создает, с одной стороны, стоимость, равную стоимости рабочей силы, а с другой — стоимость, являющуюся избытком над стоимостью рабочей силы. Этот «избыток», или прибавочную стоимость, присваивают себе капиталисты в виде прибыли.

Данное положение вполне понятно, ибо в противном случае капиталистам не была бы выгодна и сама покупка рабочей силы, так как капитал как таковой сам не создает ровно никакой прибыли и ценности, как пытаются утверждать буржуазные идеологи. Все, что создано в процессе и в результате производства, создано трудом рабочих. Следовательно, прибавочная стоимость, которую капиталисты оставляют у себя, представляет собой результат эксплуатации капиталистами труда рабочих. Именно она и интересует капиталистов, когда они покупают рабочую силу. Цель владельцев капитала — производство прибавочной стоимости.

Отсюда первый вывод заключается в том, что стоимость рабочей силы составляет только часть вновь созданной рабочими стоимости, а потому рабочие при капитализме всегда, при всех условиях получают меньше, чем они создали, следовательно вовсе не в соответствии с производительностью их труда, как пытаются утверждать сторонники теории «заработной платы».

Но этим еще вовсе не исчерпываются отношения между трудом и капиталом в области распределения. Самой характерной их чертой является то, что капиталисты, как правило, не выдают труженику даже полную стоимость его рабочей силы, а оплачивают ему в виде заработной платы только часть стоимости его рабочей силы.

Маркс отмечал, что «капиталист постоянно стремится свести заработную плату к ее физическому минимуму и удлинить рабочий день до его физического максимума, тогда как рабочий постоянно оказывает давление в про-

тивоположном направлении. Дело сводится к вопросу о соотношении сил борющихся сторон»¹.

Отсюда второй вывод, что в условиях капитализма выдаваемая рабочим заработная плата, как правило, всегда бывает ниже стоимости их рабочей силы, а потому она никак не может соответствовать стоимости труда рабочих, их производительности труда, что лживо утверждают проповедники теории «заработной платы».

Факты капиталистической действительности показывают, что заработная плата не только отстает от производительности труда, но и имеет тенденцию к сокращению, хотя производительность труда увеличивается.

В США, по приводимым В. Перло и «Ассоциацией по исследованию проблем труда» данным, за период 1939—1952 гг. производительность американского промышленного рабочего повысилась на 35 процентов, а его покупательная способность уменьшилась².

Данные за более длительный период говорят о наличии еще большего разрыва между повышением производительности и изменением заработной платы. Официальная статистика показывает, что в США «ухудшение относительного положения рабочего является давно начавшимся движением, пронизывающим всю внутреннюю историю американского капитализма»³. За пять десятилетий, с 1899 по 1952 г., производительность труда рабочих выросла на 169 процентов. Однако их действительная покупательная способность за тот же период увеличилась только на 38 процентов. Результатом этого явилось небывалое обогащение капиталистической верхушки США, в то время как жизненные условия миллионов американских рабочих почти не улучшились, а во многих случаях ухудшились. По данным «Ассоциации по исследованию проблем труда», с 1899 по 1952 г. относительное положение промышленных рабочих США ухудшилось на 49 процентов, т. е. почти вдвое⁴. Как говорится, комментарии излишни.

Ничем не лучше положение дел с соотношением производительности труда и заработной платы и в других капиталистических странах.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, изд. I, стр. 144.

² V. Perlo, The Income «Revolution», p. 55.

³ Ibid., p. 56.

⁴ Ibid., p. 55.

В Англии за период с 1947 г. по июнь 1954 г. производительность труда 400 тыс. шахтеров, находящихся на повременной оплате, возросла на 11 процентов. За это же время их реальная заработная плата, даже без учета роста налогов, снизилась на 5 процентов. Во Франции, как показывают данные, опубликованные в газете «Пёпл», производительность труда шахтеров за пять лет — с 1947 по 1952 г. — увеличилась на 45 процентов. Реальная же заработная плата шахтеров упала более чем на одну треть. При этом повышение производительности привело к тому, что на шахтах оказалось 43 тыс. «лишних» людей, которые были уволены. В Италии производительность труда в шелковой промышленности, по сообщению буржуазного журнала «Продуктивита», за период 1948—1952 гг. возросла на 6 процентов, а реальная заработная плата рабочих упала на 7 процентов.

Факты показывают, что в условиях капитализма рост производительности труда неизменно сопровождается не повышением заработной платы, как любят утверждать буржуазные, реформистские и профсоюзные деятели, а увеличением стоимости жизни, снижением жизненного уровня трудящихся. Так, по официальным данным, к началу 1954 г. стоимость жизни по сравнению с 1948 г. возросла: во Франции — на 44 процента, в Англии — на 31, в Италии — на 18, в США — на 12, в Норвегии — на 41, в Швеции — на 32 процента.

Повышение стоимости жизни приводит к значительному сокращению реальной заработной платы рабочих. Например, реальная заработная плата американских рабочих в первом полугодии 1954 г. в нефтеперерабатывающей, тракторной, судостроительной промышленности, в промышленности средств связи, в розничной и оптовой торговле сократилась на 6—20 процентов по сравнению с довоенным уровнем. Реальная заработная плата английских машиностроителей, шахтеров и железнодорожников в 1953 г. была на 5—10 процентов ниже уровня 1947 г., а портовых рабочих — на 21 процент ниже уровня 1945 г. Реальная заработная плата французских рабочих с сентября 1951 г. по июнь 1954 г. упала на 10 процентов. В настоящее время их реальная заработная плата вдвое ниже довоенного уровня.

Все это убедительно свидетельствует о том, что в ре-

зультате повышения производительности труда рабочие при капитализме ничего не выигрывают. Усиливается лишь их эксплуатация, потогонная система становится еще более невыносимой, возрастает число несчастных случаев на производстве, в еще большей степени увеличивается безработица. Рост безработицы — одно из главных последствий кампании по повышению производительности труда.

С другой стороны, эти же факты говорят о том, что теория «производительности труда» или «зарботной платы» и ее применение на практике прямо выгодны только классу капиталистов. Как отмечала 15 октября 1953 г. американская профсоюзная газета «Джастис», «главная цель администрации остается без изменений. Цель эта — увеличить производительность своих рабочих при наименьших затратах». Другая американская газета, «Уоркер», писала: «В настоящее время потогонная система — не только способ, при помощи которого капиталист заставляет своих рабочих трудиться с большим напряжением сил. Потогонная система стала инструментом основной экономической политики всего класса американских империалистов. Финансисты и промышленники используют ее для получения бешеных прибылей, постоянно сокращая при этом реальную заработную плату трудящихся».

Рабочие капиталистических стран на своем собственном горьком опыте убеждаются в лживости кампании за повышение производительности труда и в ее бесплодности для рабочих.

В 1950 г. руководитель объединенного профсоюза рабочих автомобильной и авиационной промышленности Уолтер Рейтер заключил сроком на пять лет коллективный договор с компаниями Форда и «Дженерал моторс», согласно условиям которого рабочие в течение этих пяти лет не могли бастовать и обязывались безропотно переносить эксплуатацию и произвол администрации автомобильных компаний. В то время вся монополистическая печать превозносила до небес эту предательскую сделку Рейтера как «верх мудрости» и олицетворение «содружества труда с капиталом».

Кому было на пользу подобное «классовое сотрудничество», можно легко увидеть из сравнения следующих фактов. За пять лет действия контракта концерн

«Дженерал моторс» получил 3303 млн. долларов чистой прибыли, а компания Форда — 968 млн. долларов. Если в 1953 г. хозяева «Дженерал моторс» сумели получить в среднем от каждого занятого рабочего 1550 долларов чистой прибыли, то в 1954 г. за счет усиления эксплуатации они «заработали» на каждом рабочем по 2200 долларов.

Что касается рабочих, то для автостроителей, как писал обозреватель Н. Ганли из Детройта, «это были пять долгих лет потогонной системы, массовых увольнений в результате автоматизации производства». Жалкими крохами по сравнению с огромными прибылями хозяев выглядели те немногие центы, которые удалось вырвать рабочим в виде прибавки к своей почасовой заработной плате. Но и эти гроши были быстро съедены дороговизной жизни и ростом налогового бремени.

Нешадная эксплуатация, массовые увольнения и низкий уровень заработной платы рабочих — таковы были плоды политики «классового сотрудничества» профсоюзных вожakov, пресмыкающихся перед «автомобильными королями» Америки. Поэтому не удивительно, что, когда в 1955 г. истек срок действия этого кабального договора, сотни тысяч рабочих автомобильных заводов в один голос провозгласили: «Бастовать!» К середине июня число бастующих рабочих компании «Дженерал моторс» достигло 140 тыс. человек. Забастовки охватили 50 предприятий «Дженерал моторс», разбросанных по стране.

Во Франции в результате проведенных в последние годы Французской компартией семинаров, посвященных марксистскому изучению проблем производительности труда, многие трудящиеся, технические специалисты и профсоюзные руководители низшего и среднего звена активно выступили против предательской теории «заработной платы». В ходе выступлений французских трудящихся многочисленные низовые организации профсоюзного объединения «Форс увриер» и христианских профсоюзов, руководители которых ранее поддерживали кампанию повышения производительности труда, повели борьбу против этой кампании, опираясь на аргументы, выдвинутые Коммунистической партией Франции.

В результате такого отпора трудящихся немало профсоюзных руководителей в капиталистических странах, ранее выступавших в поддержку кампании по повыше-

нию производительности труда, начинают все активнее протестовать против этой антирабочей кампании. Так, руководящий комитет Итальянского союза труда, примыкающего к Международному конгрессу свободных профсоюзов, в 1953 г. в своей резолюции признал, что кампания за повышение производительности труда свелась «не к чему иному, как к эксплуатации трудящихся». Даже научно-исследовательский институт западногерманских профсоюзов, рьяный поборник кампании за производительность, в этой связи вынужден был констатировать, что «рост прибылей находится в вопиющем социальном противоречии с развитием зарплаты»¹.

В свое время Маркс и Энгельс подвергли беспощадной критике писания основателя теории «производительности труда» Г. Ч. Кэри. Касаясь самого Кэри, названного американской буржуазией «великим экономистом», Маркс писал, что это человек, отличающийся колоссальной некритичностью и ложной ученостью².

Факты капиталистической действительности блестяще подтвердили данную Марксом и Энгельсом оценку теории «производительности труда» и ее основателя. Однако современные правые лидеры до сих пор продолжают навязывать эту предательскую теорию трудящимся стран капитализма.

Очень близки к теории «заработной платы» и некоторые другие буржуазно-реформистские концепции, в частности так называемая теория «участия в прибылях». Ее сторонники внушают, будто трудящиеся помимо заработной платы получают также и часть прибылей, т. е. как бы на равных основаниях «делят» ее с капиталистами.

Эта теория широко пропагандируется в США многими профсоюзными боссами и правыми социалистами, в частности «социалистом» Джорджем Балданзи. Орган американских «социалистов» «Нью лидер» в 1950 г. с восторгом цитировал выдержки из письма Балданзи в журнал деловых кругов «Бизнес уик», в котором тот, пропагандируя миф об «участии» рабочих в прибылях, писал: «Однажды я уже указывал,... что участие рабочих в прибылях могло бы быть приемлемым средством

¹ См. «Всемирное профсоюзное движение» № 4, 1955, стр. 20.

² См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 567.

взамен либо повышения заработной платы, либо выплаты пенсий»¹.

Этим своим высказыванием Балданзи как нельзя яснее вскрыл лживую сущность теории «участия в прибылях». Капиталистические предприниматели выдают рабочим часть их же заработной платы в виде так называемой доли от прибыли, пытаясь тем самым заинтересовать трудящихся в увеличении капиталистической прибыли, на самом деле целиком идущей в карман владельцев предприятий. Ставя в зависимость от уровня прибылей состояние заработной платы, пенсионного обеспечения, медицинской помощи, размеров пособий по безработице и т. д., предприниматели пытаются тем самым создать у трудящихся заинтересованность в делах фирмы, подорвать волю рабочих к сопротивлению.

Кроме США теория «участия в прибылях» широко распространилась в Западной Германии.

Наибольшую известность получила так называемая дуйсбургская система вознаграждения, которую применяют на дуйсбургском предприятии «Купфер-хютте», дочернем предприятии концерна «И. Г. Фарбениндустри». Такая система официально именуется этим монополистическим объединением «справедливой заработной платой». Аналогичные системы применяются и на других предприятиях «И. Г. Фарбениндустри», а также на ряде металлургических и машиностроительных заводов.

Во всех этих системах «доля прибыли» рабочих включается в обычные расходы по заработной плате и сверх того облагается налогами. Под видом «прибыли» рабочий получает часть своей же заработной платы. Капиталист же из своей прибыли ничего не теряет.

Насколько выгодной капиталистам и невыгодной рабочим оказывается система «участия в прибылях», показывают следующие факты. В Западной Германии за один год действия в угольной промышленности системы «участия в прибылях» сменная добыча угля на одного подземного рабочего возросла на 72 килограмма. В целом же по западногерманской угольной промышленно-

¹ См. Б. Михайлов, Т. Ремизов, Желтые профлидеры без маски, стр. 7.

сти шахтеры дали дополнительно угля на 416 млн. марок. Как же были распределены результаты увеличения производительности труда западногерманских шахтеров? Дневная заработная плата шахтера за это время возросла в среднем на 61 пфеннинг. В то же время магнаты угля получили 355 млн. марок, что составляет 85 процентов стоимости дополнительной продукции, полученной за счет усиления интенсификации труда шахтеров.

Ограбление шахтеров Рура под лозунгом «участия в прибылях» стало настолько очевидным для рабочих, что вызвало среди них широкое движение протеста. Под этим давлением рурские капиталисты были вынуждены отказаться от антирабочей системы «участия в прибылях».

Довольно распространенной буржуазно-реформистской концепцией «общности интересов» является теория «социального партнерства», получившая особенно широкое распространение в Западной Германии.

С помощью этой «теории» рабочим хотят внушить, что предприниматель и рабочий — это не классовые враги, а «равноправные партнеры». Для этого буржуазные идеологи стремятся представить труд рабочего в качестве «эквивалентного» и «аналогичного» капиталу. Например, один из западногерманских предпринимателей — Герт Шпиндлер, который особенно рьяно подвизается на ниве распространения этой новой формы социальной демагогии, предложил внушать рабочим, что они являются якобы совладельцами предприятия. Это, писал он, покажется рабочим «справедливым».

Все эти махинации, по признанию самих западногерманских монополистов, имеют целью заставить рабочего воспринимать получаемую им заработную плату в качестве «справедливого вознаграждения» за труд. Об этом прямо говорит выпущенная в 1954 г. в Мюнхене книга «Предприятие и наука о труде». По мысли буржуазных идеологов, заработная плата должна превратиться в глазах рабочего в «справедливую долю» «социального партнера — рабочего», точно так же, как прибыль — в «справедливую долю» «социального партнера — предпринимателя». Тем самым, полагают монополисты, была бы замаскирована подлинная сущность капиталистических производственных отношений.

Для проповеди идей «социального партнерства» в Западной Германии созданы такие организации, как «Немецкий индустриальный институт» и «Вааге» — «Объединение для социального соглашения». «Немецкий индустриальный институт» является агитационным центром западногерманских монополий, который публикует так называемые письма предпринимателей. В этих письмах содержатся всевозможные аргументы и инструкции для капиталистов, которые они могут использовать в своих речах, статьях, в заводских газетах для обмана трудящихся. Что касается «Вааге», то оно регулярно публикует в западногерманских газетах материалы, в которых на все лады пропагандируется и прославляется «социальное партнерство». Руководителями этой организации являются ведущие представители таких монополистических объединений, как компании Форда, «И. Г. Фарбениндустри» и др.

Во Франции в подтверждение идей «социального партнерства» и «совладения» предприятиями многие деятели ссылаются на факты создания на некоторых капиталистических фабриках и заводах различных совещательных комитетов и консультативных органов из представителей инженеров, мастеров и отдельных рабочих. Однако все подобные органы и комитеты ни в какой степени не превращают рабочих в «совладельцев» заводов и «социальных партнеров» капиталистов. Рабочие на предприятиях с консультативными органами не только не имеют права распоряжаться оборудованием заводов, имеющимися на них машинами, запасами сырья и выпускаемой продукцией, но и как-то влиять на управление предприятиями. Как отмечают авторы французского проекта «Ассоциации капитала и труда», «власть хозяина в том, что касается руководства и управления, не может быть никем ограничена»¹.

Буржуазные и реформистские авторы теории «социального партнерства» не скрывают, что цель этой кампании — воспрепятствовать воздействию на рабочих идей социализма. Как говорится в недавно вышедшей в ФРГ книге капиталиста Шпиндлера «Социальное партнерство вместо классовой борьбы», одно из главных назначений предлагаемой системы состоит в том, чтобы «создать

¹ «Правда», 1 сентября 1958 г.

преграду против большевизма, угрожающего с Востока»¹.

Буржуазно-реформистскую теорию «совладения» предприятиями и «социального партнерства» подхватывают и некоторые ревизионистские теоретики. Так, югославский «теоретик» Йоже Горичар в статье «Государственный капитализм и новые явления в классовом составе общества» утверждает, что в современных странах капитализма на место классовой борьбы в качестве ее «новой формы» приходит «движение рабочего класса к экономической демократии, т. е. к соучастию непосредственных производителей в управлении экономикой»².

Подобные утверждения ревизионистов повторяют избитые лозунги буржуазной и реформистской идеологии, ведут к проповеди отказа трудящихся капиталистических стран от борьбы за свои классовые цели и интересы.

В последние годы капиталисты, буржуазные идеологи, реформистские и правосоциалистические лидеры усиленно применяют на практике теории так называемых «человеческих отношений» (*human relations*).

Возникнув впервые в США на заводах «Вестерн электрик компани» в 30-х годах XX в., практика «человеческих отношений» получила свое развитие главным образом в последнее время.

В отличие от тех или иных теорий «общности интересов», касающихся лишь какого-либо одного вопроса отношений рабочих с предпринимателями, теории «человеческих отношений» охватывают целый комплекс вопросов взаимоотношений между буржуазией и пролетариатом: в производстве, в общественных мероприятиях, в быту, во время досуга, в личных отношениях и т. д.

Теория и практика «человеческих отношений» является попыткой современной буржуазии и ее идеологов всесторонне воздействовать на рабочего. Переход от односторонних и односторонних теорий «общности интересов» к комплексной теории «человеческих отношений» свидетельствует, во-первых, о том, что с ростом классового сознания трудящиеся капиталистических стран все более и более освобождаются от влияния буржуазных иллюзий и мифов об «общности интересов» и «классовом

¹ См. «Проблемы мира и социализма» № 1, 1959, стр. 82.

² «*Naša Stvarnost*» № 7—8, 1958.

сотрудничестве», и, во-вторых, о том, что в целях удержания рабочих в рамках классового мира буржуазия и ее идеологи идут на изыскание и применение все более сложных и изощренных теорий.

Свою политику в отношении рабочего класса буржуазия никогда не сводила только к методу насилия, «кну-та». Наряду с этим она всегда применяла метод заигрывания, уступок, «пряника». Политика «кну-та» и «пря-ника» стала особенно характерной для буржуазии в эпоху империализма, когда во много раз усилилась классовая борьба рабочих, и особенно после социалистической революции в России и образования лагеря социализма. «Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна,— рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»¹

Современные условия развития капитализма отличаются не только тем, что рабочий класс в капиталистических странах стал сильнее, сплоченнее, более организованным, что во много раз вырос авангард трудящихся — коммунистические и рабочие партии. Главной характерной чертой современного исторического развития является создание мирового лагеря социализма, огромные успехи социалистических стран в области экономики, культуры и установления подлинно человеческих отношений между людьми.

Пример социалистических стран стал ныне притягательной силой в глазах трудящихся капиталистических стран. Благодаря существованию социалистического лагеря оказалась похороненной легенда о «единственном» — капиталистическом пути развития. Рабочий

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 320.

класс социалистических стран доказал, что пролетариат не только может обойтись без капиталистов, но и может во много раз лучше и успешнее строить без них новую жизнь. Все большее количество трудящихся капиталистических стран видит свое будущее не в капиталистическом, якобы «измененном» и «преобразованном», строе, а в социалистической системе.

В этих качественно новых условиях развития в послевоенный период буржуазия от старой, традиционной политики патернализма все больше переходит к методам социальной демагогии и проявления «заботы» о простых людях, о трудящихся.

Теория и практика «человеческих отношений», воздействуя на все стороны жизни трудящихся, имеет целью, с одной стороны, подкрепить ухудшающиеся позиции капитализма в экономическом соревновании с социализмом, найти новые «стимулы» для того, чтобы вызвать «энтузиазм» у рабочих и увеличить производительность труда. С другой стороны, проводя подобную политику, монополисты стремятся создать видимость, будто при капитализме проявляется не меньшая, а даже большая забота о трудящихся, чем в социалистических странах.

В связи с этим буржуазные идеологи, а также реформистские и ревизионистские элементы в рабочем движении неустанно заявляют, будто с введением методов «человеческих отношений» и им подобных наступила принципиально новая эпоха в отношениях между трудом и капиталом, в развитии всего капиталистического общества. А это якобы ведет к тому, что марксизм оказался «опровергнутым», а марксистское учение о социально-экономической сущности капитализма — «несостоятельным».

Классовая направленность теории и практики «человеческих отношений» раскрывается довольно просто. С одной стороны, ее цель — обеспечение наивысших прибылей капиталистам за счет усиления эксплуатации рабочего класса, повышения интенсивности и производительности труда. Об этой целенаправленности практики «человеческих отношений» вовсе не собираются умалчивать сами капиталистические предприниматели.

Известный американский монополист Генри Форд (второй) в одной из своих речей заявил: «Если мы сможем разрешить проблему человеческих отношений в

промышленном производстве, то, я полагаю, в течение ближайших 10 лет мы сможем добиться такого же успеха в снижении издержек производства, как тот, которого мы достигли в течение последней четверти века путем развития механизма массового производства...»¹

Метод «человеческих отношений», таким образом, является продолжением системы «выжимания пота» из рабочих — методов тейлоризма, фордизма, повышения производительности труда. «Человеческие отношения» — это комплексная потогонная система, применяемая к новым условиям развития капиталистической промышленности.

С другой стороны, ее цель — затемнение классового сознания рабочих, насаждение отношений «сотрудничества капитала и труда», подрыв коллективных действий трудящихся и существующего между ними единства.

В практику «человеческих отношений» входит целый комплекс мероприятий — экономических, социальных, организационных, бытовых и психологических².

Экономические мероприятия включают различные системы и формы заработной платы, имеющие целью стимулировать «инициативу» рабочих, повысить производительность труда и тем самым увеличить прибыли капиталистов.

В настоящее время заработная плата рабочих, как правило, делится на две части: твердый оклад и изменяющуюся часть (различные «премии» и т. д.). Например, на предприятиях Франции выдаются индивидуальные, коллективные и дифференцированные премии.

Уменьшая размеры твердого оклада и увеличивая премии, капиталисты стремятся создать видимость, будто рабочие получают в зависимости от производительности своего труда. Так, в Западной Германии на металлургическом предприятии Хуккинген (фирма Манесмана) на 5 тыс. рабочих имеется 1200 по-разному оплачиваемых рабочих мест. Тем самым капиталисты заставляют рабочих трудиться больше и быстрее.

В то же время, подрывая единую тарифную систему, проводя политику дифференциации заработной платы, капиталисты стремятся внести раскол в ряды рабочих.

¹ См. «Проблемы мира и социализма» № 1, 1959, стр. 82.

² Об этих мероприятиях см. там же, стр. 83—86.

Например, индивидуальные премии, применяемые во Франции, вызывают конкуренцию между отдельными рабочими. Коллективные премии имеют целью увеличить производительность целых групп трудящихся и одновременно обеспечить их «классовое сотрудничество» в рамках предприятия. Дифференцированные премии, выплачиваемые регулярно раз в месяц, в три месяца или полгода, направлены на то, чтобы заставить рабочих воздержаться от забастовок.

Существующие различия в оплате для молодежи, женщин, иммигрантов, лиц разных национальностей и т. д. создают дополнительные поводы для конфликтов между трудящимися на капиталистических предприятиях.

Системы подобной «справедливой», «человечной» заработной платы, якобы созданной на основе «научного» подхода, ведут к тем же последствиям, что и кампания за повышение производительности труда. Усиливается эксплуатация рабочих, повышается интенсификация труда, растет число несчастных случаев на предприятиях и увеличивается армия безработных. Мизерные же изменения в заработной плате никоим образом не возмещают последствий усиления потогонной системы.

В капиталистические страны постоянно проникает правда о подлинно человеческих отношениях, установившихся в странах социализма как в обществе в целом, так и на предприятиях, на производстве. Капиталистические дельцы пытаются имитировать человеческие отношения на производстве в виде различных *способов «общения»* капиталистов и рабочих.

К таким способам «общения» относятся проводимые на капиталистических предприятиях цеховые собрания, «управленческие советы», заводская печать, издаваемая администрацией, ящики для рационализаторских предложений и другие меры, являющиеся пародией на то, что осуществлено в социалистических странах.

Так, в Англии на большом моторостроительном заводе «Воксхол» в Бедфордшире, являющемся филиалом американской корпорации «Дженерал моторс», действует «производственный консультативный комитет», состоящий из представителей администрации и рабочих. Однако этот комитет собирается только раз в месяц. Что же касается его прав, то, как и в системе «социального партнерства» и «совладения» предприятиями,

они ничтожны и носят только консультативный характер.

Аналогичные «советы по управлению предприятием», «заводские комиссии», «заводские общины» и т. д. существуют на многих предприятиях Италии, Франции, Швеции и других капиталистических стран. Их действительная роль в управлении производством ничтожна. Они нисколько не затрагивают единоличной власти хозяина предприятия: он может полностью игнорировать решения и рекомендации этих советов и комиссий, если они не устраивают его. В то же время с их помощью предприниматели стремятся воздействовать на повышение производительности труда рабочих, ослабить единство рабочих, привлечь их на сторону хозяина предприятия.

Этим же целям служат издаваемые капиталистами на предприятиях заводские газеты. Вот что заявил об их роли и значении французский владелец большого металлургического завода «Ле Форж де Шатийон Коментри»: «Слабостью любого крупного предприятия является неумение поддерживать действительно человеческий контакт между всеми работающими на нем... И потому основная задача этой газеты — установление такого контакта... Для достижения поставленной задачи газета должна стараться духовно и сердечно сблизить людей одного и того же предприятия, поскольку состояние подчиненности на современном производстве их очень разобщает»¹.

Капиталисты применяют и другие методы «общения» с рабочими на предприятиях. В Японии, например, на многих предприятиях мастерам вменяется в обязанность знать имена всех рабочих цеха и беседовать с каждым из них по крайней мере раз в день. Время от времени, например на новый год, владельцы предприятий снисходят до того, что заходят к рабочим домой или посылают подарки их детям по случаю поступления в школу или дня рождения.

Эти внешние признаки «заботы» не могут, конечно, скрыть эксплуататорского характера отношений между хозяевами и рабочими на капиталистических предприятиях.

¹ См. «Проблемы мира и социализма» № 1, 1959, стр. 84—85.

Увеличению прибылей капиталистам и подчинению рабочих господству буржуазии служит «организационная» сторона «человеческих отношений».

Состоит она в том, что на средний, так называемый промежуточный персонал на предприятиях — бригадиров, мастеров, техников, начальников цехов — все более возлагаются функции дисциплинарного и политического руководства. Раньше эти кадры в основном руководили производственным процессом как технические специалисты. Ныне функции надзора стали намного превалировать в деятельности среднего руководящего звена на предприятиях.

Так, в Италии на предприятиях Монтекатини и Пирелли начальникам промежуточных звеньев предоставлено право решать вопрос об индивидуальных пособиях, займах нуждающимся рабочим и устанавливать премии тем, кто, по их мнению, этого заслуживает. Тем самым мастера, бригадиры, начальники цехов и т. п. получают возможность оказывать моральное и материальное давление на рабочих.

С помощью расширения функций технического персонала капиталисты пытаются укрепить свое господство над рабочими и создать у них о себе хорошее мнение. Капиталисты «общаются» с рабочими, здороваются с ними, ходят к ним на дом. У них де «человеческие отношения» с нанятыми рабочими. Угнетают же рабочих и ставят их в полную зависимость якобы не капиталисты, а мастера, бригадиры, начальники цехов. Последние все больше становятся «унтер-офицерами» на производстве, заставляют отдельных рабочих заискивать перед собой, толкают их на путь индивидуального выслуживания, а не совместных коллективных действий во имя своих интересов.

В современных капиталистических странах проводится специальное обучение «унтер-офицеров» на производстве. В США, например, еще в предвоенные годы был разработан и внедрен специальный метод подготовки «начальников» на производстве, известный под названием «T. W. I.» — «*Training Within Industry*» («Обучение внутри производства»). По этому методу только в годы второй мировой войны в США было обучено около 3 млн. человек.

Впоследствии указанный метод распространился в Англии и других странах Западной Европы. На многочисленных курсах «по подготовке кадров для промышленности» этому методу обучаются как разные категории «начальников», так и часть квалифицированных рабочих.

В данном случае «человеческие отношения» используются для того, чтобы с помощью среднего звена на предприятиях усилить власть капиталистов над рабочими, а самим выступать в роли этаких «друзей», «партнеров» и «общающихся» с рабочими «совладельцев» предприятий.

Для рекламы своей «заботы» о трудящихся капиталистические предприниматели осуществляют так называемую *социальную деятельность*. В нее входят мероприятия по жилищному строительству, пенсионному делу, медицинскому обслуживанию, организации заводских столовых, детских садов, предоставлению льгот определенным категориям работников, займов и т. д.

В некоторых капиталистических странах (США, Западной Германии, Швеции и др.) предприниматели действительно строят для рабочих дома и квартиры, устраивают столовые. Однако такая «социальная» деятельность идет не в ущерб капиталистам и не за счет части их прибыли, как они пытаются внушить рабочим.

Эти мероприятия фактически проводятся за счет заработной платы самих же трудящихся, т. е. за счет той части стоимости рабочей силы, которую капиталисты обычно не доплачивают трудящимся. В то же время капиталисты получают от этого массу выгод.

Все эти «блага» и «льготы» предоставляются не всем рабочим, а какой-то определенной их части, главным образом «лояльно» себя ведущим. Тем самым капиталисты стремятся заставить и других рабочих, не получивших пока этих «благ», быть похожими на «облагодетельствованных». С другой стороны, капиталисты в любой момент могут отказаться от предоставления перечисленных благ, льгот и выкинуть из домов неугодных им рабочих. Наконец, надо учитывать, что подобные «социальные» расходы предпринимателя не облагаются налогами, а потому еще более выгодны ему.

Таким образом, «социальная» деятельность приносит капиталисту огромную выгоду. Она заставляет часть рабочих подчиняться все усиливающейся системе интенсификации труда, ставит их в зависимость во многих отно-

шениях от предпринимателя (от дома, в котором они живут, от детского сада, где находятся их дети, и т. д.), а следовательно, в определенной степени ведет к ослаблению классовой борьбы части рабочих.

Рабочий, задолжавший за квартиру или медицинское обслуживание, зависимый в различных отношениях от предпринимателя, — лучший объект для эксплуатации и навязывания ему идеологии «классового сотрудничества».

Например, на заводах ФИАТ в Италии рабочий, который отстаивает свои требования, рискует быть уволенным. А это означает не только стать безработным, но и потерять квартиру, которая была предоставлена ему предприятием за более низкую плату, а также другие преимущества, которые он приобрел, работая на этом предприятии. В США выделяемые капиталистами на ряде предприятий так называемые фонды улучшения благосостояния используются ими для того, чтобы с помощью реакционных профсоюзных боссов организовать сотрудничество предпринимателей и рабочих в распределении таких фондов и в то же время принудить рабочего к послушанию, к отказу от забастовок и классовой борьбы.

«Человеческие отношения» с лихвой окупаются для капиталистов. Не даром многие из них считают расходы на «социальную» деятельность столь же необходимыми, как и производственные капиталовложения.

Наконец, «человеческие отношения» включают и так называемые *общественные мероприятия* для рабочих и их семей, под которыми подразумевается деятельность администрации капиталистических предприятий в области «организации досуга» рабочих, проведения спортивных и культурных мероприятий, создания различных культурных и спортивных обществ, кружков.

Так, на многих предприятиях в Японии администрация устраивает вечеринки, танцевальные вечера, «дни игр» и другие развлечения. В Аргентине и других странах Латинской Америки предприниматели создают широкую сеть клубов.

Все эти «общественные» мероприятия имеют целью не только показать «заботу» капиталистов о трудящихся, но главным образом оторвать рабочих от активного участия в профсоюзной и партийной работе, классовой

борьбе. Занимая все свободное время трудящихся вечеринками, танцульками, капиталистические предприниматели тем самым стремятся привить им аполитичность, вытравить у них классовое самосознание, воспитать их и членов их семей в духе примирения с эксплуатацией, с капиталистическим строем.

Таковы составные части теории и практики «человеческих отношений». Их анализ показывает, что в современных условиях монополистическая буржуазия переходит от воздействия на рабочих с помощью тех или других теорий «общности интересов» к практике комплексного влияния на все стороны жизни трудящихся. Воздействовать на рабочего всесторонне: и на производстве, и дома, и на отдыхе, и в культурно-спортивных мероприятиях — такова цель буржуазного метода «человеческих отношений».

Однако подобные стремления капиталистических предпринимателей и их идеологов наталкиваются на решительное сопротивление классовых организаций пролетариата. Например, Всеобщая итальянская конфедерация труда в одном из своих документов в 1955 г. подчеркивала: «Для того, чтобы успешно защищать права трудящихся, особое внимание следует уделять той программе действий предпринимателей, которая известна под названием «человеческих отношений» и направлена на то, чтобы, используя новые критерии психологического и профессионального формирования человека, породить в массах, в социальной среде, в семье, в каждом индивидууме *образ мышления, подчиненный формам эксплуатации, которые связаны с развитием монополистического капитализма*. При этом преследуется цель *примирить рабочего с необходимостью интенсификации его труда, подавить в нем сознание того, что капиталистический способ производства основан на эксплуатации, заставить его поверить в то, что труд — это вид деятельности, присущий в равной степени как хозяину, так и его работнику*, и что на предприятии можно создать условия для воплощения в жизнь стремлений, общих и для хозяина и для работника»¹.

Отрицательную позицию к проводимой предпринимателями практике «человеческих отношений» заняли по-

¹ См. «Проблемы мира и социализма» № 1, 1959, стр. 86.

литические организации рабочего класса Франции, Западной Германии, Австрии, Японии, государств Латинской Америки и других капиталистических стран.

Активно выступая против антирабочей направленности теории «человеческих отношений», политические организации рабочего класса берут под свой контроль проведение социальных и общественных мероприятий, добиваются того, чтобы при распределении «льгот» не допускалось какой-либо дискриминации. Из практики «человеческих отношений» вырывается их антирабочее жало.

В результате для многих капиталистических предпринимателей практика «человеческих отношений» потеряла прежний интерес и привлекательность. Оказалось, что установление «человеческих отношений», именем которых буржуазия лицемерно окрестила свою подрывную тактику против рабочих, вовсе и не входило в планы капиталистических предпринимателей. Их интересовало только одно: выжать из рабочих максимум сил и сделать из них послушных роботов, отказывающихся от классовой борьбы и уверовавших в иллюзии о классовом мире и сотрудничестве.

Характерно, что в последние годы, когда коммунистические и рабочие партии все более разоблачают эксплуататорскую сущность «человеческих отношений», среди капиталистов все чаще раздаются призывы отказаться от этой лицемерной затеи.

Весьма примечательной в этом отношении является статья бывшего директора нескольких корпораций, ныне профессора Гарвардской коммерческой школы Малколма Макнэра, опубликованная в 1958 г. в американском журнале «Лук». В этой статье, озаглавленной «Не слишком ли много «человеческих отношений»?», Макнэр отмечает, что в начальный период своего возникновения практика «человеческих отношений» имела реальное значение для бизнесменов. В частности, она показала капиталистам, что «путем простого усиления их интереса к рабочим они могли добиваться возрастания выпуска продукции». Однако ныне, пишет он, «многие молодые администраторы, являющиеся слепыми приверженцами доктрины «человеческих отношений», настолько занялись проблемами и просьбами людей, что они не в состоянии принимать эффективные деловые решения,

когда это нужно. Очень часто банкротства в бизнесе прямой дорогой ведут от порога «человеческих отношений»¹.

Макнэра возмущает то, что «ныне мы сует свои носы в дела других людей, анализируя их мотивы и судя об их жизни». Делясь об опыте своего преподавания в коммерческой школе, он пишет: «Слишком часто студенты в наших коммерческих школах сосредоточивают свое внимание больше на вопросах прилаживания к людям, вовлеченным в проблемы бизнеса, чем на изучении того, как лучше вести свое дело». И в качестве заключения Макнэр в этой же статье делает вывод: «Американцы не могут позволить себе баловаться роскошью «человеческих отношений»».

Так капиталисты и буржуазные идеологи открыто отказываются от установления так называемых «человеческих отношений» с трудящимися массами. Прибыль и голый бизнес, без всякой сентиментальности по поводу «человеческих отношений» — вот что по душе современным бизнесменам и их защитникам.

Анализ различных вариантов буржуазно-реформистских теорий «общности интересов» и «человеческих отношений», используемых для обоснования политики классового сотрудничества, показывает их несостоятельность от начала до конца. Буржуазные социологи и реформисты явно спекулируют на недостаточном знании трудящимися механизма отношений между трудом и капиталом.

Однако, как показывает практика, трудящиеся капиталистических стран рано или поздно распознают антирабочую сущность политики «социальной гармонии». На своем, часто горьком и тяжелом опыте они разоблачают истинные цели «классового сотрудничества» и противопоставляют этой предательской политике все более осознанную классовую борьбу.

3. Особенности и тенденции развития классовой борьбы в современных условиях

Буржуазные социологические теории о «затухании» классовой борьбы, «гармонии» интересов капитала и труда, «исчезновении» классов терпят полное банкрот-

¹ «Look», October 28, 1958, p. 47.

ство при ближайшем соприкосновении с капиталистической действительностью. Как показывает практика послевоенного времени, во всех областях жизни капиталистического общества — экономической, политической и идеологической — происходит не ослабление, а обострение классовой борьбы.

На развитие классовой борьбы в XX столетии решающее воздействие оказали грандиозные изменения в соотношении сил на мировой арене, выразившиеся прежде всего в победе социалистической революции в России, в образовании после второй мировой войны мировой системы социализма, а также в расширении национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран.

Внутри ведущих капиталистических держав за последнее полстолетие также произошел целый ряд изменений, оказавших прямое воздействие на развитие классовой борьбы. Прежде всего это рост организованности рабочего класса, выражающийся в огромном усилении экономических организаций трудящихся, в первую очередь профессиональных союзов, в увеличении числа и состава коммунистических и рабочих партий, в возникновении новых организаций трудящихся.

Количество членов профессиональных союзов во всем капиталистическом мире за период 1876—1955 гг. увеличилось в 45 раз (примерно с 2 млн. до 90 млн. человек). В начале XX в. во всем мире насчитывалось не более 400 тыс. коммунистов. В настоящее время коммунистические и рабочие партии, стоящие на позициях марксизма-ленинизма, объединяют свыше 33 млн. человек.

Конечно, рост экономических, политических и специальных массовых организаций не шел только по линии неуклонного подъема. В их развитии были периоды приливов и отливов, приводившие к сокращению или расширению численности тех или иных организаций. Однако общая тенденция увеличения численности экономических, политических и массовых организаций и обострения классовой борьбы в капиталистическом обществе действует до настоящего времени.

Об этом свидетельствует огромный рост забастовочного движения в капиталистическом мире. Вот данные по шести главным капиталистическим странам:

Число забастовок

Страны	Среднее за период				
	1890— 1899 гг.	1921— 1930 гг.	1936— 1940 гг.	1947— 1951 гг.	1952— 1956 гг.
США	1406	—	2961	4 059	4 364
Англия	777	600	937	1 593	2 102
Франция	421	—	1220 ¹	2 047	2 020
Германия	—	2232	—	891 ^{2, 3}	1 119 ³
Италия	—	—	45 ¹	1 371 ²	2 154
Япония	—	359	628 ⁴	682	631
Всего по шести странам	2604	3191	5791	10 643	12 390

¹ Данные за один 1938 г.

² Данные за один 1949 г.

³ Дано не число забастовок, а количество предприятий в Западной Германии, охваченных забастовками.

⁴ Данные за один 1937 г.

С нескольких сот забастовок в год в начале XX в. до нескольких тысяч в последние годы — вот путь, проделанный трудящимися в экономической классовой борьбе. Экономическая борьба ведет к усилению классового сознания рабочих, подготавливает и толкает их на путь политической борьбы.

На экономическую борьбу трудящихся масс большое влияние оказывают изменения, происшедшие за последние годы в качественном составе профсоюзов. С самого начала своего существования профсоюзы «были в основном организациями квалифицированных рабочих. Их руководители сознательно и цинично заключали с работодателями соглашения, ставившие квалифицированных рабочих в привилегированные условия за счет неорганизованных масс»¹. Господство «рабочей аристократии» в профсоюзах помогало реакционным профсоюзным боссам насаждать политику классового сотрудничества, предавать интересы трудящихся масс

¹ У. З. Фостер, Очерки мирового профсоюзного движения, стр. 695.

за счет удовлетворения некоторых требований квалифицированных рабочих. В настоящее время большинство членов профсоюзов капиталистических стран составляют не высококвалифицированные, а полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие, а также служащие и интеллигенция, уровень жалованья которых приближается к зарплате рабочих.

Важным изменением в экономической борьбе рабочего класса является процесс полевения профсоюзного движения, подрыв в нем правого руководства, усиление влияния коммунистов и левых социал-демократов.

Солидарность трудящихся в экономической борьбе, их взаимная материальная и моральная поддержка друг друга, настойчивость и упорство в достижении поставленных целей являются все более характерными чертами современного этапа классовой борьбы рабочих.

Как ни значительны, однако, успехи в классовой борьбе за экономические требования, экономическая борьба остается не главной формой борьбы пролетариата. Она не может подменить собой политической борьбы. Это связано прежде всего с тем, что экономическая и политическая борьба ставят перед собой различные цели: первая — улучшение жизненных условий трудящихся в рамках капитализма, вторая — замену капиталистической системы хозяйства социалистическим производством.

Для экономической и политической классовой борьбы требуются разные уровни классового сознания трудящихся. Одно дело — осознать необходимость борьбы за улучшение своих жизненных условий, другое дело — осознать необходимость беззаветной и часто связанной с жертвами борьбы за завоевание политической власти.

Различным формам классовой борьбы пролетариата соответствуют и разные организационные формы объединения трудящихся. Формой организационного объединения трудящихся для экономической борьбы являются профсоюзы, а для политической борьбы — марксистские партии (коммунистические, рабочие).

Профсоюзы, как бы многочисленны и активны они ни были, не могут заменить политические партии. Последние решают политические задачи, которые не под силу профсоюзам. Прежде всего это относится к коммунистическим и рабочим партиям, стоящим на марксистско-

ленинских позициях и являющихся передовым отрядом рабочего класса.

В послевоенный период политическая борьба рабочего класса наиболее сильно развивалась во Франции, Италии, Японии и других капиталистических странах, где высоко развито классовое сознание трудящихся и довольно многие из них объединены в боевые коммунистические и рабочие партии. В то же время политическая борьба рабочих слабее проявлялась в США, Англии, Западной Германии, ряде скандинавских стран и в некоторых других капиталистических странах, где низко еще классовое сознание многих трудящихся, где в силу объективных и субъективных причин нет сильных и многочисленных коммунистических и рабочих партий. Во Франции, Италии и других странах с довольно высоким классовым сознанием трудящихся и наличием сильных коммунистических и рабочих партий политическая борьба сочеталась с экономической, постоянно выступая на первый план в классовой борьбе пролетариата.

Во Франции, Италии, Японии и некоторых других капиталистических странах коммунистические партии в течение послевоенных лет являются одними из крупнейших политических партий.

Значительный рост влияния коммунистических партий в этих и других странах привел к тому, что руководство политическим и экономическим движением трудящихся в капиталистическом мире все больше переходит от лидеров правых социалистических и социал-демократических партий к коммунистическим и рабочим партиям.

Политическая классовая борьба трудящихся капиталистических стран в послевоенный период касается как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем. Во Франции и Италии это была борьба за улучшение экономического и социального положения рабочих и всех трудящихся, против политики закабаления этих стран американскими монополистами, против их включения в «план Маршалла» и Североатлантический пакт, против милитаризации Франции и Италии и предоставления их территорий под американские военные базы, против наступления реакции и попыток французской и итальянской буржуазии ликвидировать завоеванные рабочими права и свободы. В Японии рабочий класс также

повел политическую борьбу против засилья американской военщины и американских монополий, ремилитаризации страны, против создания в ней военных баз и т. д.

Трудящиеся массы капиталистических стран под руководством коммунистических партий активно участвовали в общенациональных, местных и муниципальных выборах, не раз добиваясь огромных успехов на этом пути. Особенно много побед в послевоенные годы одержали на общенациональных, местных, муниципальных и подобных выборах коммунистические и прогрессивные силы во Франции, Италии, Японии и других капиталистических странах.

Под руководством коммунистических партий трудящиеся капиталистических стран развернули массовую борьбу за мир, против военных приготовлений империалистических держав, за мирное сосуществование двух систем.

Политическая борьба не в одинаковой, однако, степени развивается во всех капиталистических странах. Так, пользуясь невысоким классовым сознанием американских трудящихся, лидеры профсоюзов в США спекулируют на фактах относительного благополучия экономики для того, чтобы распространять иллюзии о процветании и превращении США в «государство всеобщего благосостояния», о ненужности классовой борьбы и необходимости политики «классового сотрудничества». Как отмечается в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, «временная конъюнктура поддерживает реформистские иллюзии среди части рабочих капиталистических стран»¹. Тем самым правосоциалистическим лидерам и правым профсоюзным руководителям удается пока удерживать за собой руководство в рабочем движении в США.

Однако подобное положение, естественно, не может продолжаться долго. Председатель Коммунистической партии США У. Фостер указывает: «Подавляющее большинство рабочих США пока находится в плену иллюзий насчет капитализма и еще не усвоило социалистического мировоззрения. Но эта отсталость, обусловленная

¹ «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий», стр. 7.

относительно более благоприятным положением капитализма США, носит лишь временный характер. Иллюзии такого рода будут изживаться и рассеиваться по мере обострения социальных проблем, порожденных углублением общего кризиса мировой капиталистической системы, органической и зависимой частью которой является капитализм США. Рабочий класс США, как и рабочие всех других стран, не замедлит вступить на путь, ведущий к социализму»¹.

Наряду с политической борьбой трудящиеся капиталистических стран, зарубежные коммунистические и рабочие партии ведут настойчивую теоретическую, идеологическую классовую борьбу.

Теоретики-коммунисты разоблачают буржуазные теории в области философии, социологии и политической экономии, обращая особое внимание на аргументированную критику тех буржуазных концепций, которые призваны обосновать предательскую политику «классового сотрудничества» капитала и труда, подкрепить тезис о превращении капитализма в «народный» капитализм, о его перерастании в «общество среднего класса» и т. п. Наиболее настойчивую и последовательную борьбу в этом отношении проводят теоретические работники коммунистических партий Франции, Италии, США, Англии и других капиталистических стран. Теоретические работы руководителей коммунистических партий Уильяма Фостера (США), Мориса Тореза и Жака Дюкло (Франция), Пальмиро Тольятти (Италия) и многих других являются выдающимся вкладом в современную идеологическую борьбу с буржуазией. Работы зарубежных теоретиков-коммунистов беспощадно разоблачают нападки современных буржуазных идеологов на марксизм, показывают верность и жизненность идей марксизма-ленинизма. Большая убедительность таких работ, их острая политическая направленность, доходчивость и ясность языка обеспечивают им широкую популярность в среде рабочих и трудящихся капиталистических стран, служат дальнейшему повышению классового сознания широких масс рабочих.

В последние годы коммунистические зарубежные партии особое внимание уделили идеологической борьбе

¹ У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, стр. 860.

со всякими реформистскими, оппортунистическими теориями, со всевозможными ревизионистскими наскоками на марксизм. В Италии, Франции, США, Англии и других капиталистических странах появились острые, убедительные работы теоретиков-марксистов, которые путем кропотливого разбора всех так называемых тезисов и аргументов ревизионистских выходцев из рабочих партий не оставляют камня на камне от «теоретических» построений современного ревизионизма. Борьба с ревизионизмом является главным направлением современной теоретической борьбы коммунистических и рабочих партий в капиталистических странах.

Общей тенденцией развития политической, экономической и идеологической классовой борьбы в условиях современного империализма является закономерность, указанная Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». Это тенденция все большего и большего упрощения и обострения классовых противоречий при капитализме.

Фокус классовой борьбы ныне сконцентрировался на двух полюсах: буржуазии и пролетариата. Вокруг этих двух полюсов сосредоточиваются силы остальных классов и слоев капиталистического общества. Каждый основной класс стремится заручиться наибольшим числом союзников и помощников. Вопрос о союзниках в классовой борьбе — один из решающих.

Ведя в ходе классовых столкновений борьбу за союзников, пролетариат и буржуазия большое внимание обращают на средние слои общества, которые в современных капиталистических странах, как мы видели, составляют до 50 процентов всего работоспособного населения. Именно отсюда черпают пролетариат и буржуазия своих самых многочисленных союзников и помощников.

Однако было бы совершенно неверно думать, будто вопрос о союзниках целиком сводится только к вопросу о средних слоях, будто вопрос о союзниках и средних слоях — это одно и то же. Такое отождествление недопустимо.

Вопрос о средних слоях есть прежде всего экономический вопрос, ибо состав средних слоев определяется не тактическими и политическими соображениями, а экономическим промежуточным положением каждой

части средних слоев между двумя противоположными полюсами общества. Вопрос же о союзниках буржуазии и пролетариата есть вопрос прежде всего политический, опирающийся, конечно, на учет социально-экономических факторов. Говоря о том, как пролетариат должен изыскивать себе союзников в борьбе с буржуазией, Ленин писал в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы *малейшей*, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран,— так и всякой, хотя бы *малейшей*, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*»¹.

В силу этого вопрос о союзниках шире, чем вопрос о средних слоях. Ни для буржуазии, ни для пролетариата вопрос о союзниках не ограничивается только средними слоями общества.

Буржуазия имеет союзников в лице крупных землевладельцев, вовсе не являющихся средними слоями, а городской пролетариат находит их в лице сельского пролетариата, также не относящегося к промежуточным слоям. В современных условиях борьбы против монополистического капитала пролетариат объединяется по отдельным вопросам с представителями слоев сельской буржуазии, мелких и средних капиталистов города, также испытывающих давление и гнет со стороны всемогущих монополий.

Например, Коммунистическая партия Италии, учитывая положение части зажиточных слоев деревни в Италии (давление со стороны крупных землевладельцев, сравнительно небольшие участки земли и т. д.), считает возможным использовать эти зажиточные слои против крупного землевладения, хотя они и не относятся к средним слоям общества.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 52.

Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий отмечает имеющуюся у рабочего класса капиталистических стран возможность объединить вокруг себя в борьбе против монополистической буржуазии самые различные слои населения, в том числе среднюю буржуазию, хотя последняя, как известно, входит в класс буржуазии и не имеет никакого отношения к средним слоям общества.

Отсюда ясно, что если пролетариат или буржуазия и приобретают себе в качестве союзников какие-нибудь слои капиталистического общества, то последние не становятся от этого средними слоями.

Тенденция современного исторического развития складывается таким образом, что в ходе обострения общего кризиса капиталистической системы и развёртывания классовой борьбы происходит процесс все большего увеличения числа и состава союзников пролетариата и сокращения союзников буржуазии.

Однако это не означает, что все средние слои капиталистического общества и различные части немонополистической буржуазии обязательно должны сплотиться вокруг пролетариата.

В борьбе с буржуазией, отмечает Энгельс, «средние слои никогда, надо полагать, не сплотятся все без исключения вокруг пролетариата так, чтобы поддерживающая буржуазию реакционная партия почти растаяла. «Народ», таким образом, всегда окажется разделённым»¹.

В классовой борьбе пролетариата первостепенное значение имеет союз рабочего класса и трудящихся деревни. Как отмечает французский коммунист Ф. Николон, это происходит «не только потому, что в большинстве стран трудящееся крестьянство составляет численно значительную массу населения, таящую в себе большие революционные возможности, но также потому, что оно составляет важнейший сектор экономической деятельности, без поддержки которого рабочий класс не сможет завоевать и укрепить свою власть. Поэтому коммунистические и рабочие партии безоговорочно поддерживают все требования мелкого трудового крестьянства, не противоречащие интересам пролетариата»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 104.

² См. «Проблемы мира и социализма» № 4, 1959, стр. 56.

Если определенные элементы мелкой буржуазии деревни борются во имя прошлого, то, как указывает Морис Торез, «коммунистическая партия защищает их потому, что они задавлены крупным капиталом и являются естественными союзниками рабочего класса. Партия их защищает *во имя общего будущего всех трудящихся*, во имя социализма, освобождения человечества от эксплуатации человека человеком, во имя царства братского труда свободных и равноправных трудящихся»¹.

Следовательно, речь идет не о защите частнособственнических устремлений крестьянства, а о том, чтобы расширять борьбу мелкого и среднего крестьянства против крупной буржуазии, объединять их борьбу с борьбой пролетариата.

Что касается мелкой городской буржуазии, то капиталистическая действительность заставляет все большую ее часть отказываться от союза с крупной буржуазией. Мелкая буржуазия города испытывает все больший гнет со стороны крупной и монополистической буржуазии. Мелкие мастерские и предприятия в огромной степени зависят от капиталистической индустрии. Они оказываются беззащитными перед монопольными ценами. В результате мелкие предприниматели фактически превращаются в работников, берущих часть подряда у крупных капиталистов.

Все это толкает мелких городских буржуа на путь отхода от буржуазии и присоединения к рабочему движению. Ф. Николон на примере Франции отмечает: «Результаты последних муниципальных выборов в марте 1959 г., характеризовавшихся значительным ростом голосов, поданных за коммунистов, и сокращением числа голосовавших за деголлевских кандидатов, показали, что часть этих слоев начинает осознавать грозящую им опасность и перестает доверять ультрареакционерам»².

Будущее мелкой городской буржуазии, как и мелкой сельской буржуазии, лежит в совместной борьбе с пролетариатом за социалистическое переустройство общества.

Большие возможности в современных капиталистических странах открываются для союза рабочего

¹ См. «Проблемы мира и социализма» № 4, 1959, стр. 56.

² См. там же.

класса со многими группами служащих и интеллигенции.

Многие служащие частного сектора (административные и конторские работники, торговые служащие и т. д.) фактически находятся на положении наемных рабочих. «Но особенный характер их труда, их роль на предприятии (близость к дирекции) и, как следствие, большая подчиненность буржуазной идеологии тормозят пока у многих из них развитие классового сознания и иногда затушевывают то общее, что присуще их интересам и интересам промышленного пролетариата»¹.

Инженерно-технические работники по социальному положению и роли находятся в двойственном, противоречивом положении: с одной стороны, инженеры и техники, как наемные работники, являются эксплуатируемыми и их интересы противостоят интересам капиталистов; с другой стороны, поскольку на них возложены эксплуататорские функции управления капиталистическими предприятиями, они выступают в качестве представителей интересов капитала.

Тенденция заключается в том, что по мере сближения положения низших звеньев инженерно-технического персонала с положением рабочих и усиления нажима на них со стороны предпринимателей многие из них все больше связывают свою судьбу с борьбой рабочего класса. Их будущее связано с социализмом.

Капитализм неуклонно подталкивает к союзу с рабочим классом низшие и средние слои государственных служащих, а также широкие слои работников интеллектуального труда, лиц свободных профессий: учителей, ученых, врачей, деятелей искусства и т. д. Как правильно отмечает Ф. Николон, «только у незначительной части работников умственного труда будущее связано с будущим буржуазии (например, у судебных исполнителей, нотариусов и т. п.). Огромное же большинство работников умственного труда только при социализме получит такие условия, в которых ему все чаще и чаще отказывает капитализм»².

В целом в отношениях между пролетариатом, служащими и интеллигенцией действуют две тенденции. Одна

¹ См. «Проблемы мира и социализма» № 4, 1959, стр. 53.

² См. там же, стр. 54.

состоит в сближении пролетариата с широкими слоями служащих и интеллигенции, другая — в постоянном воздействии буржуазной идеологии на служащих и интеллигенцию, всесторонней обработке их со стороны буржуазии, поскольку многие служащие и интеллигенты по характеру своей работы постоянно соприкасаются с ней.

Буржуазия и ее идеологи стараются внушать служащим и интеллигенции, что они не равны рабочим, стоят выше их, даже если получают и меньшее жалованье. Поэтому они должны меньше общаться с рабочими и не вести с ними никаких совместных действий.

Из двух тенденций первая тенденция — сближения пролетариата со служащими и интеллигенцией — проявляется все сильнее. Будущее большинства этих слоев с пролетариатом, а не с буржуазией.

В целом борьба за влияние среди большинства средних слоев является одной из насущных задач коммунистических и рабочих партий. Говоря о задачах сотрудничества между рабочим классом и средними слоями во Франции, Морис Торез в докладе на XV съезде Французской коммунистической партии подчеркнул: «Во что бы то ни стало единый фронт рабочего класса, во что бы то ни стало объединение рабочего класса и средних слоев — таков лозунг коммунистической партии»¹.

Перед современным мировым рабочим движением открываются широкие перспективы объединения вокруг рабочего класса самых различных слоев населения капиталистических стран. Как подчеркивается в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, интересы и политика «узкой кучки монополий все более приходят в противоречие не только с интересами рабочего класса, но и всех остальных слоев капиталистического общества — крестьянства, интеллигенции, мелкой и средней буржуазии города. В тех капиталистических странах, которые пытаются подчинить себе американские монополии, и в странах, страдающих от американской политики экономической и военной экспансии, создаются объективные предпосылки для объединения под руководством рабочего класса и его революционных партий самых широких слоев населения для борьбы за мир, в защиту национальной независимости и демократиче-

¹ См. «Правда», 25 июня 1959 г.

ских свобод, за улучшение жизненных условий трудящихся, проведение радикальных аграрных реформ, для свержения всевластия монополий, предающих национальные интересы»¹.

Таковы некоторые тенденции развития классовой борьбы в современном капиталистическом обществе, опровергающие буржуазные социологические теории и доказывающие великую жизненную силу марксизма-ленинизма.

* * *

Рассмотрение буржуазных социологических теорий, связанных с проблемой классов и классовой борьбы, со всей очевидностью показывает бесплодие современной буржуазной социологии.

Многочисленные буржуазные, реформистские и ревизионистские теории преследуют определенную классовую цель — фальсифицировать и опорочить марксистско-ленинскую науку об обществе, всеми способами приукрасить капиталистическую действительность, идеологически разоружить и оттолкнуть от марксизма трудящихся капиталистических стран, заставить их отказаться от борьбы за свои интересы и подчиниться монополистической буржуазии. Отмечая эту характерную черту буржуазных теорий, Ленин указывал на присущую им «практическую тенденцию стереть самое понятие «класса», устранить самую идею классовой борьбы»². В этом состоит вся сущность буржуазных социологических и реформистских теорий.

Однако не все буржуазные социологи являются сознательными приказчиками класса капиталистов. Помимо открытых апологетов капиталистического строя и ярых антимарксистов имеются социологи, которые искренне пытаются найти объективные ответы на поставленные вопросы. Среди буржуазных социологов имеются и такие, в работах которых апологетика капитализма и антимарксизм уживаются с анализом конкретных фактов действительности. И все же, несмотря на это, как тех, так и других объединяет одно — они не могут и не в

¹ «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий», стр. 18.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 175.

состоянии дать научного объяснения коренных проблем классов и классовой борьбы.

Современная буржуазная социология как в вопросах о классах и классовой борьбе, так и в целом не может дать объективного освещения проблем общественной жизни, так как она базируется на порочной методологии, главным образом позитивизме. Недаром французский ученый А. Турэн в «Американском журнале социологии» вынужден был признать, что метод современной буржуазной социологии «не может объяснить сущности реальностей, которые он описывает». Симптоматично, что на состоявшемся в сентябре 1959 г. в Милане — Стресе (Италия) IV Всемирном социологическом конгрессе целый ряд социологов выступил с призывом отказаться от чисто эмпирического характера исследований и уделять больше внимания теории, хотя никто из них не призывал отказаться от самой позитивистской методологии.

У буржуазной социологии нет и не может быть будущего. Как признал в речи 19 ноября 1958 г. в Кливленде Джон Фостер Даллес, «мы кажемся неспособными сформулировать основы философии нашего времени, которая свидетельствовала бы о глубокой убежденности и обладала бы большой притягательной силой». Что верно, то верно. У буржуазной социологии нет и не может быть ни убежденности, ни притягательной силы. Не может обладать убежденностью «наука», сознательно извращающая истину ради защиты капитализма и борьбы с марксизмом. Не может обладать притягательной силой теория, которая дает антинаучное, противоречащее всем фактам жизни объяснение капиталистической действительности.

Только марксистско-ленинская наука дает правильное объяснение общественных явлений. Опираясь на материалистическую теорию и руководствуясь диалектическим методом, она обладает глубокой убежденностью и громадной притягательной силой.

Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы верна и непобедима. Ее жизненность проверена практикой всего человеческого общества и подтверждена опытом коммунистического и рабочего движения во всех странах. Она указывает трудящимся всех стран единственно правильный путь для преобразования общества на коммунистических началах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава первая. Сущность буржуазных теорий социального расслоения («социальной стратификации»)	8
1. Предмет и метод	8
2. Характерные черты буржуазных теорий «социальной стратификации»	14
Глава вторая. Буржуазная наука о природе социального расслоения	24
1. Буржуазные теории, открыто отрицающие материальные основы деления общества на классы	24
2. Буржуазные «экономические» трактовки общественных классов	40
3. Теории многочисленных критериев классов и «многоизмеримой стратификации»	59
Глава третья. Социальная структура капиталистического общества и буржуазная социология	76
1. Классы и социальные слои при капитализме	76
2. Буржуазные схемы классовой структуры общества	91
Глава четвертая. Изменения в социальной структуре капитализма и их антинаучные истолкования буржуазной социологией	110
1. Основные изменения в социальной структуре капитализма за последние 80 лет	111
2. Буржуазные теории о «среднем классе» и их использование в борьбе с марксизмом	138
3. Миф об «исчезновении» классов	150
Глава пятая. Буржуазная наука об отношениях между классами и классовой борьбе	179
1. Буржуазные теории «конфликта» между классами, «открытых» и «закрытых» обществ и «социальной мобильности»	179
2. Буржуазно-реформистские теории «общности интересов» и «человеческих отношений»	202
3. Особенности и тенденции развития классовой борьбы в современных условиях	232

Семенов Вадим Сергеевич

ПРОБЛЕМА КЛАССОВ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Редактор Э. Струков

Художник Г. Дейч

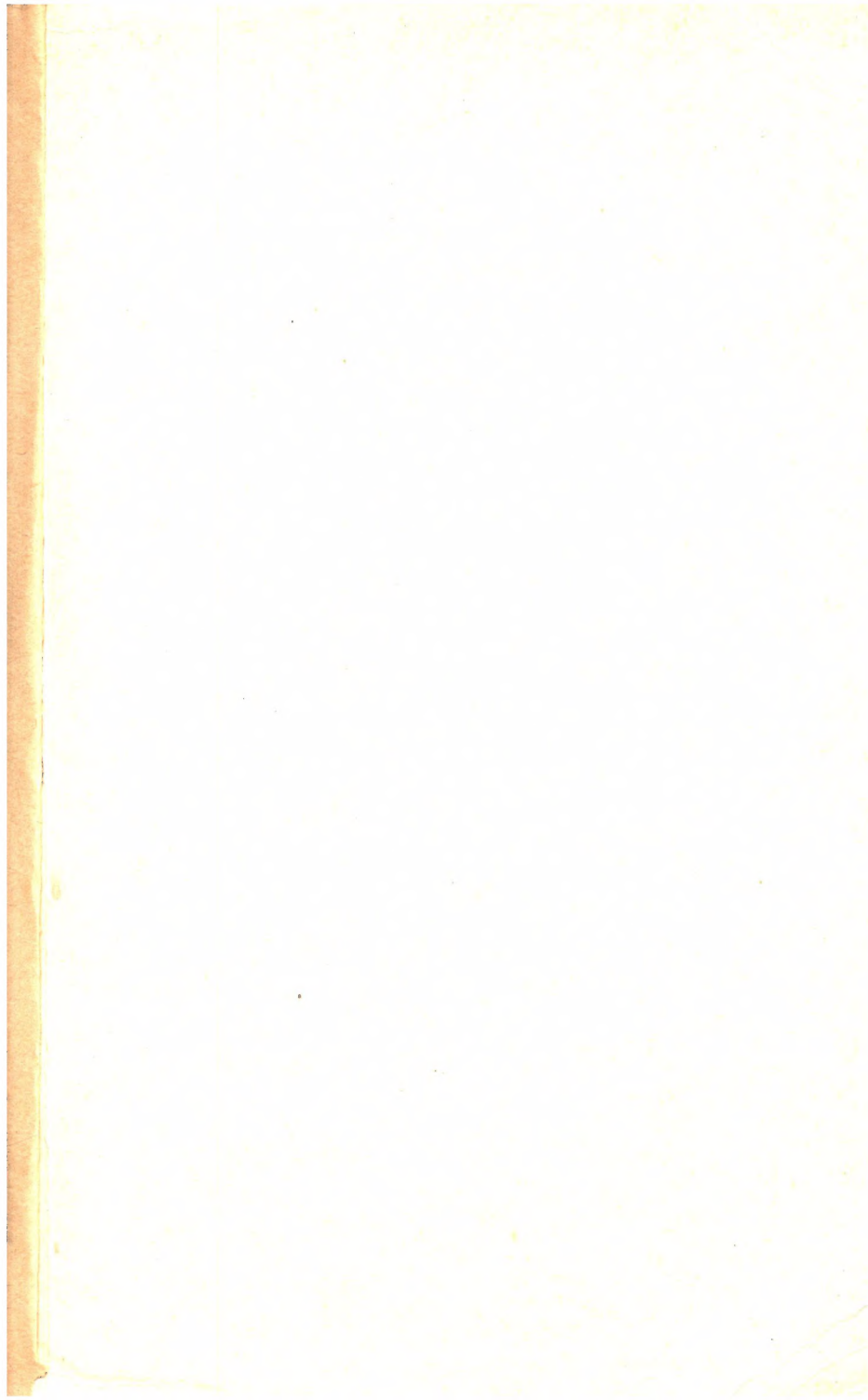
Художественный редактор Г. Семиреченко

Технический редактор Т. Попова

Сдано в набор 10 августа 1959 г. Подписано в печать 26 ноября 1959 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 7³/₄. Условн. печ. л. 12,71. Учетно-издат. л. 13,05
Тираж 20 тыс. экз. А 08650. Заказ № 745. Цена 4 р. 50 к.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

4 р. 50 к.